

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 15 АПРЕЛЬ 1982

Литовская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 65,2 ТЫСЯЧИ КВАДРАТНЫХ КИЛОМЕТРОВ.

НАСЕЛЕНИЕ — 3 МИЛЛИОНА 474 ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК.

НАСЕЛЕНИЕ ВИЛЬНЮСА — 513 700 ЧЕЛОВЕК.

В РЕСПУБЛИКЕ ЖИВУТ ГРАЖДАНЕ
БОЛЕЕ 60 НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ.

ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

ЗА 1940—1981 ГОДЫ УВЕЛИЧИЛОСЬ В 61,3 РАЗА;

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ — В 2,1 РАЗА;

ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — СВЫШЕ ЧЕМ В 160 РАЗ.

« ПРОЗВЕНИТ ЛИТВА В НАРОДОВ БРАТСТВЕ... »

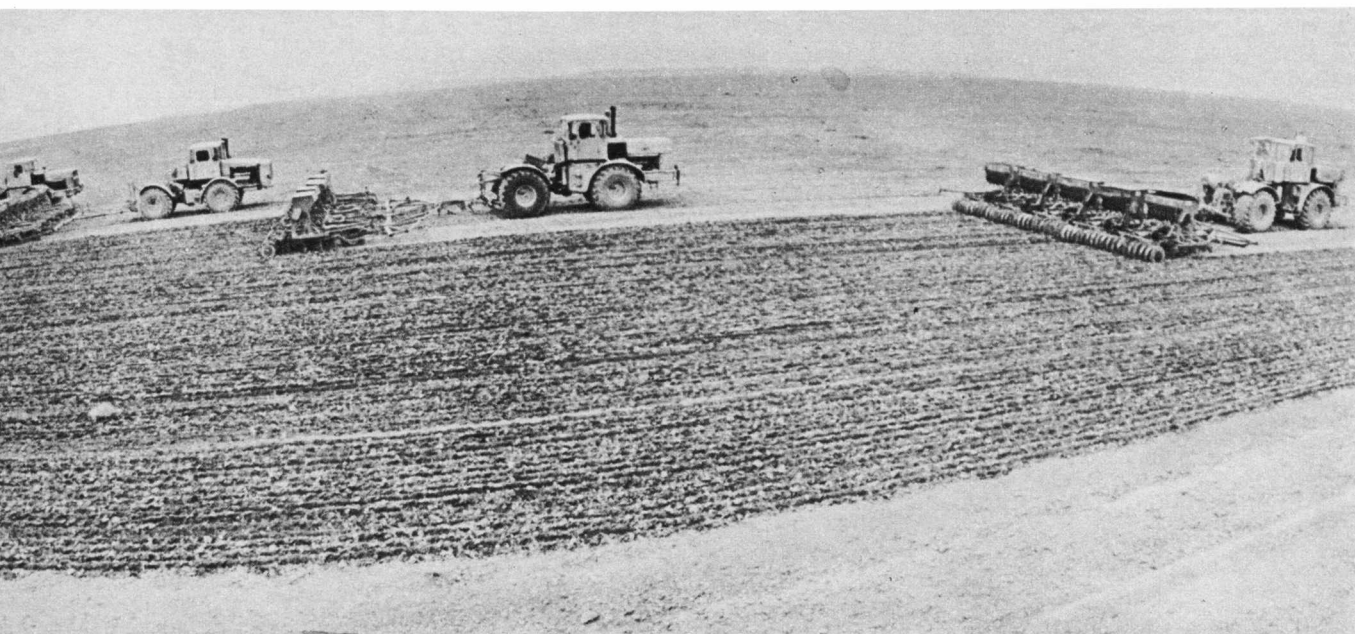
Витаутас БУБНИС, писатель

Есть старинная литовская народная песня «С востока солнышко всходило, а с запада к нам тучи плыли». Эти немудреные слова обладают глубоким, продиктованным долгими веками смыслом... Когда прогремели выстрелы «Авроры», их эхо докатилось и до Литвы. Местная буржуазия при помощи империалистических сил утопила в крови установленную в 1918 году в Литве Советскую власть. Но она так и не сумела подавить борьбу трудящихся Литвы, подорвать их веру в революцию. В годы владычества буржуазии рабочие с надеждой глядели на Страну Советов, они мечтали о торжестве социализма в родном краю. Об этом мечтали и безземельные, малоземельные крестьяне, трудовая интеллигенция. И не только мечтали. Под руководством находившейся в подполье Коммунистической партии они начали революционную борьбу, которая летом 1940 года увенчалась победой.

В августовские дни исторического 1940 года, когда Литва была принята в семью советских народов, член делегации Литовского народного сейма писатель Антанас Венцлова говорил: «Этот день — самый счастливый не только для меня, но и для всего моего измученного многолетними страданиями народа. Сегодня преисполнились гордости все те, кто никогда не терял веры в прекрасное будущее Литвы, кто всегда верил, что Литва станет свободной».

См. стр. 13.

Сев идет.

РЕЦЕПТ ВЕСНЫ

Было то тепло, то холодно, то мокро, то сухо, то тихо, то ветрено. Видно, потерялся где-то на необъятных казахстанских просторах рецепт весны для совхоза «Рославльский». Сеять бы пора, да затяжная непогода не позволяла. Вот уже ветры угнали куда-то в иные края стада тяжелых холодных туч, и почва вроде бы подсохла, а ступишь на нее — в грязь провалишься. Значит, еще потерпи, хлебороб... Да, нелегкие земли достались «Рославльскому» на краю щебнистой степи Бетпак-Дала. Совхоз этот целинный, возник в легендарном 1954-м, и мерялся тогда силой с не поднятой еще никем целинной молодой парни, демобилизованные солдаты.

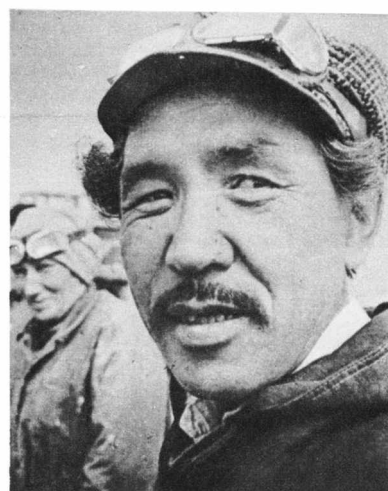
— План у нас был тогда — поднять две тысячи гектаров целины, — рассказывал один из первоцелинников, Андрей Игнатьевич Пильгун, опытный хле-

бороб, — а подняли в первую же весну двадцать две тысячи. Азарт взял, не могли остановиться, хотя техника была похуже нынешней...

Мы сидели с Пильгуном в просторной кабине мощного К-700. Пришло, наконец, время сева. Огромная машина шла плавно, казалось, без усилий влекла тяжелую сеялку, оставляя за собой широкую полосу засеянной пашни. Сизые от протравливания семена падали в прогретую почву и, лишившись человеческой опеки, вступали в самостоятельную жизнь. Теперь заботиться о них будет мать-природа... если только не забудет. Бывает часто в этих местах, что вместо дождя может ударить град или наступит засуха...

— Зерновые мы сеем на площади в 34 тысячи гектаров, — рассказывал директор совхоза Шайхислам Мусин, — и научились выращивать хорошие урожаи почти в любых условиях. Тут помогают и почвозащитная система земледелия, и прекрасная современная техника, и знания специалистов, и опыт хлеборобов, таких, как Андрей Пильгун, Жолкынбай Наубеков, Даулен Ахимбаев, Тлеули Джумашев... Но природа есть природа, ее капризы предугадать невозможно, недаром наш край называют зоной рискованного земледелия. Например, в 1978-м ожидали мы отменный урожай. Хлеба просто радовали глаз редкой мощью и наливом колосьев. И вдруг все пропало в одночасье. Полосой прошел град и побил хлеба на площади в десять тысяч гектаров. Вы когда-нибудь видели побитые градом поля? Не пожелаю никому такого. Они похожи на развезженную дорогу. Ничего живого не остается. И помочь ничем нельзя, вот что обидно...

Я вспоминал рассказ директора, сидя в кабине К-700. Трактор без усталости, будто играючи, прохаживался по полю огромными

Механизатор Тлеули Джумашев.

кругами, засевая гектар за гектаром. Словно привязанные рядом сновали еще четыре агрегата, и широкая полоса черной взбудораженной земли простиралась теперь до горизонта. Время от времени к сеялкам на краю поля подъезжали грузовики с зерном, которое, шурша, лилось в бункера агрегатов, и все начиналось сызнова. Пильгун, сидя за штурвалом, тихонечко напевал:

— Где же вы теперь, друзья-однополчане...

Широкая степь привычно растянулась перед ним, видная вся, вплоть до горизонта. На душе было весело — от приволья, от запаха хлебной пыли и степной полыни джусана, от сознания власти над огромной сильной машиной. Пильгун забыл и обо мне и обо всем на свете. У него был свой рецепт весны — засеять это поле как можно быстрее.

Ю. ЛУШИН
Фото автора

Алма-Атинская обл.

В БОРЬБЕ ЗА СУЩЕСТВ

Джеймс Олдридж

Придя к власти, нынешнее английское правительство недвусмысленно заявило, что в сфере внутренней политики ставит перед собой две цели: сведение на нет и без того урезанных социальных программ и ослабление профсоюзов с тем, чтобы они не могли «вмешиваться» в политическую жизнь страны. Оно развернуло последовательное наступление на все социальные программы, включая образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение и библиотеки. Сейчас оно собирается внести в парламент законопроект о трудоустройстве, который, по мнению руководителей английских профсоюзов, призван нанести ощутимый удар по профсоюзному движению Великобритании.

Министр по вопросам занятости Норман Теббит давно носится с идеей этого законопроекта, направленного на ограничение прав профсоюзов. Английское правительство намерено лишить профсоюзы своей страны нормальных условий деятельности, существующих во всех других государствах Западной Европы. Суть законопроекта о трудоустройстве состоит в том, что решение вопроса о законности тех или иных прав профсоюзов передается в ведение судов, которые, как известно, крайне отрицательно относятся к любой профсоюзной деятельности. Если законопроект будет проведен через парламент, то сфера гражданской ответственности профсоюзов будет значительно расширена и суды получат право штрафовать их на суммы до 250 000 фунтов стерлингов. Законопроект дает новое толкование понятию «промышленного конфликта». Последнее означает задержание политических, или, как их официально называют, «персональных» забастовок. При этом право определения характера забастовки предоставляется судам. Фактически профсоюзы будут нести судебную ответственность за деятельность своих представителей, что подвергает профсоюзных активистов постоянному риску.

Многие положения нового законопроекта характеризуются как просто «дисциплинарные меры воздействия», но они не позволяют профсоюзам не только эффективно защищать права трудящихся, но и вообще нормально функционировать в качестве законных организаций. В таких условиях профсоюзы могут быть привлечены к суду за любую деятельность. Суд же может беспрестанно штрафовать профсоюзы и в конце концов заставить их прекратить свое существование в связи с отсутствием средств. Ограничительные статьи законопроекта о трудоустройстве направлены также на поддержку тех, кто вы-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 15 (2856)

Основан
1 апреля
1923 года

10 АПРЕЛЯ 1982

© Издательство «Правда», «Огонек», 1982

ходит из профсоюза и действует вне его. Судебному преследованию будут подвергаться трудящиеся, отстаивающие права своего профсоюза. В определенных обстоятельствах борьба за права профсоюза повлечет за собой увольнение с работы или даже тюремное заключение. Уже сейчас секретарь Британского конгресса тред-юнионов Л. Мэррей вынужден был сделать следующее заявление: «Мы не ставим себе задачу нарушения закона, но, если закон лишает профсоюзных деятелей возможности нормально выполнять свои обязанности, тогда мы должны сказать: «Мы не признаем такого закона со всеми вытекающими отсюда последствиями для нас и для других». Эти слова отражают реакцию всего английского профсоюзного движения на новый законопроект. Даже профсоюзные деятели правого толка, такие, как Билл Сэрз из Объединенного профсоюза рабочих сталелитейной промышленности, Терри Даффи из Объединенного профсоюза работников машиностроения и строительной индустрии и Мосс Эванс из Объединенного профсоюза транспортных рабочих, взяли на себя обязательство в случае необходимости прибегнуть к общенациональной забастовке, чтобы провалить законопроект в парламенте. Мосс Эванс заявил, что, если такую забастовку отнесут к категории «политических», он все равно выступит в ее поддержку, несмотря на «незаконность» подобной акции. Уже много лет избираемый генеральным секретарем Объединенного профсоюза работников полиграфической промышленности и типографских рабочих Билл Кейес предложил профсоюзному движению программу из восьми пунктов, которой оно должно следовать, чтобы не допустить принятия законопроекта о трудоустройстве. Он также сказал: «Если наши предложения будут расценены как подстрекательство рабочих к нарушению закона, то в нынешних условиях мы должны пойти на это. На протяжении столетий люди боролись против плохих законов».

Британский конгресс тред-юнионов принял решение об учреждении фонда в миллион фунтов стерлингов для борьбы против законопроекта и в целях защиты профсоюзных деятелей. БКТ начнет также проведение кампании по разъяснению рабочему движению и общественности страны всей опасности законопроекта о приеме на работу. Кампания будет проводиться в два этапа: первый рассчитан на срок почти до конца нынешнего года, то есть до тех пор, пока законопроект не станет законом, а второй развернется в случае принятия законопроекта в парламенте. По всей стране пройдут митинги и демонстрации протеста против нового законопроекта, а также будет организовано соответствующее лоб-

би в парламенте. БКТ созывает совещание ответственных работников всех профсоюзов для выработки конкретного плана действий против принятия законопроекта.

Вот уже почти сто лет английские трудящиеся борются за права своих профсоюзов, и на протяжении всего этого срока правительства неизменно пытались урезать их с помощью закона. В 1900 году один из первых и самых боевых профсоюзов Англии, который сейчас носит название Национального союза железнодорожников, был привлечен владельцами железных дорог к судебной ответственности. Суд приговорил профсоюз к штрафу в 23 000 фунтов стерлингов за организацию забастовки. По тем временам это была огромная сумма, которая сейчас равнялась бы приблизительно 500 000 фунтов стерлингов. Развернулась жестокая борьба, продолжавшаяся несколько лет и приведшая к принятию закона, в котором были зафиксированы многие из существующих ныне прав профсоюзов. Закон давал рабочим право на забастовку и гарантировал некоторые личные права отдельных участников забастовки.

С тех пор все английские правительства прилагали массу усилий для того, чтобы ограничить права трудящихся и нанести урон профсоюзному движению. В 1971 году лейбористское правительство выдвинуло программу под названием «Вместо вражды», которая вызвала резкую отповедь со стороны профсоюзов как посягательство на их права. Консервативное правительство Эдварда Хита тоже предприняло попытку провести наступление на права профсоюзов. Тогда один из бывших министров труда протестовал через парламент антипрофсоюзное законодательство, своего рода «прелюдию» к нынешнему законопроект о трудоустройстве.

Вот как г-н Теббит защищает свое детище: «Если кто-нибудь попытается нарушить этот закон, то он совершит преступление не против меня лично, а против народа и парламента. Однако такое заявление смехотворно. Ведь одиннадцать миллионов англичан являются членами профсоюзов. Г-н Теббит и другие члены правительства Тэтчер уверены, что профсоюзы не смогут эффективно бороться против нового законопроекта. Английское правительство твердо рассчитывает на раскол в рядах БКТ. Здесь оно полагается на действия правого крыла профсоюзов, которое, по мнению кабинета Тэтчер, пойдет на пятый, стоит только оказать на него соответствующее давление.

Генеральный секретарь Объединенного профсоюза работников полиграфической промышленности и типографских рабочих Билл Кейес заявил, что профсоюзы не хотят насилия. Он считает, что «несправедливые законы уже сами по себе являются насилием». Законопроект Теббита угрожает Англии насилием, и нет никакого сомнения в том, что вокруг него развернется долгая и упорная социально-политическая борьба, которая будет иметь далеко идущие последствия для будущего страны.

АПН — специально для «Огонька».

Лондон.

Джабар РАСУЛОВ

4 апреля 1982 г. на 69-м году жизни скоропостижно скончался видный партийный и государственный деятель Таджикистана, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана, Герой Социалистического Труда Джабар Расулов.

Д. Расулов родился 10 июля 1913 года в городе Ленинабаде в семье рабочего. Член КПСС с 1939 года. Свою трудовую деятельность он начал в 1934 году после окончания Среднеазиатского хлопкового института. Работал агрономом сельскохозяйственной станции, начальником управления и заместителем наркома земледелия Таджикской ССР. В 1941—1945 годах Д. Расулов был уполномоченным Наркомата заготовок СССР по Таджикистану. В последующие годы он работал наркомом земледелия, а затем наркомом технических культур Таджикской ССР.

В 1946 году Д. Расулов назначается Председателем Совета Министров Таджикской ССР. С 1955 года он работал заместителем министра сельского хозяйства СССР, секретарем ЦК Компартии Таджикистана, Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Республике Того. С 1961 года и до последних дней своей жизни Д. Расулов находился на посту первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана.

На всех ответственных участках партийной и государственной деятельности Д. Расулов проявлял преданность делу коммунизма, настойчивость в проведении в жизнь линии партии, подлинный интернационализм. С присущими ему трудолюбием, высокой ответственностью, глубоким знанием жизни он занимался коренными вопросами экономики и культуры, внес большой вклад в развитие хлопководства и других отраслей народного хозяйства Таджикистана. Своей высокой идейностью, скром-

ностью, чутким и внимательным отношением к людям он снискал глубокое уважение и авторитет коммунистов и всех трудящихся республики.

На XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза Д. Расулов избирался членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, а на XXII и последующих съездах — членом Центрального Комитета КПСС. Он являлся депутатом Верховного Совета СССР и депутатом Верховного Совета Таджикской ССР со второго по десятый созывы.

За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством Джабару Расулову было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Он награжден девятью орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны II степени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями.

Светлая память о Джабаре Расулове, верном сыне Коммунистической партии и советского народа, навсегда сохранится в наших сердцах.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зиминин, К. В. Русаков, М. П. Георгадзе, М. Г. Гапуров, Т. Усубалиев, М. Бабаев, Г. Б. Бобосадыкова, А. Дадабаев, И. Ф. Дедов, Л. Кармышев, Р. Набиев, Е. И. Первенцев, Ю. И. Полукаров, А. Хайдаров, М. Холов.

ДРУЖБА, ИСПЫТАННАЯ ВРЕМЕНЕМ

Ежи РАКОВСКИЙ,
заместитель
главного редактора
еженедельника «Пшиазнь»

Даже в труднейших условиях минувшего года, когда деятельность контрреволюционеров из руководства «Солидарности» и откровенных врагов социализма из КОС — КОР, КНП и других организаций поставила под угрозу существование государственных структур, когда экономику сотрясали непрерывные забастовки, когда все агрессивнее становилась антисоветская кампания, развязанная по указке и при поддержке западных антикоммунистических диверсионных центров, — даже в те исключительно напряженные дни патриотические силы в Польше, объединенные вокруг ПОРП, вокруг Общества польско-советской дружбы, продолжали действовать, противостояли вылазкам врагов социалистического строя, вели настойчивую борьбу за умы и сердца поляков, твердо веря в победу своего справедливого дела.

Разные формы приобретала эта работа. В трудные октябрьские дни 1981 года, например, когда внутренняя контрреволюция перешла в открытое наступление, группа деятелей Общества польско-советской дружбы, поддерживая усилия Польской объединенной рабочей партии, обратилась к народу с посланием, направленным на защиту бесценного исторического завоевания, каким является братская дружба Польши и Советского Союза. Под обращением, в котором звучали также сердечные слова в адрес советских людей, поставили свои подписи многие тысячи поляков.

Как известно, контрреволюционеры, используя демагогические лозунги, продолжали толкать страну к пропасти. Этот губительный для Польши и поляков процесс был прерван введением военного положения. В стране постепенно восстанавливается спокойствие и порядок, идет работа над созданием организационно-правовых возможностей для вывода ее из затяжного политического и экономического кризиса. Борьба за умы и сердца поляков продолжается с неослабевающей силой. Важное место в ней принадлежит Обществу польско-советской дружбы. Его активисты прекрасно понимают, что ликвидация последствий кризиса, в котором оказалась Польша, перспективы ее дальнейшего развития по пути социализма неразрывно связаны с укреплением советско-польской дружбы и сотрудничества. С новой силой это было подтверждено во время недавнего визита в Советский Союз партийно-государственной делегации ПНР, которая была встречена в Москве исключительно сердечно, как и принято у настоящих друзей.

Минуло более трех месяцев с того момента, когда контрреволюция получила решительный отпор, тем не менее обстановка в стране остается сложной. В этих условиях перед Обществом польско-советской дружбы стоят ответственные задачи. В интервью для еженедельника «Пшиазнь»

председатель Главного правления Общества Станислав Вроньский подчеркнул: «Сегодня мы знаем, каков наш противник, знаем его методы и «аргументы», всю его ложь и клевету. Нельзя недооценивать уроки, которые вытекают из того, что нам недавно пришлось пережить. Мы извлекаем из них выводы, пересматриваем методы работы. При этом сохраняются те формы, которые выдержали проверку временем».

Общество польско-советской дружбы проводит большую работу в рабочей среде, прежде всего на крупных промышленных предприятиях, в молодежных организациях. Ведь не составляет секрета факт, что деятельность наших противников оставила тяжелый след в сознании людей. Разоблачая злобные вымыслы врагов польско-советской дружбы, активисты Общества отдают себе отчет в том, какой вред нанесли апологеты контрреволюции и махровые антисоветчики, прекрасно понимая, какая долговременная и кропотливая работа предстоит им.

Группа активистов Общества из Познани последовательно шаг за шагом реализует программу, цель которой — вернуть в свои ряды людей, которые растерялись под натиском враждебной пропаганды и морального террора. Заметным событием в деятельности познанской организации Общества стало празднование годовщины освобождения города от фашистских захватчиков, которая совпадает с годовщиной образования Советской Армии.

Интересную инициативу проявило воеводское правление Общества в Гданьске: по предложению заслуженного активиста организации Антония Юрека из этого города были отправлены письма семьям советских воинов, погибших за освобождение гданьской земли. В письмах рассказывается, как молодежь и трудовые коллективы воеводства опекают могилы воинов.

Активизируется деятельность Общества польско-советской дружбы на крупных промышленных предприятиях. Возрождаются, крепнут день ото дня его кружки на металлургическом комбинате «Катовице», на машиностроительном заводе имени Цегельского в Познани, гданьском электронном заводе «Унимор» и других.

Программа Общества польско-советской дружбы рождается в действии. Она отвечает интересам и духовным потребностям всего польского общества. Главное место в этой деятельности занимает не только расширение правдивых знаний о Стране Советов, истоках и значении дружбы между нашими народами, но и реализация программы партии, нацеленной на выход Польши из кризиса, на мобилизацию всех патриотических сил нашего народа. Эти силы объединяет уверенность в том, что укрепление дружбы с советскими людьми, развитие сотрудничества с великим Советским Союзом было и остается для нас делом первостепенной важности, влияющим на безопасность наших границ, мирное будущее польского народа, укрепление и приумножение его социалистических завоеваний.

Варшава.

«МИСТЕР СМЕРТЬ» И ДРУГИЕ

«...Вам приходилось когда-нибудь надевать шинель на овцу? Думаю, что нет... Это была первая американская овца в русской шинели, и я невольно подумал, как, должно быть, все смешно выглядило со стороны. Первой овце мы выстрелили в грудную клетку и, конечно, мгновенно убили ее. Второй мы выстрелили в переднюю ногу. К всеобщему удивлению, и в этом случае смерть наступила мгновенно...»

«Мистер Смерть» — так, не называя имени, один из американских журналов представил своим читателям человека, специальностью которого было изобретение и изготовление всевозможных нестандартных орудий убийства, предназначенных для тайных террористических операций. Недостатка в заказах не было — они поступали из ЦРУ.

«...Мне нужно было знать, — продолжает в своем интервью «мистер Смерть», — что они хотели сделать с людьми: ликвидировать или временно вывести из строя, что на их языке называется «произвести биологическое насилие». При всей чиничности этот термин мне нравится... Я занялся изготовлением самой мерзкой пакости из всех, с которыми когда-либо имел дело... Это была сверхминиатюрная бомба, по размерам напоминавшая патрон калибра 0,45 дюйма (11,4 мм). Вы бросаете его, и он взрывается. Патрон наполнился дробью из закаленной стали, причем каждая дробинка была покрыта ядом...»

Нет нужды вдаваться в подробное описание всех «подделок», вышеупомянутого господина. Приведенные примеры дают достаточное представление о творчестве этого «умельца». Суть не в нем, а в тех людях, благодаря заказам которых зарабатывают себе на жизнь такие, как «мистер Смерть».

В последнее время мировая общественность столкнулась с шумной пропагандистской кампанией, которая получила наименование борьбы с «международным терроризмом». Начата она по инициативе нынешней администрации США во главе с президентом Р. Рейганом. Кого только не причисляют сегодня в США к «террористам»! Им объявляют повстанцев Сальвадора и Гватемалы, бойцов Палестинского движения Сопротивления, патриотов Намибии и даже несуществующих ливийских агентов, вознамерившихся якобы убить президента США. За их спиной, само собой разумеется, «стоит Москва». Слово «терроризм» появляется в американской прессе почти с такой же регулярностью, как сводка погоды...

«Авантюризм, готовность ставить на карту жизненные интересы человечества во имя своих узких корыстных целей, — указывалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, — вот что особенно обнадеженно проявляется в политике наиболее агрессивных кругов империализма. Демонстрируя полное пренебрежение к правам и чаяниям народов, они пытаются изобразить освободительную борьбу народных масс как проявление «терроризма». Они поистине задалась целью достичь недостижимого — поставить барьер на пути прогрессивных изменений в мире, вернуть себе роль вершителей судеб народов».

Проблема международного терроризма существует. На протяжении целого ряда лет народы мира сталкиваются с фактами убийств и покушений на жизнь руководителей развивающихся стран, общественных и политических деятелей, шантажа, угроз и грубого (порой вооруженного) вмешательства в дела суверенных государств.

Именно этой теме была посвящена проведенная недавно Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки пресс-конференция для советских и иностранных журналистов. Представленные на ней свидетельства со всей очевидностью показали причастность ко всем этим преступлениям правящих кругов США и одного из ударных отрядов американского империализма — ЦРУ.

Весьма показательно в этом отношении признание бывшего сотрудника центра исследования национальной безопасности США Джона Маркса, который писал: «На протяжении последних 35 лет наше правительство регулярно использовало терроризм в качестве орудия внешней политики».

Действительно, вряд ли в современном мире отыщется еще одно государство, которое официально создавало бы многомиллионные фонды для ведения подрывной работы против независимых государств, страна, которая приютила бы на своей территории и тренировала там различные бандитские формирования.

Обучавшийся в лагере для террористов-диверсантов бывший сотрудник ЦРУ Филипп Эйдж в своей книге «За кулисами ЦРУ» рассказывает: «...Учебный центр находится в густом лесу и окружен высоким забором с колючей проволокой и бросающимися в глаза предупредительными надписями: «Правительственная резервация. Вход посторонним воспрещен».

История ЦРУ пестрит номерами директив, принятых в разные годы его существования с одной-единственной целью: постоянно расширять масштабы международного террора. Одни из них передают ЦРУ монополию на ведение «психологической войны» и, по сути, являются «индугенцией» на осуществление тайных операций за пределами США. Другие рекомендуют «развивать подпольное сопротивление и способствовать тайным и партизанским операциям в районах, где международный коммунизм преобладает или угрожает».

Прямую причастность США к подрывным действиям еще раз подтвердил проходящий в эти дни в Адене открытый судебный процесс по делу группы диверсантов, которые намеревались убить ряд политических деятелей и взо-

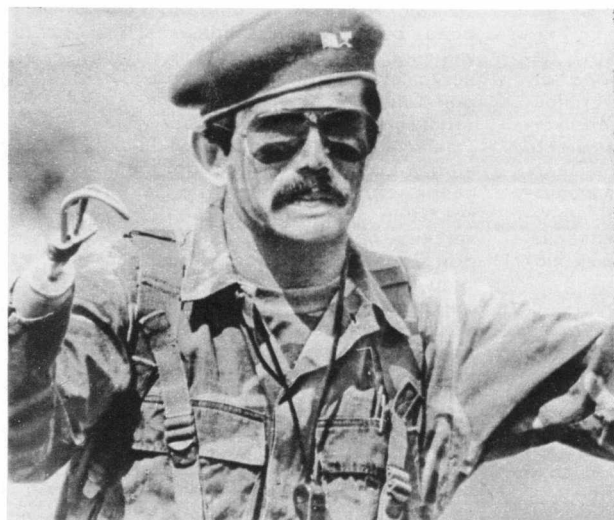
рвать важные экономические объекты на территории ИДР. Террористы готовились за рубежом из числа южноамериканских эмигрантов. Вот выдержка из показаний на процессе. Обвиняемый Саид Ахмед: «Нас познакомили с американским инструктором, которого звали капитан Белл. Белл отвез нас на виллу. Там мы жили три месяца. Нас учили подрывному делу, работе с картой и компасом, способам визуальной разведки...»

Существуют, по сути, две группы ситуаций, связанных с международным терроризмом. Первая включает в себя террористические действия, которые совершают частные лица или организации частных лиц. Вторая — подобные акции, проводимые государством, его должностными лицами. И то и другое — международное преступление. И очевидно, что наибольшую опасность представляет вторая группа преступлений, поскольку она является официальным, а потому особо циничным отрицанием международной законности.

...«Мистер Смерть» умер. От разрыва сердца. Это случилось во время подготовки его интервью к печати. Не будем гадать, насколько тесно связаны между собой эти события. Зададим другой вопрос: до каких пор безопасности и самой жизни многих людей в различных уголках нашей планеты будут угрожать изверженные изобретения такого рода экспертов?

А. СОКОЛОВ

Фото ТАСС, журналов «Штерн», «Ньюсуик»

Этот недобитый кубинский контрреволюционер проходит боевую подготовку в одном из специальных лагерей во Флориде.

Сальвадор: вертолеты — американские, пулеметы — американские, инструкторы — американские...

США. Лагерь Кэмп-Джедел. Здесь тренируются члены одной из сионистских террористических организаций.

СЛОВА И ДЕЛА ВАШИНГТОНА

Владимир НИКОЛАЕВ

«Может быть, кто-либо возьмется утверждать, что мир стал менее безопасным с тех пор, как Леонид Брежнев объявил о ракетном моратории? Может быть, лучше, чтобы русские продолжали вооружаться, дабы не сбивать нас с толку?» — так западногерманский еженедельник «Штерн» высмеивает тщетные, неуклюжие попытки агрессивно настроенных сил Запада извратить смысл новых советских мирных инициатив. Так же, как и «Штерн», немало других авторитетных буржуазных органов печати критикуют упорные утверждения Вашингтона о том, что США «должны сначала довооружиться, а уж потом сесть за стол переговоров». Эту милитаристскую концепцию французская «Либерасьон» называет «нелепой логикой», а «Монд» отмечает, что «Рейган не сказал ничего нового в отношении гонки ядерных вооружений, а это означает, что США намерены продолжать наращивание своего ядерного арсенала». Лондонская «Таймс» считает, что Рейган «оказался не в состоянии понять, что настоятельным требованием ядерного века является продолжение искреннего диалога с Советским Союзом».

Поток аналогичных высказываний усилился в связи с тем, что 1 апреля президент США Р. Рейган выступил на пресс-конференции с заявлением, в котором в общей форме выразил свое отношение к проблемам гонки вооружений и международной безопасности. Учитывая нарастающее повсюду недовольство милитаристским курсом Соединенных Штатов, Рейган сказал, что США видят свою цель в том, чтобы «резко сократить ядерные вооружения и обеспечить прочный мир и безопасность», и при этом он вновь повторил внесенное им еще в ноябре 1981 года предложение о «полной ликвидации ракет промежуточной дальности». Как известно, этот план направлен на обеспечение односторонних преимуществ Соединенным Штатам и их союзникам по НАТО. Президент США упомянул, что в Вене ведутся переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе, а в Вашингтоне завершается подготовка к переговорам с СССР о сокращении стратегических вооружений. Однако он умолчал о том, что венские переговоры не один год топчутся на месте из-за обструкции стран НАТО, и вовсе не упомянул Договора ОСВ-2, так и не вступившего в силу по вине Вашингтона. Похоже, что Рейган забыл и о советских предложениях, которые призывают США без промедления сесть за стол переговоров об ограничении и сокращении стратегических вооружений, не допустить нарушения имеющегося здесь паритета. Он пытался объяснить затяжку с определением американского подхода к ограничению стратегических вооружений необходимостью тщательной подготовки к переговорам.

После этого выступления Рейгана в Вашингтоне состоялись пресс-конференция и брифинг для журналистов, на которых пресс-секретарь Белого дома Л. Спикс и представитель госдепартамента Д. Фишер «разъясняли» заявление президента. При этом они подтвердили неизменность курса Вашингтона на нагнетание напряженности и взвинчивание гонки вооружений. Л. Спикс, например, сказал, что «президент считает укрепление военных сил США единственным путем к обеспечению мира». Д. Фишер пустился в рассуждения о возможности и последствиях «обмена ядерными ударами» с Советским Союзом.

Выступление Рейгана на пресс-конференции и последовавшие за ним официальные «разъяснения» вызвали широкую отрицательную реакцию и в самих Соединенных Штатах. Сенатор Э. Кеннеди заявил, что президент выступает «за то, чтобы производить больше ядерных бомб, дабы сократить их число, а это не что иное, как контроль над вооружением наизнанку». Американская ассоциация внешней политики провела опрос общественного мнения в 50 штатах и установила, что лишь 17 процентов американцев одобряют разработанную вашингтонской администрацией пятилетнюю программу «переворужения Америки». 70 процентов опрошенных высказались за сокращение военных расходов. Американское информационное агентство Ассошиэйтед Пресс в результате опроса общественного мнения установило, что только 43 процента американцев удовлетворены политикой Рейгана, это на двадцать процентов меньше, чем было в августе прошлого года. Влиятельная федерация американских ученых, объединяющая в своих рядах около пяти тысяч видных деятелей науки, в своем заявлении отвергает утверждения вашингтонской администрации о якобы «изменившемся в пользу СССР» балансе сил в мире. Эта федерация обвиняет правительство Рейгана в безответственности, близоруком подходе к проблеме контроля над вооружениями.

Комментируя пресс-конференцию Рейгана, газета «Нью-Йорк таймс» пишет, что президент «лез из кожи вон, пытаясь исправить впечатление, что он не заинтересован в контроле над вооружениями, а только заинтересован в наращивании американской военной мощи». Но тут нужны не слова, а конкретные дела, которых мы не видим. Как известно, в последнее время Советский Союз выступил с рядом важных мирных предложений, широко поддержанных во всем мире. Сколько же можно ждать конструктивного ответа на них со стороны США?

Историческая Программа мира на 80-е годы, выдвинутая на XXVI съезде КПСС, постоянно развивается за счет наших новых важных инициатив, примером которых служат предложения, сделанные Л. И. Брежневым на XVII съезде профсоюзов и в Ташкенте. Борьбу за мир, подчеркнул в своей речи в Ташкенте Л. И. Брежнев, «мы не можем ослабить ни на один день и будем вести ее до тех пор, пока опасность не будет отодвинута, пока не будет обеспечен прочный мир».

Г. Е. КУЗНЕЦОВ,
Герой
Социалистического Труда,
бригадир слесарей-сборщиков
ленинградского
научно-производственного
объединения «Электроаппарат»,
делегат XVII съезда профсоюзов

На родной завод я пришел без малого 35 лет назад, имея за плечами ленинградский фронт, сверхсрочную службу и специальность военного радиста. Определился работать слесарем механосборочных работ, но немало довелось на первых порах освоить и строительных специальностей — заводу, как и городу, изрядно досталось от артобстрелов и бомбежек, так что всем нам — от подсобников до директора — многие цеха, участки приходилось восстанавливать собственными руками. И одновременно, не считаясь со временем, выполнять напряженнейшую производственную программу — без аппаратуры, которую выпускал наш завод, невозможно было восстановление ведущих отраслей разрушенного войной хозяйства страны. Конечно, и холодно и голодно бывало, однако все понимали, что лишь общими усилиями одолеем общую беду — разруху, а потому бодрости не теряли и в будущее смотрели с оптимизмом.

Пройдет много лет, и в своей замечательной книге «Возрождение» Леонид Ильич Брежнев, вспоминая о днях восстановления «Запорожстали» отметит: «Помню, как обрадовало нас сообщение ленинградцев: они не только сами раньше намеченного срока отравили нам очень нужную аппаратуру, но призвали все электротехнические предприятия страны выполнять запорожские заказы досрочно». Эти слова — как награда нашей молодости, трудной, но счастливой сознанием того, что живем, работаем во имя великой цели, на благо любимой Родины, свободу которой только что отстояли в схватке с фашизмом.

Ну, а жизнь и в самом деле становилась все лучше: появились первые кварталы новостроек, наши рабочие начали переселяться из тесных коммуналок в отдельные квартиры; открывались новые здравницы в Крыму, на Кавказе — путевки в дома отдыха и санатории профсоюз выделял опять же рабочим. Год от года росла зарплата, полнее и разнообразнее удовлетворялись запросы тружеников, и, в общем, никого не удивил сегодня тем, что за ту же квартиру, путевку, содержание своих ребятишек в яслях, детских садах, пионерлагере платим мы намного меньше себестоимости, медициной пользуемся и вовсе бесплатно, а коли заболеем, то зарплату в большинстве своем получаем стопроцентную.

Все это, повторяю, обычные приметы нашего образа жизни. Настолько привычные, что заново и острее оцениваешь их подлинное значение, как правило, лишь за рубежом, попадая в капиталистические страны, в мир иных взаимоотношений, иных моральных ценностей. А поработать мне там как наладчику заводской продукции и поездить как представи-

телю нашего профсоюза довелось немало. Естественно, не раз приходилось участвовать в различных дискуссиях на темы рабочей, общественной жизни, говорить о том, как реально проявляется забота советских профсоюзов о людях труда. И вот что заметил: ничто так не убеждает здравомыслящих оппонентов, как эти вот самые «обычные» для нас с вами факты. Меня нередко спрашивают, как мне, простому рабочему, удалось стать Героем Социалистического Труда, общественным деятелем. И тогда я подробно рассказываю о том, о чем коротко рассказал выше: о войне и послевоенной молодости моего поколения, о том, в каких условиях мы жили и в каких живем сейчас, какими благами пользуемся и откуда в социалистическом государстве эти блага берутся.

Разный, очень разный смысл вкладываем мы в формально одинаковый термин «защита интересов трудящихся». На Западе эта «защита» порой переходит в настоящие кровопролитные бои не на жизнь, а на смерть между предпринимателями и простыми рабочими, отстаивающими свои права на существование. И не случайно в так называемом «свободном» мире эта свобода — бороться за право жить по-человечески — ущемляется чаще всего. Помню, в Хиросиме, на огром-

гие профдеятели в Глазго с возмущением рассказывали нам о том, как трудно рабочим угодиться за постоянно растущими ценами на предметы первой необходимости, о дамокловом мече безработицы, грозящей в первую очередь тем, кто посмеет хоть заикнуться о своих претензиях к хозяевам.

Естественно, что у нас, в стране победившего социализма, где давно и навсегда уничтожен класс эксплуататоров, функции профсоюзов совсем иные. Выступая на XVII съезде профсоюзов, Леонид Ильич Брежнев заметил: «Может возникнуть вопрос: не исчерпала ли себя задача защиты профсоюзами интересов и прав тружеников в государстве трудящихся, которое выражает интересы и волю всего народа? Нет, не исчерпала. Конечно, наши профсоюзы защищают труженика не от государства, не от хозяина, как это происходит в странах капитализма. Они защищают его от нарушений советских законов со стороны некоторых лиц и органов.

Профсоюзы должны быть непримиримы ко всякого рода отклонениям от правовых установлений, трудового законодательства. Но этого мало. Деятельность профсоюзов призвана создавать такую обстановку, когда исключалась бы сама возможность нарушения прав рабочего человека, становились бы немыслимыми лю-

сам трудящихся реализацию закрепленного за ними Конституцией права на управление государственными и общественными делами.

Одно из важнейших его слагаемых — подготовка достойной рабочей смены. Говорю об этом как человек, которому по роду своей общественной деятельности приходится много заниматься именно этим делом. В том, как проявляется на практике отношение общества к молодежи, нашему будущему, я вижу убедительнейшее проявление подлинной заботы профсоюзов о рабочем человеке в самый ответственный момент его биографии.

В этом плане весьма характерен пример Ленинграда. Здесь в прекрасно оснащенных зданиях, нередко построенных по индивидуальным проектам, первыми стали готовить рабочих со средним образованием, наладили заботливое шефство производственных бригад, ведущих предприятий города, области над группами ПТУ, ученики которых впоследствии вступают в эти коллективы. Герои Социалистического Труда, ветераны, передовики становятся наставниками, переходят в училища на преподавательскую работу, как, например, мои коллеги по ленинградской делегации на съезде советских профсоюзов дважды Герои Социалистического Труда балтиец В. А. Смирнов, ижорец А. П. Михалев. Частые гости в ПТУ и ведущие ученые ЛГУ имени Жданова, технологического института имени Ленсовета и других учебных и научных центров. Их профессора и преподаватели ведут в училищах некоторые предметы.

У нашего предприятия нет своего базового ПТУ. Ребят принимаем в основном учениками, после службы в армии. Для них построили недавно неподалеку от завода прекрасное многоэтажное общежитие квартирного типа, на первых порах всячески помогаем им материально, однако, как показывает жизнь, для укрепления молодежи на заводе главное — возбудить у нее интерес к работе. Здесь нас крепко выручает бригадный подряд. Виталий Негодин, например, попал в мою бригаду всего три с небольшим года назад. А изделия шли одно другого сложнее — осваивали мы тогда аппаратный генераторный комплект для атомных электростанций. По ходу освоения внесли более 50 изменений в конструкцию, а работу организовали так: каждый, независимо от заслуг, стажа, должен научиться собирать любой узел самостоятельно. И вот эта коллективная ответственность, сознание того, что на тебя, хоть и новичка, полностью полагаются товарищи, совершили едва ли не чудо — Виталий ежегодно повышал свой разряд и сейчас работает на уровне опытных наших ветеранов.

Этот пример, а он далеко не единичен, еще раз подтверждает справедливую оценку, данную Леонидом Ильичом Брежневым на съезде профсоюзов бригаде, где «действительно выковывается чувство хозяина своего завода, хозяина своей страны».

Наше общество — общество людей труда. Как будем работать, так будем жить. Это справедливый и непреложный закон, который понимают и которым руководствуются честные труженики страны.

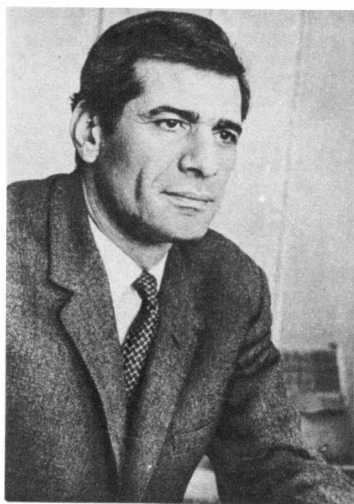
СИЛЬНЫ ЕДИНСТВОМ

ном, прекрасно оборудованном автозаводе нам показали компьютер, который в течение нескольких секунд детально рассчитывал и демонстрировал, каких материальных благ вы добьетесь через год, пять, десять лет, став рабочим фирмы. Прогнозы выглядели достаточно заманчиво, если бы не одна «маленькая» оговорка: ЭВМ сразу и честно предупреждала, что рассчитывать на эти блага могут только те, кто никогда и ни под каким видом не будет участвовать... в профсоюзном движении. А в Глазго, в тамошнем филиале «Дженерал моторс», нам с умилением рассказывали о том, что за все время существования филиала на нем прошло всего пять забастовок, причем самая длительная продолжалась лишь пять дней. Преподносилось это как образец достигнутых здесь «гармоничных» взаимоотношений между трудящимися и администрацией, да вот беда — похвально этим почему-то один из директоров, надо полагать, и в самом деле довольный такой «гармонией». А профсоюзный «лидер» молчал, как в рот воды набрал: видимо, лично его подобное положение тоже вполне устраивало, хотя дру-

бые проявления зазнайства и равнодушия, которыми все еще грешат отдельные руководители».

Что скрывать, бывают еще случаи, когда по путевке, предназначенной для рабочего, отдыхает секретарша нужного кому-то человека, а иной ретивый начальник не прочь избавиться от неудобного ему сотрудника в обход КЗОТ. Как председателю профкома цеха, руководителю комиссии обкома профсоюза по работе с молодежью мне приходилось, конечно, сталкиваться с такого рода нарушениями, но честно скажу, что относятся они к разряду «чрезвычайных происшествий».

Повседневная практика работы профсоюзного активиста сегодня — это воспитание высокой дисциплинированности и ответственности каждого труженика за порученное ему дело, широкое вовлечение рабочих в решение всех вопросов труда, быта и отдыха через общие собрания, конференции трудовых коллективов, постоянно действующие производственные совещания и иные формы общественного самоуправления. Таким образом, советские профсоюзы как подлинная школа коммунизма обеспечивают мас-

**Моин БСИСУ,
палестинский поэт**

ПОБЕДА ГРЯДЕТ!

НА ПУТИ В КАМЕРУ¹

Товарищ, ты слышишь — команды звучат,
гремят сапоги и приклады —
в тюремный, в кандалный, в застеночный ад
меня угоняют солдаты.

До самого дна перерыли мой дом
ночные незваные гости,
и мать и отца разбудили пинком,
прощупали кожу и кости.

А что разыскали — лишь несколько книг,
укрытых под ветхой одеждой...
Уводят... Но вижу, что матери лик
мой путь освещает надеждой.

Но слышу, как малые братья кричат,
и в крике их гнев различаю.
Но вижу — соседи угрюмо молчат:
о чем их молчание — знаю.

У каждого где-нибудь сын или брат
в неволе томится иль сгинул...
И я оттолкнул озверевших солдат
и руку плененную вскинул:

— Не плачьте! Дождемся счастливого дня —
вернусь не один, а с друзьями,
я армию вижу — и вижу вождя,
я вижу победы сиянье!

А в стенах бетонных средь сотен друзей...
От каждого рукопожатья
становятся души сильнее и сильней —
так, значит, мы выживем, братья!

Пусть наши руки железо грызет,
пусть плети гуляют по телу...
Мы преданы жизни, победа — грядет,
а смерти мы скажем, коль раньше придет,
что служим бессмертному делу!

1955 г.

ПЕСНЯ НА ПЛАХЕ

С тех пор,
когда я бросил писать стихи
чернилами иль розовой водичкой,
с тех пор,
как, задыхаясь, бегать перестал к дворцовым
стенам,

величием их стихи соизмеряя,
с тех пор,
как босоногие детишки моей земли
следы своих ступней оставили
в моих стихах,—
с тех пор
остались только ночь, да я, да сокол,

¹ Это стихотворение стало гимном палестинских заключенных в Израиле.

летающий на мою звезду...
Волк загнанный хватает пастью снег,
загонщик песнь поет,
и лилия умчалась вместе с ветром.
Фейруз² поет — каштан внимает песне...
Поэт, ты разум свой не промотал...
Так пой, Фейруз, для воробьев,
сидящих на решетке
моей тюрьмы,
для гроздьев пой, которые мечтают,
чтоб стать вином!
Остались только ночь, да я, да сокол,
к моей звезде летающий.
Мой собеседник — меч, а изголовье — плаха...

КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

О, когда бы змея не вонзала
смертоносное жало
в слово мое;
о, когда бы черновики
не рассыпались, как горсточка пепла;
о, когда бы причалила к берегам
длань твоя, как весло,
как жемчужина, убегающая от моллюсков;
о, когда бы рассыпалась эта ограда,
словно столп из когтей,
словно вал из чешуйчатых змей;
о, когда бы, родная земля,
на тебя набрести,
на невинную и первозданную,
словно землетрясеньем рожденную,
набрести, как на парус,
исчезнувший в море
и опять возвращенный тайфуном,—
я упал бы тогда на твой меч,
раздвоилось бы сердце мое от его поцелуя —
и тогда бы
я увидел тебя...

ДО ВСТРЕЧИ В СПИСКАХ УБИТЫХ НА СУЭЦКОМ ФРОНТЕ

Тем студентам израильского Еврейского университета, кто написал на своих дипломах: «Долой войну на истощение!», а в переписке добавил: «До встречи в списках убитых на Суэцком фронте!..».

Яиль Даян,
разъезжающая на транспорте
с пишущей машинкой на коленях,—
да пребудет она романисткой,
о которой напишут критики
американских газет...
В списках убитых израильтян
меж именами Рахили и Савла
можно вписать название романа
или строчку рассказа...
Лицо романистки
возникнет на книжной обложке,
когда на твое лицо, Мириам,
обрушатся колья земли.
Романистка распишется вилочкой
на бокалах гостей
на вечернем коктейле,
в час, когда разлетятся вдребезги
стекла дома твоего, Рэчел!..

Яиль Даян
останется романисткой,

² Фейруз — известная ливанская певица, сделавшая популярными песнями стихи о Палестине.

о которой напишут критики
американских газет.
Ты, однако, там — на Синае,
иль на сирийских высотах,
или на улице Газы
будешь ждать свою смерть
за мешками с песком
иль за корпусом танка...
О тебе — кто напишет?
Ты, парящий в «Фантоме»,
о тебе — кто напишет?
Парашют твой, как факел, сгорит,
твой портрет на страницах газеты,
может быть, напечатают...
Твое имя напечатают в списке убитых:
«Даниель... Пилот «Фантома»...
В лучшем случае имя твое
в день обмена военнопленных
появится в списках.
Или смерть — или плен. Два пути.
Может быть, генерал
тост провозгласит за тебя,
выпивая за пленного или за мертвого...

Даниель,
мне знакомо твое лицо.
Вспоминаю,
как ты крался по палубе,
как лицо твое прожектора,
вырывая из тьмы,
окрашивали в желтый цвет.
Ты мальчишкой крался в окрестностях Хайфы,
убежав из Освенцима в кибуц на палестинскую
землю.

Палестина одела тебя
лепестками трепещущих лилий
и листьями древних олив.
Чем же ты отплатил Палестине? —
Пулей в сердце оливы.
Ты возжег не светильник из масла,
а пламя пожара,
ты не шляпу надел из соломы,
а железную каску!

Даниель,
утешайся же тем,
что, машинку держа на коленях
в бронетранспортере,
журналистка строчит о тебе репортаж.
Ты в «Фантоме» сидишь,
парашют за спиной,
ты и к богу поближе, чем деды твои...
Ближе к богу, чем деды?!
...Из иврита
я не знаю ни единого слова,
и ты не прочтешь
то, что я говорю о тебе.
Если б было тебе суждено
жизнь продлить ну хотя б ненадолго!
Но,
принимая вечернюю ванну,
генерал
твое имя,
найдя его в списках убитых
на Синае,
на сирийских высотах,
на улице Газы,
промурлычет вполголоса,
смывает мыльную пену с себя,
и имя твое, Даниель,
уйдет вместе с пеной
в отверстие сточной трубы...

Перевел с арабского
Станислав КУНЯЕВ.

ПОЗИЦИЯ СОЦИОЛОГА

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Недавно в газетах промелькнула коротенькая информация о том, что в Оренбурге открылся новый Дворец культуры. В гости к текстильщикам и строителям пришли знатные люди города и артисты. Новоселье завершилось балом-маскарадом. Я не знаю, догадались ли организаторы этого торжества пригласить на него Раису Ефремовну Фомина, но уверена, что если даже она и не присутствовала, то все равно порадовалась этому событию не меньше его участников, хотя непосредственного отношения к нему как будто и не имеет.

Фомина — старший научный сотрудник Лаборатории комплексных экономических исследований Института экономики Уральского научного центра АН СССР. С шелковым комбинатом — главным предприятием Оренбургского производственного шелкового объединения — ее столкнуло стечение обстоятельств. Лаборатории поручили изучить причины текучести (а она была здесь очень высокой, в среднем 28,5 процента) и дать свои рекомендации по закреплению кадров. Надо отдать должное исполнителям этой работы — инженеру-экономисту И. Ю. Антоновой, научно-техническому сотруднику Л. П. Михайловой и возглавляющей социологическую группу Р. Е. Фоминой — они отнеслись к ней со всей ответственностью. В апреле и мае 1980 года, согласно нормам научной результативности, было анонимно заполнено 600 специально разработанных для разных групп анкет, опрошены индивидуально все увольнявшиеся. Фомина знакомилась с работой отделов и общественных организаций, беседовала с мастерами, начальниками цехов и производств. Собранный материал был тщательно проанализирован и изучен, и подготовлен научный отчет-реферат.

Я листаю страницы увесистой папки, которую можно было бы издать брошюрой, и она стала бы полезной не только для социологов других предприятий, но и для их руководителей. В ней рассматриваются многие аспекты текучести — от условий и организации труда до личностных мотивов. Указываются просчеты и упущения. Язык отчета общедоступен, не перегружен научной терминологией, читается легко и с интересом. В заключение — рекомендации. Тут конкретность вплоть до производственно-технологических тонкостей и предложений по плану социального развития. Словом, развернутая программа действий, показывающая не только ЧТО делать, но и КАК делать.

Уже в июне эти рекомендации были представлены руководству

комбината. На этом в большинстве случаев и завершаются деловые отношения «заказчика» — администрации с исследователями. Ни та, ни другая сторона, даже если они связаны хозяйственными обязательствами, за внедрение рекомендаций никакой ответственности не несет. К сожалению, нередко «заказчик» — то ли руки не доходят, то ли просыпается чувство нездорового самолюбия: «пришли, мол, учить, пусть попробуют сами» — совершенно их не использует и через некоторое время о них просто забывает. Судьба работы социологов не очень тревожит, видимо, и их самих. Свое дело они завершили, совесть их чиста, можно приступить к другой работе.

В результате коэффициент полезного действия исследования до обидного низок, если не равен нулю. Впустую оказываются затраченными и силы и время. Подобным образом складывалась ситуация и на этот раз, и, возможно, все труды лаборатории были бы преданы забвению, если бы... Если бы Фоминой не овладело вскоре

Так самих социологов постигла участь всех новичков, поступавших на предприятие, — их обделяли вниманием. А это как раз исследователи и ставили в вину администрации прежде всего.

Дефицит внимания начинался здесь с проходной, с отдела кадров. Человеку, оформляющемуся на работу, приходилось бегать по кабинетам, расположенным в разных концах комбината. Новички, особенно сельские девушки, не привыкшие к грохоту ткацких и прядильных цехов, терялись в лабиринте галерей, лестниц и переходов. На оформление уходила неделя, а то и больше.

Социологи проследили путь рабочего на комбинате и далее, последовательно и отчетливо рассматривая его на всем протяжении во времени и пространстве: в цехе, столовой, общежитии, в первый и последующие годы... Забегая вперед, приведу слова начальника отдела кадров А. В. Горбового из моей с ним беседы: «Дефицит внимания к людям? Для нас это было полной неожиданностью, откровением... Мы

Кто-то, не разобравшись, бросил реплику: «Вот почему Фомина так бьется: они за нее свои тысячи получили». Действительно, эта работа была на хозяйственном, но о ней тут также забыли. Справедливости ради уместно уточнить, что работа академической лаборатории была выполнена для комбината безвозмездно... Рекомендации наконец обнаружались в «анналах» главного инженера А. М. Масленицына, исполнявшего тогда обязанности директора.

Созывается обширное совещание. Триста человек. Фомина публично защищает исследование, и защищает достойно, доказательно. В результате разрабатываются единые для всех служб и организаций мероприятия по укреплению трудовой дисциплины и сокращению текучести. Что в них бросается в глаза? Самые разные организационно-технические меры, такие, как монтаж конвейеров, модернизация оборудования, устранение течи кровли, благоустройство бытовок, работа совета содействия семье и школе, строительство детского сада, встречи руководителей с рабочими в общежитиях — все это отвечает желанию быть ближе к людям, знать их интересы, чутко прислушиваться к их пожеланиям. На это как раз и нацеливали рекомендации, представленные социологами. Мероприятия вошли отчасти в коллективный договор, который был принят в 1981 году.

Казалось бы, что миссию исследователей можно считать на этом завершённой. Что же, Фомина после этого успокоилась? Ничего подобного! Наученная невольным преподаваемым уроком, она сочла своим долгом, долгом коммуниста, довести начатое дело до конца. Она сама и ее социологическая группа давно заняты совсем иной темой, однако Фомина находит время и снова едет на комбинат. Не одна, а с операторами и режиссерами местной студии телевидения. Зачем? Текучесть кадров — болезнь, которой страдают и другие предприятия Оренбурга. На примере уже хорошо знакомого предприятия можно показать, как текстильщики ведут с ней борьбу, да заодно и помочь им. Сказываются боевитость и напористость — профессиональные журналистские качества руководителя социологической группы, до прихода в лабораторию института экономики Фомина работала в областной партийной газете.

Один раз сердитая камера запечатлевает насквозь промокий от весенней капли участок цеха, не спасает даже пленки, балдахинами парящие над агрегатами и людьми. Какое отношение имеет давняя течь к текучести кадров? Да самое прямое: попробуйте потрудиться смену в таких условиях! Протекает кровля не день и не два — месяцами. Кто должен ответить за такое положение? Хозяева и строители, допустившие брак. И тех и других, а заодно и снабженцев приглашают в студию. На экране под новой рубрикой «Социолог на предприя-

Р. Е. Фомина.

Фото И. Мансурова

беспокойство: «Почему руководители завода молчат? Может быть, требуются дополнительные разъяснения?»

Виктор Петрович Крылов, заведующий лабораторией, кандидат экономических наук, и Раиса Ефремовна едут на комбинат. Спрашивают, как идут дела, помогают ли их рекомендации, как они используются. И неожиданно наталкиваются на стену, нет, не равнодушия к трудам социологов — угрюмого молчания. На комбинате не проявили ни малейшего интереса, просто-напросто проигнорировали, как будто их и не существовало вовсе. Никаких мер не предпринимал и партком, а ведь именно партийная организация, осуществляющая свое право контроля над деятельностью администрации, может поправлять должностных лиц, отмахивающихся от научно доказанных выводов.

как-то не задумывались об этом. Не совсем четко представляли себе, что надо делать в первую очередь, что во вторую...

Лаборатория поставила в известность о положении дел на комбинате областной совет профсоюзов. Одновременно Фомина написала обстоятельную корреспонденцию в одну из центральных газет. Она так и называлась: «Туда и обратно». Прошло еще какое-то время, прежде чем в октябре 1980 года она была опубликована. Эффект, ею произведенный, был подобен грому среди ясного неба. Министерство направило на комбинат заместителя начальника Главка. Он захотел ознакомиться с самими рекомендациями, и тут дело дошло до анекдота: их нигде не могли найти. Зато обнаруживается другое исследование, по социальному планированию, сделанное сотрудниками пединститута.

Х. Холмогоров. ПОРТРЕТ МЕДСЕСТРЫ АЛЕКСАНДРЫ АЛЕКСАНДРОВЫ С ДОЧЕРЬЮ. 1981.

Р. Таммик. ВЕЧЕР НА ОКРАИНЕ. 1981.

тии» появляется одна передача, потом другая, третья...

Иной раз руководителю непросто ответить на вопросы, заданные ему по ходу передачи, приходится порой говорить не так, как ему хотелось бы, как удобнее для него. С точки зрения А. М. Масленицына, например, утвержденного год назад генеральным директором шелкового объединения, причины всех бед внешнего главным образом характера: крыши текут — виноваты проектировщики и строители, не хватает сырья — поставщики... У него на первом плане сам план и техника. У социолога на первом плане причины внутренние, он смотрит вглубь: каковы условия и организация труда, какой создается морально-психологический климат, как отдыхается человеку... И снова натывается на дефицит заботы. Расхождение точек зрения явное. В конце концов назревает конфликт. Директор протестует: «На телепередачи больше не пойду!»

Но жизнь продолжается. И вот мы с Раисой Ефремовой едем на комбинат.

Мысленно перед моими глазами отдельные строки из двух документов — научного отчета и мероприятий по сокращению текучести кадров. Я приготовилась сравнивать, как было тогда, два года назад, и что стало, что есть теперь. Что, например, говорится в рекомендациях о городском транспорте? «Не подведен к комбинату». Так и осталось. Автобус останавливается в 150—200 метрах от кабинета. Асфальтовая дорожка сбегает вниз к тоннелю под железнодорожным полотном.

Дорожку заасфальтировали, как здесь говорят, благоустроили, — замечает моя спутница. Раньше и этого не было. Сейчас сухо и несколько, зима нас в этом году снегом не балует. Но представьте себе тоннель, занесенный снегом. Женщины карабкаются по наледям вверх, на железнодорожные пути, потом вниз... Осенью в тоннеле лужи. «Пока доберешься до проходной — по колено в грязи, — жаловались мне, — и работать не хочется». Вы, конечно, понимаете, как это отражается на настроении человека. Походит он так вот год-другой, наслоятся и иные причины, и принесет в отдел кадров заявление — «в связи с переменной места жительства». Самый распространенный и благовидный предлог. Но вот что за ним кроется?

Я знала, что за ним кроется. Была до того в отделе кадров, он ведь барометр «погоды» на предприятии. Там царил сезонное затмение. Люди в чем-то, как птицы: зима не время для перелетов. Вот весной и осенью здесь косяки будущих и потерпевших крушение абитуриентов. Десятками, сотнями... Сейчас в коридорчике ожидали четверо. Двое — контролер с домохозяйственного комбината и регистратор аэропорта пришли наняться, двое других — работница с прядильного производства и молодой инженер, окончившая вуз без отрыва от производства, — увольняться.

Замена далеко не равноценная. Уходили выпестованные здесь кадры: и та и другая проработали на комбинате более шести лет (самому предприятию всего двадцать лет). Причины примерно одни и те же: не с кем оставить ребенка, в детский комбинат

очередь какой была, такой и осталась — 350 человек. А новый, хотя и был записан в мероприятиях, так и не построен. Вторая причина — жилье. Комбинат позаботился о юных и одиночках, общежития есть, а молодым семьям жить негде. Очередь на квартиры колоссальная. Вот и эти двое разуверились, потеряли надежду на лучшее. Потому и тщетны были все уговоры и старания, которые приложил начальник отдела кадров А. В. Горбовой: «Пусть, мол, перетянут на комбинат своих мужей, здесь, мол, создадут им условия для работы в разные смены, чтобы было кому дома с ребенком сидеть...» До того беседовали с молодыми женщинами в общественном отделе кадров, созданном по рекомендации исследователей, и также безуспешно.

— Текучесть кадров за последний год снизилась, подошла близко к среднему к цифрам по отрасли, но изменился возрастной и квалификационно-профессиональный состав увольняющихся, — с горечью рассказывал мне А. В. Горбовой. — Если раньше уходили больше юные, то теперь рассчитываются люди в возрасте зрелой молодости, 25—30-летние, возросло число покидающих нас инженерно-технических работников и служащих. Увольняются кадровые специалисты — золотой фонд предприятия.

Тревожный симптом. Я поделилась этими наблюдениями в обкоме партии и заодно рассказала об опыте строительства хозяйственным способом в ПО «Автокран» в городе Иваново, где благодаря этому ликвидирована проблема детского сада, очереди нет, успешно строятся и жилые дома. И. П. Усов, заведующий отделом легкой и пищевой промышленности обкома, того же мнения: Масленицыну надо взять на вооружение этот метод. Другой путь — он рекомендован лабораторией Института экономики — кооперативное строительство, предоставленное ссуд работникам комбината.

Обо всем этом и пошел у нас разговор, когда мы с Раисой Ефремовой пришли к Александру Михайловичу Масленицыну.

— Таблички в коридорах и стрелы на поворотах видели? — обратился Масленицын к Фоминой и, помолчав, добавил: — Реализуются ваши рекомендации. Теперь новичку и гостю легче ориентироваться стало. Световые указатели, как в метро. Учли вашу критику. Текучесть... Проблемы адаптации... Я недавно смотрел сочинения девятиклассниц, проходивших у нас практику по школьной программе. Девушка описывала свои впечатления, но не от цеха — оборудование у нас самое новейшее, какое только может быть, это вы знаете, — а от посещения столовой. Знаете, на что она обратила внимание? «Скопление народа. Девчонки ведут себя плохо. Кричат, толкаются, ругаются. Шум, гам. Есть в этом что-то отталкивающее...» Это меня насторожило.

— А о качестве обедов не писала? — интересуюсь я. — Что нет вилоч, не удивилась?

— Вот вы тоже видите негативное... Конечно, мы во многом недорабатываем.

— Дорого такое признание директора! Было бы желание устранить эти недоработки, — стоит на своем Фомина.

— Вы что думаете, не хотим? Кое-что уже есть. Открыли сберкасса, почту, магазин «Кооператор», парикмахерскую, причесываем рабочих бесплатно. Все это под нашей общей большой крышей. Приезжайте через год, — это уже ко мне обращается директор, — не узнаете комбината. Пункт приема по бытовому обслуживанию открыт, «Кулинарию». В феврале — марте теплицу поставим, в августе вторую. Один свинарник на сто голов есть, второй будет. Да, чуть не забыл: та передача по телевидению нам здорово помогла. Казунин, начальник «Главоренбургстроя», материалами помог. Часть крыши мы сами отремонтировали, сделано не все, но добьем ее. Ввели должность ответственного смотрителя по кровле, глаз теперь с нее спускать не будем!

— Наконец вы меня обрадовали, — расцвела в улыбке Раиса Ефремовна. Но тут же спохватилась: — А дорога к комбинату? Подъезды?

— К концу пятилетки недалеко от нас виадук построят. Тогда смогут городские автобусы подходить... А пока... Каждый месяц лаборатория НОТ представляет анализ анкетного опроса. Ей многому надо поучиться у вас, хотя сдвиги и наметились. Организована служба «Ваше настроение». Каждый может набрать номер телефона «7—37» и сообщить о том, что ему не понравилось в столовой, на рабочем месте, вообще в жизни комбината. В многотиражке должен быть опубликован ответ о принятых мерах. Проводим идеологические оперативки. Вот только в этом месяце — по работе с мастерами, по внедрению бригадных форм, о состоянии трудовой дисциплины. Вчера единый политдень был. Селиверстов, секретарь парткома, поехал в «Уралочку», я в «Чародейку» — это наши общежития. Провели беседы, отвечали на вопросы. Взяли на заметку все неполадки, а их накопилось немало. То душ не работает, то тепла не хватает в комнатах, газовыми плитами девчата почему-то не пользуются. Надо сделать так, чтобы буфет открывался в 6 часов утра... Про «Чайку» слышали?

— Про турбазу, плохонькую такую? Да и далеко она...

— Плохонькая? — Масленицын даже привскочил из-за своего стола. — Отстали вы, Раиса Ефремовна, чувствуете, давненько не были у нас, вероятно, с прошлой весны. Наша «Чайка» красивая, как в сказке. 85 домиков. Сразу пятьсот человек принять можем. И совсем недалеко, всего 12 минут на электричке. Приезжайте! В нашем плане еще микростадий. Дворец культуры достраивается. Это будет замечательный дворец, с залом на восемьсот мест и спортзалом...

У Фоминой, однако, как всегда, было свое мнение:

— Все еще высока сменяемость мастеров. Надо поднимать их авторитет. Воспитывать и растить из них руководителей. От мастера зависит не только план, но и микроклимат в бригаде, устойчивость, стабильность кадров. Хорошо, что ввели премиальную систему для мастеров в зависимости от того, есть ли на участке текучка или нет.

...Я не удивлюсь, если через некоторое время услышу, что Фомина снова «вытащила» директора шелкового объединения для очередной беседы у голубого экрана.

театр

НА СЦЕНЕ — ЦЫГАНСКАЯ ЗОЛУШКА

Жанр народной комедии, так же, впрочем, как и романтической драмы, близок природе московского цыганского театра «Ромэн», в чем убеждаешься на премьере «Четырех женихов». Спектакль этот поставлен по пьесе Ивана Хрусталева, старейшего цыганского драматурга.

В новой постановке главный режиссер театра народный артист СССР Николай Сличенко шел к воплощению замысла прежде всего через актера: в этом залог несомненной удачи «Четырех женихов», где яркие актерские работы подчеркивают характерность, даже нарицательность образов.

«Четыре жениха» — это, пожалуй, любопытная по своей оригинальности версия Золушки, получившей в пьесе радостное имя Зорица (Л. Дальская), хотя развитие этой версии, конечно, вплотную связано с цыганским фольклором.

Вожак табора богат Шмырка (заслуженный артист РСФСР Б. Ташкентский), уступая требованиям старшей любимой дочери Гомо (С. Янковская), объявил «конкурс» женихов. Уродливая Гомо мечтает о богатом женихе, и только после ее свадьбы может выйти замуж Зорица, — таков обычай, таково и слово Шмырки. Зорица же мечтает о любви. И, как полагается в сказке-комедии, девушка встречает парня Ленку (В. Оглу), с первого взгляда возникает любовь, разумеется, взаимная...

Н. Сличенко начинает спектакль веселым танцевальным прологом, где персонажи знакомятся со зрителем, напрямую обращаясь в зал, что для этого спектакля характерно. Антеры играют комедию — и не скрывают усмешливого отношения к ее героям, оставаясь при этом вполне искренними и настоящими. Есть в спектакле элемент и веселого ярмарочного представления. Не случайное оформление художника М. Мотина напоминает нарядную карусель, да и события развиваются стремительно, динамично, в своем круговороте.

Режиссер сумел всех увлечь пьесой, а темперамента романовцам не занимать! Отличает премьеру обилие музыкальных сцен (композитор В. Рафаэлов), причем это не «вставные номера». Переходы от диалога к пению, от песни к пляске всякий раз естественны. И это понятно: автор пьесы Иван Хрусталева — балетмейстер спектакля.

В «Четырех женихах» представлены все три актерских поколения цыганского театра. Вот неразлучная парочка хитрющих свах: Муста — О. Янковская и Стуля — А. Кононова. Это подруги-соперницы: каждая из них мечтает еще и старого Шмырку к рукам прибрать.

Из актеров среднего поколения особо хочется выделить Л. Боброву и Б. Ташкентского...

Про молодежь же иногда говорят, что это, мол, завтрашний день театра. Правильно говорят! Но здесь молодежь — это еще и его настоящее.

И. КАЗЕНИН

ТАМ, ГДЕ СХОДЯТСЯ ОРБИТЫ

В. ЛЕЙБОВСКИЙ

«Центр управления полетом я знаю не с орбиты. Сам варился в этом котле. И скажу, что с такой самоотверженностью, преданностью делу мало, наверное, где работают. Нас в космосе двое, их там много больше. И груз у них на плечах такой, что переложить его на плечи космонавтов — и полет не состоится. Мы спим ночью потому, что на Земле они не спят. Что-то не получилось в эксперименте, всех специалистов на ноги поднимают, но к утру, будьте уверены, решением помогут. Да что говорить, бывали они, верно, нами и недовольны, но только мы этого никогда не чувствовали. А двенадцать часов смены кого хочешь изматывают.

Я узнавал их по голосам, зримо представляю, как они надевают гарнитуры для связи, смотрят на часы, готовясь к сеансу... Я люблю этих мужиков. Жаль, что журналисты так мало о них пишут».

Так писал рекордсмен мира среди космических долгожителей Валерий Рюмин, человек, проведший на орбите год жизни.

Прав он, действительно не много внимания достается им, незримым участникам космического полета. И причина этого, видимо, в том, что увлекательные, многотрудные и нередко остросюжетные дела и события на орбите как-то заслоняют от нас, пишущих текущие корреспонденции о полетах, все остальное. Но вот сейчас, в пору космического затишья, искупить бы этот грех...

Тишина в космическом эфире. Не звучат каждые полтора часа позывные Земли: «Я «Заря», на связи!» Не слышны сухие, а порой беззаботные разговоры о житействе там, в космосе, и здесь, где остались друзья и коллеги космонавтов. Не горят в главном зале Центра управления большие и малые экраны, которые даже непостоянно не просто сразу входят в обстановку полета, но убеждают, что здесь вершится словно священнодействие. Не светится в центре яркая карта земного шара, по которой неторопливо, как большая стрелка часов, движется светлое пятно — орбитальный космический комплекс.

Опаленная солнечными ветрами, изъеденная космической пылью, повывавшая за четыре с половиной года многие виды и три десятка гостей станция «Салют-6» сонно кружит над Землей.

Сегодня мы убежденно говорим, что за недолгие годы жизни практической космонавтики в нашей стране создана НАУКА УПРАВЛЕНИЯ ПОЛЕТАМИ. Наша отечест-

венная, солидная, мудрая. Она впитала в себя самое передовое, чего достиг человек. Но походить по залам ЦУПа, присмотреться к людям, в чьих умах и руках эта великая наука. Какие молодые лица! Многие из этих людей ровесники самой космической эпохи, не подошедшей еще и к четвертьвековой своей поре.

ЦУП многолик. В работе он педантичен, решения его однозначны, неопровержимы. Это приказы. Для техники, для людей на борту. Если послушать переговоры Земля — космос, то сразу же обращаешь внимание на своеобразие языка: цифры, термины, символы, обозначения. Чаще всего короткие, лишённые выразительности и красоты: ВШК, КРТ, КРЛ, МКФ...

В главном зале Центра — три десятка пултов, за пультом — специалист в отдельной области науки или техники. За плечами каждого из них — целая группа специалистов, располагающаяся в другом помещении Центра. Группа планирования и реализации программ, анализа бортовых систем, баллистики, командно-измерительного комплекса, медико-биологического контроля, научных экспериментов, поисково-спасательного комплекса... Эти «группы поддержки» обеспечивают специалистов в зале управления расчетами и сведениями, по которым уточняется текущая программа полета. «Поддержка» — это и консультирование основных специалистов, помощь им в анализе работы бортовых систем, это и контроль за судьбой решений, принимаемых руководителем полета, это и перспективное его планирование.

Программа полета не догма, не свод законов, а скорее образ действий, образ работы экипажа, техники. Важно оставить человеку на борту лишь то, что не может быть делом техники — творчество. Многие на борту выполняются поименованием человека, автоматически. Но для этого нужно своевременно заложить программы в бортовые устройства, рассчитать, в какой точке орбиты и на какое время включить двигательную установку, чтобы станция заняла определенное положение в пространстве. Нужно заранее выяснить положение Солнца на расчетное время, продумать, не помешает ли запланированный эксперимент другим.

Вот работает группа долгосрочного планирования. Под стать названию группы ее рабочий материал — пространственные полотна бумаги. Решают традиционную для своего коллектива задачу: как втиснуть в узкие рамки рабочего дня на борту все, что требуют представители заинтересованных организаций.

—...Эксперимент «Сплав» поставим сюда, а «Природу» вот сюда... Нет, так не получится, не хватит времени...

— А если сдвинуть обед и не проводить тестирование приборов?

— Нет, эту работу отодвигать нельзя, — возражают прибористы. — Вышли сроки, нужно тестировать...

Здесь же на стенах — плакаты на служебную тему:

«Тише едешь — ниже будешь», «Кончил дело — жди другое», «Любешь кататься — люби педали крутить» (велозерометра. — В. Л.), «Учение свет, а инструкции тьма».

Планирование, планирование. Раньше проще было, «заинтересованных» было куда меньше. А теперь в космос со своими интересами ринулись чуть ли не все. Спрос явно превышает предложение. Трудно «плановикам», трудно руководству.

Вот заместитель руководителя полета В. Д. Благоев беседует с представителем госцентра «Природа», постановщиком народнохозяйственных экспериментов на борту. Только что они получили интересные результаты по лесам Сибири. Ученому необходимо срочно самому поговорить с экипажем, выяснить и уточнить детали. Но сеанс связи расписан по секундам. И два следующих тоже. Эта экспедиция кончается, начинается консервация станции, подготовка к посадке. Программа радиопереговоров насыщена — плотнее, кажется, некуда.

Благоев понимает: нужно просить удовлетворить, нужно помочь. И поможет.

Восьмое марта. Сегодня в ЦУПе всех женщин отпустили пораньше, остался лишь мужской состав. Однако, как выясняется, не полностью. Одна девушка не уходит, сидит. Грустная, озабоченная, озадаченная. Сменный руководитель полета В. И. Староверов сочувственно вздыхает. Понимает — ее домой не отправишь, пока все не уладится. Дело в том, что на борту пропал предохранитель. «Ее» предохранитель, из «ее» системы. В очередном сеансе оператор связи обращается к экипажу:

— Девушка у нас тут одна горемычная сидит. Одна на весь ЦУП. Все ждет, когда вы предохранитель отыщете.

— Найдем мы этот предохранитель, — смеется командир Владимир Коваленко. — Успокойте девушку, убедите. Обещайте, что найдем.

Девушка, конечно, слышит слова Коваленки, но желаемого их действия нет. Проходит еще виток, снова сеанс связи.

И вот, наконец, она сияющая вылетает из подъезда:

— Нашли!

Во время сеансов связи с бортом главное действующее лицо в ЦУПе — оператор связи. Разумеется, большую часть информации, которую он передает на борт, готовят другие. Но оператор, конечно, не ретранслятор, не диктор. Говоря инженерным языком, оператор — это важное звено в цепи управления полетом. Конечное звено.

До начала полета операторы проходят подготовку во многом по той же программе, что и экипаж. Они знают станцию так же хорошо и детально — это обязательное профессиональное требование и условие работы оператора. Но прежде всего он свой, близкий по духу человек. И тонкий. Ведущий связь обязан и по должности и просто по человечески не только понимать, что делается на борту, но чувствовать настроение своих товарищей. Когда

нужно, оператор подскажет, поможет.

Должность эта — «главный оператор» — появилась не сразу. Когда в космос летали ненадолго, не было, собственно, нужды в такой специализации. Суть и содержание работы на борту были намного проще. И лишь с увеличением длительности полетов, объемов и сложности экспериментов и вообще всей работы на орбите появился в ЦУПе особый человек с наушниками и микрофоном.

О нештатных ситуациях на борту. К ним ЦУП готовится не менее серьезно, вдумчиво и объемно, чем к работе по штатной программе. Вот что говорит Виктор Дмитриевич Благоев:

— У нас есть свои поверья в космосе. Хочется заранее создать и продумать как можно больше нештатных ситуаций, причем в самых разных их вариантах. Но, увы, опыт показывает, что в действительности продуманные и подготовленные ситуации почти не случаются.

И тем не менее из всех случившихся в космосе ситуаций ЦУП совместно с экипажами выходил с честью. Так будет и впредь. Потому что такие люди работают в Центре. Но все же пусть будет поменьше этих отклонений от штатной программы.

Ремонтные работы на борту станции «Салют-6» до начала ее полета тоже рассматривались как нештатные ситуации, и это вполне понятно — такое не предусматривалось как СИСТЕМА. Ни один оптимист не посмел бы в тот период предсказать станции столь почтенное долголетие, да притом активное. И вот уж минуло четыре с половиной года.

Продлили жизнедеятельность станции космонавты — ремонтом и в значительной степени заменой износившихся систем, приборов, блоков. Их доставляли в космос грузовые корабли.

— Мы даже в мыслях не допускали до старта столь смелых решений, которые появятся в ходе полета, — признался конструктор К. П. Феоктистов.

Причем обязательным стало проигрывание на Земле намеченных действий на таких же «живых» узлах и блоках.

Огромную активность и фантазию в этих делах на борту проявил Валерий Рюмин, особенно во время второй своей экспедиции — в 1980 году, длившейся 185 дней.

И вот в декабре того же года на станцию для непродолжительной экспедиции отправилась «бригада» из трех человек — Л. Кизим, О. Макаров, Г. Стрекалов. В числе прочих работ им предстояло отремонтировать СТР — систему терморегулирования. Это сложный набор трубопроводов, радиаторов, вентиляторов, насосов, который равномерно разносит тепло по всей станции, а избытки его удаляет за борт. Главное в этой системе — блок насосов, который уже отработал к тому времени

два ресурса. Теперь, чтобы продлить жизнь СТР, а значит, и самой станции, решили врезать дополнительный блок насосов.

Но, приступив к делу, «бригада» в скором времени заколебалась: «На ту ли станцию мы попали?» СТР словно подменили, во всяком случае, многое в ней не соответствовало схемам, чертежам, описаниям. Вскоре совместно с ЦУПом выяснили: все это дело рук Рюмина, который в тот момент после трудного испытания находился в отпуске.

Что делать? Нужен живой Рюмин, бывший сменный руководитель полета, бывший дважды обитатель станции «Салют-6», а ныне «больной» одного из санаториев в Кисловодске. Нужен Рюмин. Вызывать в Москву? Эту мысль отметили, даже не прибегая к врачам. А что, если?..

ЦУП позвонил в Кисловодск, разыскал Рюмина. А затем соединил его с бортом станции. Разговор был долгим...

Баллистики считают параметры орбит. Справедливо было бы называть баллистиков земными штурманами космоса. Сколько, скажем, ребусов и головоломок им приходится решать, чтобы стыковка состоялась в намеченной точке и в заданное время. Право на ошибку у баллистиков такое же, как у саперов.

Важнейшее дело — точный прогноз орбиты. Какой она будет через сутки? Через двое? Ведь в программу полета включено много экспериментов, операций и маневров по орбите. Какой станет орбита под влиянием гравитационных сил, изменения режима работы систем станции да и многих других факторов? Группа прогноза орбиты дает на это ответ. Он нужен и наземным станциям слежения, чтоб знать, когда и в какой точке пространства появится орбитальная станция — туда и нацелить антенны.

Баллистики всегда готовы к внезапной посадке. Мало ли что может произойти, программа программой, но здоровье, как говорится, дороже: вдруг человек на борту заболел? Практически для каждого витка у баллистиков есть район посадки.

Для спуска с орбиты и посадки в заданном районе тормозной двигатель необходимо включить в строго расчетное время. А его можно определить лишь при точнейшем знании параметров орбиты.

Но если в районе посадки туман? На этот случай у баллистиков всегда найдется «запасной аэродром» — на другом витке, и никакого тумана!

Теперь в космосе и по полгода без передышки летают. Трудно. В ЦУПе это хорошо понимают. Есть здесь отдельная комната, куда приходят родные космонавтов. Сидят, наблюдают за ними на телеэкране.

Но иногда работа ЦУПа нарушается. Звучат в эфире тревожные женские голоса, голоса уставшие, по-домашнему заботливые. Разговор о доме, о детях, о домашних проблемах. Затихают голоса специалистов, операторы невольно отводят глаза от экранов, словно давая людям побыть наедине.

— Пап, а как там моя обезьянка?

— Хорошо, сынок, тоже привыкла к невесомости.

— Она там за вами присматривает?

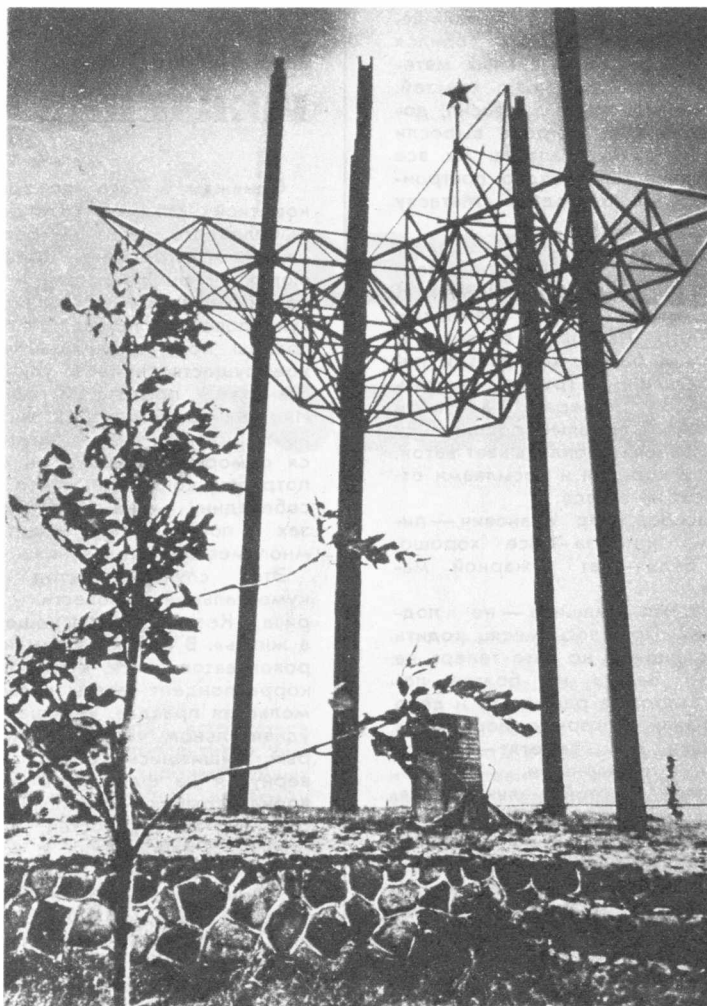
— Старается. Да так, что в вентилиацию недавно попала, чуть без хвоста не осталась.

— Обрати мне ее привезешь?

— Обязательно. Вот тут у нас скоро будет стрижка, мы и ее заодно подстрижем.

Во всем Центре управления полетом в этот момент горят транспаранты: «Тише! Идет сеанс связи».

И снова работа.

Памятник-маяк. Фото В. Суходольского

Я. Я. Залит.

П. И. Матаев.

МАЯК НА ОСТРОВЕ

Татьяна ТРОИЦКАЯ

На крутом берегу Псковского озера — высокие металлические столбы, устремленные в небо. На них накинута металлическая рыбацкая сеть, а над ней пятиконечная звезда, свет которой виден в ночи издали...

Остров имени Залита. Раньше он имел другое имя — Талабск. Издавна многие столетия здесь селились рыбаки и вели простую трудовую жизнь. От щедрости озера, про которое говорили, что дно у него золотое, зависела жизнь островитян. Ловили судаков, линей и знаменитого на всю Россию снетка. Матаевы жили бедно, потому что рано остались без отца. А в семье было трое ребятишек. Пришлось одному из сыновей — Петру покинуть Талабск, отправиться на заработки в Питер. Стал рабочим человеком. Вступил в большевистскую партию. А в шестнадцатом году ушел на Двинский фронт. Вернулся Матаев на свой родной остров тяжелораненым. Тогда и произошла его встреча с человеком, который стал для него идеалом борца за счастье людей. Это был латыш Ян Яковлевич Залит.

Накануне Октябрьской революции Залита направили заведовать школой на Талабск. Новая работа устраивала революционера: вдаль от городов тихий, незаметный

учитель не привлекал внимания, здесь его никто не знал. А для его конспиративной деятельности маленький островок оказался очень удобным. К Талабску время от времени подплывали в сумерках на лодках незнакомые люди, на квартире учителя велись жаркие споры. Читали запрещенные книги — труды Плеханова и Маркса, Ленина и Энгельса. Читали, обсуждали. Мечтали о будущем России...

Залит учил крестьянских детей грамоте, учился сам. В книгах искал ответа, как жить правильно. Всегда жаждал справедливости и правды. Когда разразились революционные события 1905 года, молодой учитель распространял среди рабочих и крестьян бумажную фабрику Зоннера нелегальную литературу, листовки с призывом к восстанию. Его схватили полицейские и сильно избили. На всю жизнь остались шрамы на лице. Но Залит не отступил.

Умный, обаятельный — он пришелся по душе островитянам. Жил скромно, как человек интеллигентный, был деликатен, со всеми вежлив, учил детей добру и потому быстро нашел общий язык с рыбаками. Вскоре под его руководством на острове была создана подпольная большевистская организация.

В октябре 1917 года по сигналу псковских большевиков на Талабске подняли красный флаг.

Председателем совета рыбацких депутатов был единодушно избран Ян Яковлевич Залит. Новая власть национализировала крупные хозяйства, передала беднякам орудия лова, немудрящий флот.

Время настало трудное, голодное — шла гражданская война. Представители новой власти, возглавляемые Залитом, были фанатически честны и аккуратны в распределении того немногочисленного, что у них было.

Как-то шел Ян Яковлевич от Пскова по берегу озера к устью речушки, где была переправа на остров, и нес на плечах увесистый мешок. Вдруг Залит упал на дорогу — видно, от истощения голова закружилась. Какая-то старушка, оказавшаяся рядом, помогла ему подняться, привела к себе домой, напоила, накормила чем могла. Раскрыла мешок, а в нем — хлеб, рыба.

— Да как же так? Сам чуть не умер от голода, — запричитала женщина, — а в мешке еда?

— Это детям нес. Их двадцать человек, — слабым голосом, но твердо ответил Залит.

...В эту весеннюю пору и вернулся с фронта домой Петр Иванович Матаев. Опираясь на костыли, держа руку на перевязи, вышел он к берегу озера — там в туманной дымке лежал Талабск. Рыбаки перевезли его на остров. И вот он идет по единственной улице, солнце бьет в глаза, а их

застылают слезы. Но нет ничего слаще возвращения на родину.

Он всегда будет возвращаться на свой остров... Вместе с другими активистами-большевиками Петр рьяно взялся за строительство новой жизни. Его назначили начальником штаба партизанского отряда, ответственным за оружие. Взялся Матаев обучать молодежь военному делу — стрелять, окопы рыть. Как-никак, солдат, с фронта.

Но слишком уязвим был отряд на крохотном острове. Да и опыта у людей маловато. Как-то темной осенней ночью подошли к берегу бронированные пароходы, на борту которых были бандиты. Сняли с поста часового, рассыпались по деревне, и отряд партизан оказался в мышеловке. В плен к бандитам попали почти все большевики. Ян Залит пытался бежать. В челноке. Но и его поймали. Посадили пятерых в трюм парохода, пытали, били. Но они молчали. Их расстреляли без суда и следствия, а трупы побросали в озеро.

Весной рыбаки выловили тела замученных героев, похоронили на кладбище. И остров назвали именем своего учителя. Первого председателя. Первого, отдавшего за них, жителей острова, свою жизнь.

Чудом спасся тогда, в осеннюю ночь, двадцатилетний Петр Матаев. Его спрятали в сушильной печи. Двое суток провел он в убежище. Когда выбрался оттуда, узнал о трагической участи своих товарищей. И ушел воевать в Красную Армию. С тех пор и стал военным.

...Он стоял на наблюдательном пункте и вслушивался. Сюда, на фронт, под Орел, он прибыл, чтобы проверить действие новой, мощнейшей пятитонной бомбы. Взрыв ее застал гитлеровцев врасплох и оказал огромную помощь нашим наземным войскам. В тот день, 5 августа 1943 года, в Москве был первый салют — наши воины освободили Орел и Белгород. Враг в панике бежал. Отступая, противник оставлял разрушения, черную, обугленную землю. Хотя и нагледелся за военное лихолетье генерал Матаев таких мрачных картин, каждый раз они глубоко ранили сердце. А в памяти возникали другие руины, другие пожары... Безмолвным, безлюдным представлялся ему родной остров. Маленький — за полчаса пересечь можно, — веселый и зеленый прежде. Земля, где он родился, вырос, где строил Советскую власть, откуда ушел воевать.

Тогда, осенью восемнадцатого, Матаев сначала воевал в красногвардейском отряде под Псковом. Потом — Петроградские артиллерийские курсы. Потом громил Юденича, переходил Сиваш, очищал Крым от Врангеля, командовал батареями в боях против Махно. И учился. Учился страстно, занимался по восемнадцати часов в сутки... Куда только не забрасывала его военная служба — Грузия и Армения, Украина и Россия. Во время войны генерал-майор Петр Иванович Матаев занимался вооружением авиации. Он был одним из тех, кто принимал технику с заводов и испытывал ее на фронте. Как ту бомбу под Орлом.

И где бы ни был, что бы ни делал Петр Иванович Матаев, он всегда возвращался на свой остров. Он просто никогда не отделял свою судьбу от судьбы острова.

После войны, когда на месте

села осталось лишь пепелище, именно Петр Иванович добился для колхоза строительных материалов, инструментов, снастей. Заслуженный генерал просил, доказывал — и на острове выросли школа, больница, аптека. Их все равно рано или поздно построили бы, но благодаря Матаеву построили раньше.

Ему пишут: «Сидим без электричества, вышли из строя подшипники, а достать не можем. К сему привет — ваши земляки».

И Петр Иванович бежит по трестам и базам, хлопочет и пишет заявления. Трудно отказать почтенному генералу в такой просьбе, и тяжелые подшипники Петр Иванович обкладывает ватой, пакует в коробки и посылками отправляет на остров.

«Спасибо, Петр Иванович, — пишут из колхоза. — Все хорошо, одна беда — нет пожарной машины».

Пожарная машина — не подшипники. Пришлось месяц ходить по инстанциям, но зато теперь на острове Залита не боятся пожаров, которые раньше то и дело вспыхивали в жаркую пору. Чуть с вышки дым заметят — мчится машина с пожарными.

Остался сиротой мальчик Вася. Матаев взял его в Москву, подкормил, подучил и определил в суворовское училище.

И так каждый год, каждый месяц, каждый день — всю жизнь. Любимый рыбак на острове Залита знал, что в Москве живет хороший, добрый и бескорыстный человек, который ради своего земляка пойдет куда угодно, не жалея ни сил, ни времени...

После войны Петр Иванович стал преподавать в Московском авиационном институте. По существу, он заново организовал факультет электромеханических установок, которым руководил. Достал новое оборудование, пригласил преподавать самых умных и талантливых конструкторов. Студенты любили своего декана. Владислав Волков, летчик-космонавт, тепло вспоминал его в одном из своих выступлений: «Нашему факультету, и курсу в том числе, повезло... факультет возглавлял большой специалист авиационной техники и прекрасной души человек Петр Иванович Матаев».

...Когда на острове имени латыша Яна Залита торжественно открывали памятник героям, погибшим за правое дело в ту страшную осеннюю ночь восемнадцатого года, на торжество приехали делегации не только из Пскова, но и из Латвии, Эстонии. Памятник был сделан на средства местных колхозников. Но сколько дней, ночей, сколько сил отдал Петр Иванович Матаев, чтобы воздвигнуть этот памятник-маяк!

В колхозном музее боевой и трудовой славы рыболовецкого колхоза — вся скромная история острова. Вот увеличенные со старых любительских снимков портреты погибших коммунистов и латыша Яна Залита в том числе. Рядом — фотография генерал-майора Матаева. Рядом и их могилы...

На крутом берегу Псковского озера в честь погибших — металлические столбы, устремленные в небо. Металлическая рыбацкая сеть, а над ней — пятиконечная звезда, которая далеко светит в ночи. Памятник-маяк. Все, кто видит этот свет, помянут героев добрым словом.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Однажды в Того во время короткой стоянки советского рыболовного судна на берегу случайно встретились русский моряк Игорь Винокуров и его давний знакомый с испанских тунцеловов, теперь, после травмы ноги, влечивший жалкое существование в уличной лавчонке портового города. Иностранец сетовал на жизнь, на то, что вынужден расстаться с морем. Как же он был потрясен, когда узнал, что его собеседник — на двух протезах и по-прежнему ходит в многомесячные плавания.

Этот случай — эпизод документальной повести Бориса Костина «Возвращение в жизнь». В одной из командировок автор книги, в то время корреспондент газеты «Комсомольская правда», услышал об удивительном человеке, который, лишившись обеих ног, вернулся на флот. Есть поговорка: рыбак — дважды моряк. Из-за трудностей, из-за большого напряжения, с которыми связана рыбацкая служба. Винокуров не только вернулся в море, он стал отличным радистом, секретарем партийной организации огромного транспортного рефриже-

ратора и за успехи в девятой пятилетке награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Судьба Винокурова заинтересовала журналиста. Он написал очерк, а затем подружился со своим героем, встречался с теми, кто работает с ним рядом, кто помогал Игорю Сергеевичу в его втором рождении.

Повесть «Возвращение в жизнь» вышла в свет под рубрикой «Герои нашего времени». Героизм Винокурова, как понимает и как показывает это автор, в постоянном преодолении — многолетнем, ежедневном, ежечасном — своей боли, душевных страданий, в нежелании мириться с «инвалидным положением» и потому в обостренном стремлении быть полезным, работать с полной отдачей, нагружать себя до предела. Много упорства понадобилось Игорю Сер-

Борис Костин. Возвращение в жизнь. М., «Детская литература», 1981, 111 стр.

геевичу, чтобы справиться с непредвиденными ситуациями, чтобы сломить сопротивление медицинских комиссий. Трудно бывало в плавании, но никто никогда не слышал от него слова жалобы.

В книге есть интересные размышления об отношении к времени, о том, как уплотнилось оно у Винокурова. Автор замечает, «что у него каждая минута имеет свое определение»: заочно учился, чтобы получить диплом мореходки, занимается английским языком, увлекается чеканкой. А теперь поступил в университет, на факультет журналистики.

Многие страницы повести посвящены людям, которые поддержали Игоря, проявили деятельное, заинтересованное участие в его делах. С большой теплотой рисует автор образ жены моряка Жанны Михайловны, упорно борющейся вместе с врачами за его жизнь. Ее верное сердце помогло мужу преодолеть отчаяние после случившейся с ним беды. Решительной, волевой, с огромным запасом доброты, предстает перед читателями Эрика Мартыновна Закис, заведующая отделением Рижского института травматологии, «крестная мать» Игоря, внушившая ему уверенность о возвращении в море.

Мудрыми наставниками показаны в книге руководители Главного управления рыбной промышленности Западного бассейна Борис Геннадиевич Соколов, Валерий Георгиевич Латышев, бывший капитан-директор плавбазы «Трудовая слава», на которой впервые после травмы Винокуров вышел в плавание.

Не случайно, вспоминая встречу в Того, автор пишет: «Вот ведь как иногда жизнь дает толчок классовому сознанию! Что было бы с ним самим (Винокуровым. — О. Н.), родился он на свет не там, где родился?.. Уж если по совести, и сам он... в его нынешнем качестве — «продукт» человеческого братства, ставшего дома, на Родине, законом жизни. Только вот достаточно ли знаем это мы, истинную ли цену назначаем в повседневности, всегда ли сами готовы стать кому-то братом?»

Оглядываясь на путь своего героя, вспоминая людей, с которыми приходилось общаться Винокурову, автор заключает: «И разве не стоит жить хотя бы ради того, чтобы всем им отплатить тем же добром, теплом, готовностью быть рядом!»

Произведение Бориса Костина обращено к юным читателям, полезно им примером большой жизненной стойкости, умением мобилизовать все свои силы. Но личность человека, о котором в нем рассказывается, заинтересует, думается, людей разных поколений. Тем же, кого постигло несчастье, повесть о героическом моряке поможет встать, вернуться в строй, прожить полноценную, яркую жизнь.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

« ПРОЗВЕНИТ ЛИТВА В НАРОДОВ БРАТСТВЕ... »

Начало см. на стр. 1.

...Мне довелось вдоль и поперек изездить всю Литву, встречаться с рядовыми тружениками и руководителями крупных коллективов, бывать в переполненных залах театров, на концертах и художественных выставках, и я невольно ловлю себя на том, что отношусь ко всему придиричливо: что-то, дескать, не так, надо бы лучше... В чем дело? Неужели притупился взгляд и сердце утратило способность удивляться? Неужели я стал равнодушен к тому, чем мы по праву можем сейчас гордиться? Нет, нет, в сердце для всего хватает места.

Экономика Советской Литвы стала неотъемлемой составной частью единого народнохозяйственного комплекса великой нашей страны. Индустриальный облик республики ныне определяют современная машиностроительная, электротехническая, радиотехническая и электронная промышленность, строительная индустрия. Выросли новые отрасли промышленности — химическая, нефтеперерабатывающая. За неполную неделю Литва дает столько продукции, сколько ее было произведено за весь 1940 год. Гигантские темпы роста! А ведь, кажется, совсем недавно, в 1953 году, огромным событием в жизни республики было сооружение ГЭС «Дружба народов» на берегу озера Друкшай. В ее строительстве участвовали ближайшие соседи литовцев — белорусы и латыши.

Ныне и моя республика ставит атом на службу народа. Ускоренными темпами сооружается Игналинская атомная электростанция. На берегу озера Висагинас вырос город энергетиков, названный именем революционера, многолетнего руководителя Коммунистической партии Литвы А. Снечкуса. В строительстве АЭС участвуют опытные специалисты, люди сорока национальностей.

Но приметы самых разительных перемен на литовской земле — это прежде всего ее люди. Человек наш стал богаче знаниями, богаче духовно, его личные интересы неразрывно связаны с интересами коллектива. И, выбирая работу, он прежде всего интересуется, каков микроклимат в коллективе, дружны, добры ли там люди?

Мне не раз приходилось бывать на вильнюсском заводе топливной аппаратуры имени 50-летия СССР, награжденном орденом Знак Почета. Здесь замечательный многотысячный коллектив. Тон задают коммунисты, они показывают пример, о них говорят, — доблесть идущих впереди. Почти 97 процентов партийцев завода участвуют в движении за коммунистическое отношение к труду, у многих из них личные творческие планы. Каждый четвертый коммунист — рационализатор или автор предложения, содействующего повышению эффективности производства и улучшению качества работы.

Недавно я был в Алитусе, встречался с трудящимися хлопчатобумажного комбината имени 60-летия КП Литвы. Меня не удивило внимание рабочих к литературе. Мы, писатели, к этому привыкли. Поражало другое — новое, хозяйское, заинтересованное отношение рабочего человека к своему предприятию, к разным сторонам нашей жизни, глубокое проникновение в проблемы внутренней и внешней политики страны. Во время бесед с работниками высветилось много интересного. Долгие годы считалось нормальным, что на комбинате из-за шума станков и пыли часто менялись люди. Текучесть кадров была огромной. «Таковы условия труда», — равнодушно говорили прежние руководители предприятия. Но вот директором комбината был назначен энергичный, инициативный инженер Даниелюс Якшис. При помощи партийной организации он сделал все для того, чтобы оснастить цехи современными высокопроизводительными станками. Подумал директор и о многом таком, что касается труда и быта работников. Прошло несколько лет. Ткачихи, прядильщицы получили все необходимое для хорошей работы и хорошего отдыха. В каждом цехе появились уголки отдыха, комнаты психологической разгрузки. На комбинате шесть столовых, кафе, магазин, обувное ателье, пункт бытового обслуживания, поликлиника. Вырос прекрасный Дворец культуры, куда приезжают на гастроли лучшие театры республики, художественные коллективы. Оборудованы зона отдыха, спортплощадки. С ранней весны до поздней осени пестрят цветы, зеленеют деревья, декоративные кустарники. Все это самым лучшим образом сказалось на делах комбината. За десятую пятилетку текучесть кадров уменьшилась в два

с половиной раза, объем производства повысился на 66, а производительность труда — на 40 процентов. Вот что может дать душевное отношение к человеку.

Та же картина и в городе энергетиков Электренай — здесь находится Литовская ГРЭС имени В. И. Ленина. Вам тут с гордостью расскажут, что в коллективе нет прогульщиков, нарушителей дисциплины и общественного порядка. Расскажут о высокой культуре труда, современной организации производства. И как бы в продолжение сказанного, в прямой связи с ним, будут показывать построенные силами коллектива детсады и ясли, пионерские лагеря и профилакторий с водолечебницей, целый городок для игр и спорта, Дворец культуры, крытый каток с искусственным льдом, оранжерею, яхт-клуб... И думаешь: не потому ли здесь каждый любит свой город, свою улицу, свой дом? И вспоминаешь наполненные глубокой мудростью строки из книги Л. Брежнева «Воспоминания»: «Чувство родины у каждого из нас начинается с памяти детства, со своего дома, своей улицы, своего города или села. И вместе с тем живо в нас ощущение большой, великой Родины...»

Ощущение большой, великой Родины!.. Наша республика испытывает его непрестанно. Трудящиеся Советской Литвы понимают, что ее достижения содействуют прогрессу всей страны, а прогресс страны, в свою очередь, предопределяет подъем республики. Помощь братских народов мы познали и в первые годы Советской власти, и в тяжелый послевоенный период, когда из пепла и руин вставали города и заводы, и в пору стремительного построения общества развитого социализма. Сейчас Советская Литва, получая из союзных республик нефтепродукты, природный газ, металл, тракторы, комбайны, автомобили, хлопок (все невозможно перечислить), в свою очередь, поставляет им сложнейшие станки и приборы, рыболовные суда, электросварочные агрегаты, сельскохозяйственные машины, минеральные удобрения, стройматериалы, изделия легкой и пищевой промышленности.

Из отсталого аграрного края Литва превратилась в республику высокоразвитой промышленности и эффективного сельского хозяйства. Продукция ее промышленности экспортируется в 80 с лишним стран.

Литовское крестьянство в послевоенные годы решительно встало на путь коллективизации. Сейчас наш крестьянин получает высокие урожаи (урожайность повысилась почти в три раза по сравнению с довоенными годами), он добился хороших показателей и в производстве молока, мяса. Давайте заглянем в некоторые наши хозяйства. В любом из них, словно в зеркале, можно увидеть новый облик сельского хозяйства Советской Литвы. Вот, например, колхоз «Эришкяй» Паневежского района. Богатый колхоз, миллионер. Здесь постоянно получают 35—40 центнеров зерновых с гектара. Тут продуктивные стада — за год от одной коровы надаивают свыше 4 тысяч килограммов молока. Но сейчас будем говорить не о производстве.

Давайте оглянемся вокруг. Огромный искусственный водоем, погруженные в буйную зелень деревьев новые каменные дома, сверкающие разноцветными крышами. Из центра поселка во все стороны тянутся асфальтированные улицы. Высятся башни мельницы, складов, водоканализации. Кругом просторные поля, на которых не увидишь прежних разбросанных хуторов. Все в этом хозяйстве современно и вместе с тем по-народному просто. Председатель колхоза Альфонсас Гедрайтис никогда не гнался за модой, не строил высоких многоквартирных зданий. Он понимал, что крестьянину удобнее иметь отдельный домик, а рядом с ним — сад, огород, хозяйственные постройки. В колхозе хорошая современная техника, ухоженные поля. Здесь вырос первый в республике крупный молочный комплекс. Если в иных хозяйствах сетуют на нехватку рабочих рук, то в «Эришкяй» дети колхозников после школы охотно выбирают профессию хлопобора.

...В продуктовом магазине мы берем продолговатый, с поджаристой корочкой каравай ржаного хлеба. Это литовский хлеб, которым так гордится мой народ. Но каждый из нас знает, что к литовскому хлебу причастны наши братья с Урала и Сибири, из Белоруссии и Украины, — там добывают железную руду и каменный уголь, там делают тракторы и комбайны. И все это для того, чтобы мы взяли в руки каравай литовского хлеба.

Известно, что погода последних лет не баловала советских хлеборобов, в частности и литовских. Дожди у нас не прекращались ни летом, ни осенью. Это испытание механизаторы, земледельцы выдержали

СТИХИ

с честью. Еще больше окрепли их вера в свои силы, их чувство ответственности. Я мог бы без конца рассказывать о рядовых колхозниках или руководителях хозяйств, влюбленных в свое дело, в новую, социалистическую деревню. Мог бы поведать о ветеранах труда, которые первыми распахали межи и первыми бросили семена в артельное поле. Не страшась угроз буржуазных националистов, они проводили коренную ломку деревенских устоев. Я мог бы много добрых слов сказать о молодежи, выросшей и возмужавшей в послевоенные годы, о высококвалифицированных специалистах, о замечательных механизаторах, многократных победителях и призерах соревнований пахарей СССР и социалистических стран. Но обо всем в журнальной статье не рассказать. Богата и многолика сейчас жизнь моей республики! А ведь я еще ни словом не обмолвился о достижениях ее науки. И меня охватывает смущение: под силу ли мне, писателю, говорить о разносторонней деятельности огромной армии ученых, о сложнейших научных проблемах, которые они решают? Пожалуй, я просто упомяну некоторых из них. Широко известны в Советской стране научные труды медиков республик, например, Зигмаса Янушквичюса, наших знаменитых хирургов Юргиса Бредикиса, Альгимантаса Марцинкявичюса, делающих сложнейшие операции на сердце. Давно известны школа литовских математиков и ее родоначальник ректор Вильнюсского государственного университета имени В. Капсукаса Йонас Кубилюс. Фундаментальные проблемы решают физики и химики. Ученые Свветской Литвы активно сотрудничают с научными учреждениями Москвы, Ленинграда, Киева, Риги, Минска, Новосибирска и других городов, обширны и их международные связи.

А культура современной Литвы? Происшедшие за 42 года Советской власти политические и социально-экономические перемены создали благоприятные условия для слияния литовской национальной культуры с многонациональной культурой всего Советского Союза. Социалистическая культура как сложная система духовных ценностей оказывает все большее влияние на образ мыслей людей, на их взаимоотношения, становится насущной потребностью духовной жизни советских тружеников. Вот несколько фактов: фондами библиотек республики ежегодно пользуются почти три миллиона человек, спектакли одиннадцати театров Литвы за год смотрят почти два миллиона зрителей, а концерты, устраиваемые Государственной филармонией, ансамблем «Летува» и духовым оркестром «Тримитас», за год слушают свыше двух миллионов человек. В музеях республики за год бывают примерно шесть миллионов человек. Сейчас каждый восьмой житель Литвы участвует в художественной самодеятельности. В юбилейном республиканском Празднике песни, посвященном 40-летию восстановления Советской власти в Литве, участвовали 36 тысяч мастеров художественной самодеятельности, оставивших неизгладимое впечатление у зрителей. Музыкальные коллективы, деятели искусства Советской Литвы известны во всей стране и далеко за ее пределами. Прежде всего хотелось бы отметить заслуженный коллектив республики камерный оркестр Государственной филармонии, которым руководит народный артист СССР Саулюс Сондецкис, а также замечательных солистов, народных артистов СССР Нийоле Амбразайтите, Виргилиюс Нореюку, Эдуардаса Каняву, народного артиста Литовской ССР Вацловаса Даунораса. А кому сейчас неизвестны актеры нашего театра и кино Донатас Банионис, Ремигиус Адомайтис, Юозас Будрайтис? За создание прекрасных архитектурных ансамблей, таких, как вильнюсский жилой массив Жирмунай и поселок Дайнава Укмергского района, коллективы архитекторов и строителей были удостоены Государственной премии, а за чудесный район Лаздинай в столице Литвы — Ленинской премии.

Конечно, подробнее всего я мог бы поделиться мыслями о зрелости литовской советской литературы, о ее популярности. Однако сам не знаю, как уместить эту широкую, мощную, по-весеннему полноводную реку в узкое русло статьи. Как можно коротко сказать о современной литовской литературе? На мой взгляд, самые характерные ее черты — это верность народу, жизненной правде и постоянное беспокойство, дух непрестанного поиска. И, пожалуй, самым ярким окажется путь лауреата Ленинской премии народного поэта Литовской ССР Эдуардаса Межелайтиса, совпадающий с путем всей республики — от лирики поры Великой Отечественной войны, пронизанной ненавистью к врагу и верой в победу, от послевоенных злободневных стихов и раздумий о жизни до поэзии последних десятилетий и книг поэтической публицистики, в центре которых — всеобъемлющая концепция человека, утверждаемая на коммунистических идеалах. Глубоко новаторская по содержанию и форме лирика Межелайтиса, широко прозвучавшая на русском языке и высоко оцененная всесоюзной критикой, проторила дорогу всей литовской советской литературе к многомиллионному читателю в нашей стране и за ее пределами. Сейчас книги литовских советских писателей в переводе на русский язык огромными тиражами издаются в центральных издательствах. Русский язык стал тем мостом, по которому наша литература — и классическая и современная советская — идет к всеобщему читателю, а также в широкий мир.

Приближается 60-летие СССР. Советская Литва трудовыми успехами встречает это историческое событие, эту победу ленинской национальной политики КПСС. В ряду братских советских республик Литва шагает как равная среди равных. В историческом 1940 году великая литовская поэтесса Саломея Нерис писала: «Прозвенит Литва в народов братстве...» Звенит! Звенит в трудовых победах, в ритме пятилеток, звенит в достижениях культуры, искусства, прославляющего советского человека, в книгах, воспевающих сложность и богатство его души. Звенит Летува — Советская Литва!

Эдуардас
МЕЖЕЛАЙТИС

ЧЕМ КРЕПЧЕ КОРНИ

Чем крепче корни,
тем сильнее крона,
Чем крепче ствол,
тем тверже листья,
Пускай и пожелтели,
наземь пали...
Мне любя крепость дуба.

ТАК Я ЖИВУ. ДЫШУ. И МЫСЛЮ ТАК

В часы, когда гроза,
как в наступленье,
Идет к нам, движется
на всех парах,
Я вижу молнию. Одно мгновенье.
Она как ветвь.
Она как путь в горах.
Я вижу молнию. На отдаленье.
Мысль в напряженье —
жилка на виске.
Я вижу молнию. Там, вдалеке.
Ее восторг, ее исчезновенье.
В просторах
накаленной полумглы.
Ловлю мгновенной молнии углы.
Когда бы линией хотел воспеть я
Идущее двадцатое столетье,
Я начертал бы молнии зигзаг.
Так я живу. Дышу. И мыслю так.

СВЕЖЕСТЬ РАССВЕТА

Утро синее плесом лучистым
Плыло тихо в предутреннем сне.
Был, как боль моя, белым,
и чистым,
И горячим черемухи снег.
Было... Здесь ты ходила босая,
Здесь нашли мы весны первоцвет.
Как сияла коса золотая
У девочки пятнадцати лет!
И теперь я тебе благодарен,
Что, босая, тогда ты пришла.
Я черемухой разве состарен?
Разве прясть сединою светла?
Назови это болью, любовью,
Но побудь, ради бога, со мной,
Будь опять для меня голубою,
Ты плесни в меня голубизной.
Ты верни мне черемухи ветви,
Эти белые, чистые дни.
Прямо в душу мне
свежесть рассвета,
Утро синее, щедро плесни!

Юстинас
МАРЦИНКЯВИЧЮС

СОСНЫ ЛЕТАЮЩИЕ

Берег. И сосны.
И ветви, что ветром
повернуты к морю.
И сосны, как люди,
что ждут кораблей
и завидуют чайкам.
Заря. Вдалеке паруса
показались в багрянце.
И радости дрожь
от макушек до пят
по рыжим стволам пробежала.
И чайки проснулись
и с шумом взлетели над мачтами.
И шли паруса к горизонту,
к далекому берегу.
И сосны все ждали,
надеясь, мечтали, досадуя,
что к берегу их,
где они вырастали стремительно,
еще никогда ни один корабль
не причаливал.
И вдруг от земли
оттолкнулась сосна и отчаянно
за чайками вслед полетела
в открытое море, за парусом,
за ней полетели подруги ее,
им в диковину,
что могут лететь, словно птицы.
А те, невзлетевшие,
так и скончались,
полеты познать не успев.

Альфонсас
МАЛДОНИС

РОДИНА- ПЕСНЯ

Осенним полднем
Взлетишь, как птица.
В темную полночь
Тебе не спится.
Руки твои —
Ветвистые ели.
В глазах твоих
Ручьи зазвенели.
Руки тянутся
Ветвям на подмогу.
Глаза не устанут
Глядеть на дорогу.

ОТКРОВЕНИЕ

Все снова и снова
Жизнь видеть в обнове,
И сызнова флову
Застыть, словно капельке крови.
Оглохнуть, ослепнуть,
Сказать себе: пробуй!
Как мраку со светом,
Любви примириться со злобой.
Мигать, как зарница
Над миром, страстями творимым,
Судить и судиться,
Чтоб не был никто подсудимым.

ЛИТОВСКИХ ПОЭТОВ

Эугениус
МАТУЗЯВИЧЮС

ЗЕМЛЯ МОЯ

Свято имя — Земля!
Остается твое постоянство,
Откровенность, суровость,
Сердечность, краса.
Ты меняться вольна ежечасно,
Как зыбко и зябко пространство!
Как к Земле моей тянутся —
В жажде познать — небеса.
Миг, мгновенье! — как вспышка,
Мелькание молний.
О Земля, как богата
Оттенками ты, как пестра!
Вот сейчас ты не та,
Что я видел недавно, запомнил.
Это озеро нынче другое,
Чем было вчера.
Дождь ударил. Еще. И еще.
Через озеро смутно
Побежали валы.
Смутно и тяжело.
Тьма. Деревья присели.
И лодки повисли как будто
В непроглядном пространстве.
Их к небу влекло.
Но у леса уже развевается
Пышная грива
На ветру,
И по веткам, по зелени
Мечется луч.
О Земля!
Переменчива ты,
Ты на редкость игрива.
Синь глядит на тебя,
Избавляющаяся от туч.
Ты иная, другая,
Хотя, может статься,
Повторяешь себя,
Не устанешь себя повторять.
Я, видать, никогда
Не изведу полного счастья —
Беспокойную душу твою
И обнять, и узнать.
Свято имя — Земля!
О, как ты не проста,
Как пространна.
За волною проходит волна —
За мотивом мотив.
Постоянству нас учишь,
Но как же ты непостоянна,
Завтра будешь другою, чем нынче,
Себя повторив.

К МОЛОДЫМ

Напластованье лет, суровых лет,
Оставивших неизгладимый след,
Добром послужит
новым поколениям,
Они идут, они уже пришли.
На смену нам.
И времени веленьем
Стране послужат... Видится: вдали
Они идут, — быть может, нас умнее,
Правдивей, веселей,
счастливей нас.
Они идут. Ликуя. Пламенея.
С надеждой. Нам на смену.
В добрый час.
Какое радостное поколение!
Какое сильное! Но, может, их
Поддержит в жизни
наш старинный стих,
Та песнь, что мы, охрипшие,
певали,
Что создана на марше, на привале.

Янина
ДЕГУТИТЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЛИТВЕ

Пейзаж твой написать?
Но — ты не березняк,
пронизанный лучами,
Не погруженной в сон
весенней вишни цвет,
Не свет небес,
Не свежеспаханный простор
с его грачами,
Не Млечный Путь
с его молчаньем...
Ты не пейзаж.
Нет, нет!
Ты — кровь моя, слеза моя,
отрада,
Тут слез не надо, слов не надо.
Ты лепет родника, его прохлада.
Какая чистая и вечная услада —
Прикосновение твоей
живой струи!
Как рана рваная,
в моей груди цвела ты,
Теперь несу тебя, как мак,
огнем объятый,
И волны ярого пылающего
знамени
Правдиво и свободно бьют
в глаза мне.
Ты не пейзаж.
Нет, нет!
Но ты являешься ко мне
Простором вспаханных борозд,
Сумятицей берез,
И цветом вишни, спящей в тишине,
И светом в окнах нового поселка,
И огоньками тракторов
в ночных полях,
И Млечного Пути пылью колкой,
Струющей беглый свет...
Пейзаж твой написать?
О нет!

Альгимантас
БАЛТАКИС

МОЯ ЛЮБОВЬ СО МНОЮ

Я вижу синь небес —
и небеса со мною.
Пока я слышу лес —
мои леса со мною.
Пока я рву плоды —
мои сады со мною,
Пока здесь рядом ты —
моя любовь со мною.
Ступаю по стерне —
мой хлеб со мною.
Пока огонь в окне —
моя судьба со мною.
Пока живу в тепле —
мои лета со мною.
Пока я на земле —
моя земля со мною.

Виолетта
ПАЛЬЧИНСКАЙТЕ

ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ И ОДИН

Тридцать дней и один день
в придачу — дарю.
Тридцать выюг и одну на удачу —
дарю.
Тридцать мягких сугробов
и этот один,
Обрамленный зеркальными
плитами льдин.
С крыш, с балконов, с небесных
задымленных высей,
С башен — тех, что строитель
стремительно высек,
Снег медлительно падает,
так мелодично,
Так живо, так непривычно-привычно.
Ранним утром подушки лежат
на карнизах
И снежинки дрожат на губах,
на ресницах.
Я брожу, я гляжу: снег, он ярок,
как вызов,
Удивляюсь: такое
лишь может присниться.
Снег. Ах, снег, я о нем
ничего не сказала.
Если в снежных тулупах —
почти монументы.
Старый двор, а посмотришь —
как белая зала,
Переулок — а он коридором
в легенды.

Антанас
ДРИЛИНГА

ГОВОРIT БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

Вы были от века моими детьми.
Так будьте навеки моими детьми!
Мои дети!
Рыбой наполню я ваши сети,
Вы будете сыты.
Я ваши пригоршни
наполню огнем —
Вы украсите себя янтарем,
На дне моем будет
янтарный грот,
Хоромы — никто их не разобьет,
Если сами сумеете вы уберечь

Хрупкую сказку,
Дивную речь.
Моя волна никогда
не будет кровавой,
Прозрачной будет моя волна.
Невесты дождутся своих женихов.
Любовь! — да будет царить она
На веки веков.
Песок моего побережья
да будет чист —
В добрый час! —
Если вы его не загрязните.
Придите ко мне,
если горе придавит вас,
Я отдам вам
в тысячетиях накопленное тепло.
Придите,
Вам будет тепло и светло.
Я знаю, что вас в этом мире
Сопровождают тревоги.
Я знаю, что вам в этом мире,
На вашей житейской дороге
Сопутствуют радость и боль.
Я знаю: слез ваших соль
Напоминает мои соленые брызги.
Но и надежда ваша — я знаю —
Такая же голубая,
Как порою бывает моя волна.
И мечта ваша, словно мачта,
Вскинута в светлую высь.
Паруса мечтаний опять взвились!
Придите ко мне, и я отдам
Синь глубин моих вашим глазам.
И движение струй —
Вашим сердцам.
Будьте прямыми, как эти сосны,
Эти стволы корабельные,
Окунающие свои ветви
В небеса беспредельные.
Будьте твердыми,
Как мореплаватели-великаны,
Прошедшие через все океаны.
Будьте красивыми, как неринги,
Собирающие янтарь.
Будьте добры и внимательны,
Словно рыбацкие матери,
Закутанные в шали
осенних ветров,
В туманы моих вечеров
При свете костров,
При сумеречном свете,
О мои дети!

ЛЕТО

Я люблю медоносное лето,
Золотистую зрелость мою,
Это лето, что дружбой согрето,
Я с особой охотой пою,
И все больше во мне постоянства,
И я чувствую: это по мне —
Непомерная тяжесть пространства,
Что легко я несу на спине.
И все тоньше учусь различать я:
По плечу это? Не по плечу?
Не смогу заключить я в объятья
То, что сердцем принять не хочу.
Мне еще подышать бы ветрами,
Росной свежести
мне б зачерпнуть,
Чтобы с юностью вместе утрами
Отправляться в неведомый путь.
Видно, лето мое на излете,
Хоть лечу на горячем коне,
Но душа уже в новой работе
И грустит о неизвестном дне.
Так и надо. На новом пороге
Я из юности вдаль унесу
И суровую нежность дороги
И вот этого лета красу.

Перевел Лев ОЗЕРОВ.

ЦВЕТ ПРОТАЛИН

Н. БЫКОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Б

ородач сбежал с крутого берега, и белоснежные лебеди разом повернули к нему точеные головы. Лебеди прилетели на Нерис еще поздней осенью да так и остались тут зимовать, хотя и Вильнюс неподалеку и люди каждое утро, каждый вечер переправляются через Нерис в этом месте, кто в город, кто в деревушку за рекой. Лебедей никто, конечно, не тронул, зимой им удивлялись, ими любовались, их фотографировали, их кормила семья липинского лесничего и редкие местные прохожие, и еще более редкие гости — жители столицы, прослышавшие про лебедей. В последние дни большие белоснежные птицы явно повеселели, ободрились, зычно заголосили — однажды в мартовский полдень лопнул истончившийся лед, и на стремнине распахнулась долгая полынья.

Зима миновала. Полыньи открылись и на других реках и даже на озерах. Согрелись стволы лесов. С каждым днем ширились проталины, высвобождая луга, пастбища, веселые озимые поля. Цвет лесов и проталин, он и на Государственном флаге Литовской ССР.

Река уводит все дальше от столицы. Слово островки в море, там и тут поднимаются среди полей старые хутора. Сторонний глаз они до сих пор умиляют, а послушать людей знающих, так сразу и поймешь, что весенняя напористая сила времени никак не считается да и при всем желании не может считаться с островками дедовского быта и бытия. Вдоль прекрасных автострад с убеждающим постоянством возникают новые поселки, всем видом своим протестующие против возможного однообразия.

Над перекрестком дорог — холм, а на холме фигура благословляющей женщины. Мать. Мама Литва встречает и провожает путников.

И вдруг по истечении многокилометровой аллеи открылся поселок, впечатляющий сильнее предыдущих внешне. Это Юкнайчяй, центральная усадьба совхоза имени XXV съезда КПСС. Среди озимых полей — многоцветье оригинальных коттеджей, опушенных декоративными насаждениями. Над зеленью газонов кроны рябин и сосен. Горизонталь поселка — большеоконная школа, универсам и Дом культуры. Единственная вертикаль — водонапорная башня, конструкция которой задекорирована столь неожиданно, что не сразу и поймешь, то ли это башня с часами, то ли корчма, вознесенная на должную высоту...

Совхоз имени XXV съезда КПСС в Литве известен именно как новостройка. Тут поиск нового в сельской планировке и архитектуре увенчался успехом. В Литве ищут терпеливо — хуторам давно предлагается некий достойный эквивалент. Были, разумеется, ошибки, но их меньше, чем удачных вариантов колхозных и совхозных поселков. Лабунава, Эришкяй, а теперь вот и Юкнайчяй — поселки эталонные. Их достойная подражания особенность — каждая семья — в своем доме, да еще каком!.. Есть дома и многоквартирные, но вход у каждой семьи свой. Нет подъездов, нет секций и лестничных клеток, этажей. Не случайно кинолента, посвященная поискам сельских ар-

хитекторов, называется «Лучше, чем в городе». Прекрасный принцип, который обжалованию не подлежит, иначе жить в деревне откажутся...

— И жить и работать! — страстно уточнил директор совхоза имени XXV съезда КПСС Зигмонтас Докшас. — Мы с самого начала процесса сселения и новоселья уничтожили между бытом, жилищными условиями и условиями труда...

Только что вышедшая в Вильнюсе книга «Монологи» цитирует, хранит одно из заключительных высказываний старейшего, славного режиссера из Паневежиса Юозаса Мильниса: «Театр начинается не тогда, когда актер заговорит, а когда Слово начинает действовать»... И далее: «Надо Слово вернуть изначальную суть, силу движения, действия...» Но ведь это же не только о театре; если за словом не последует дело, то останется досадное сотрясение воздуха... Совершенно очевидно, что за каждым словом таких председателей литовских колхозов, как Генрикас Кретавичюс или Альфонсас Гедрайтис, за каждым словом директора Зигмонтаса Докшаса поднималась во весь рост грудa каждодневных дел. И так было не год и не два. Более восемнадцати лет строит с коллективом директор Докшас новый совхозный поселок Юкнайчяй!..

Чтобы избежать цифри, упомяну, что поселок ничей не подарок, здесь умеют работать, не ожидая милостей от природы, а экономика эффективного труда тут всему голова. Так вот, упомяну лишь один показатель совхозной экономики: много лет каждый работающий производит продукции за год не менее чем на десять-одиннадцать тысяч рублей — в два-три больше, чем в среднем по республике.

— Вы думаете, у наших специалистов две головы, а у рабочих вдвое больше рук? — задает чисто риторический вопрос Зигмонтас Докшас. И, разумеется, сам же на него отвечает: — Грубо говоря, у нас ставка на духовное начало. Я давно, лет двадцать, слежу за деревенской прозой, за всеми направлениями дискуссии о судьбах деревни, в частности литовских селян... О чем только не сказано за эти два десятка лет!.. Собрана целая связка волшебных ключей: от оплаты труда до обязательного очага культуры... Каждый ключ — действительно ключ. Но лишь к одной двери, к одной... В Юкнайчяй решили жить лучше, чем в городе — и все. Поверьте мне, земледельцу не следует ежеутренне напоминать, где и что ему делать. А чего он не знает? У нас поселок строили профессионалы, и прежде всего наш совхозный архитектор Эдмунтас Вицюс. Этот человек получил высшее образование, пробовал работать районным архитектором, но энергия и молодая душа требовали оперативного простора.

Из Вильнюса в Юкнайчяй однажды приехал (а путь неблизкий) молодой скульптор Станиславас Кузма. И остался, то есть перебрался из столицы в поселок «завтрашнего дня». Дали жилье, мастерскую, привели — дали полную свободу действий. Присутствие своего художника чувствуешь в совхозе на каждом шагу. Жители тоже наверняка его чувствуют — окружающий мир постепенно менялся на глазах. А что же Кузма? Захирел, опростился на периферии республики?.. Последние работы талантливого скульптора украсили только что реконструированный драмтеатр в Вильнюсе: заказ «сельский» скульптор выполнил в срок и получил высокую оценку.

Святая святых дирекции — зал с круглым в форме бублика столом. Стол действительно круглый — это сказано отнюдь не символически. Директор давно мечтал о таком. И вот теперь то и дело за столом перспективных дискуссий время от времени собираются специалисты и передовики различных отраслей хозяйства. Принцип Докшаса — выслушать каждого. Одно дело, когда такое предлагается с трибуны, другое — одним из тех, кто вместе с тобою за круглым столом. Встречаются здесь не только рационализаторы или мозговой трест совхоза, и не только мелиораторы или животноводы, не только

женсовет, но и совет по ландшафту. Председатель совета Альфонсас Кишкас — человек молодой, опытный, фантазер без отрыва от земли, как его представили. В совете и жена Кишкаса — Рута, она мастер-цветовод. Супруги, живавшие до 1940 года и в Париже, отвечают за весь зеленый мир в границах поселка Юкнайчяй. Все, чему здесь радуется глаз приезжего, — дело мастерства и постоянных, круглогодичных забот совета по ландшафту.

Люди запомнили на всю жизнь трагическую ленту Жалакявичюса «Никто не хотел умирать»... Так вот, новый свой фильм признанный в мире мастер кино снял в совхозном поселке Юкнайчяй. Важно и то, что гордиться выгородок, сколачивать из фанеры фотогеничный поселок кинодекораторам не потребовалось...

— Совесть — фактор производственный! — настаивал на своем директор. — Назовите главную ценность, так сказать, нынешнее мерило ценностей на селе, назовите валюту, которая способна «купить» руки и привязанности современного жителя села. Свободное время! Кроме вполне сносных, нами продуманных условий труда, кроме безарядных звеньев и бригад, мы недвусмысленно гарантируем своему работнику свободное время. У нас каждый знает, что он не «задействован» на труд «от солнца до солнца». Труд на земле сам по себе очень интенсивный, забирающий человека всего, без остатка. Сделал дело — гуляй смело, это и по-русски так. Свободный день, возможность по-своему распорядиться собой и своим временем привлекают к нам в совхоз людей деятельных, людей молодых и разносторонних интересов.

— Мы постарались изжить наемный характер труда в наших взаимоотношениях с исполнителями. И люди сразу и точно почувствовали себя раскованно, и тут уж занялись кто чем!.. Не надо бежать с работы, нет нужды прогуливать, красть дни у совхоза, тайно уезжать в город или на рыбалку. Поймите, что каждая вторая семья имеет свой легковой автомобиль. Молиться на него, что ли? Потребность движения — во времени и пространстве — столь же велика в сельском жителе, как и в горожанине. Гарантия свободного времени мобилизует и отдельных работников и бригаду в целом на труд с полной отдачей.

...Из долгих разговоров я понял, что директор Герой Социалистического Труда Докшас, как и председатели колхозов Кретавичюс и Гедрайтис, вовсе не идеализирует тех, кто остался пахать, уваживая землю, кормить скот, но все трое осознанно и даже с любовью считаются с тем, что современный крестьянин вовсе не придинок к трактору, доильной установке, а человек самых широких потребностей и часто не осущесствленных возможностей. Круглый стол в Юкнайчяй не просто форма, а принцип. Посмотреть друг другу в глаза и понять друг друга, быть может, простить, а то и потребовать. Расстояние между руководителями, специалистами и работниками-исполнителями сокращено до минимума и не превышает радиуса того самого стола советова. А цветы, живописно размещившиеся в самом центре стола, — зеленая проталина весны.

Участники художественной самодеятельности совхоза имени XXV съезда КПСС Дейнора Гудиласкайте и Вилия Поцюте * Музей старого быта * Кандидат в члены Бюро ЦК КП Литвы бригадир строителей Пятрас Шилейкис.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Звучит музыка Чюрлениса * Академик-секретарь отделения химико-технологических и биологических наук Академии наук Литовской ССР Леонардас Кайрюкштис * Совхозный поселок Юкнайчяй * Председатель совхоза «Эришкяй» Альфонсас Гедрайтис * В фойе Дома культуры имени XXV съезда КПСС.

ЧИСТОЕ ДЫХАНИЕ ЛЕСА

Сергей МАРКОВ

...И если замереть, застыть вдруг на лыжне и запрокинуть голову туда, где в солнечных лучах серебряно заиненные ветви, слегка поскрипывают розовато-мраморные, бесконечно долгие стволы, и синева хрустальная струится, услышишь, обязательно услышишь музыку Микалоюса Константиноса Чюрлениса, симфонию «Лес», «аккорды тихие, широкие, как шум наших литовских сосен».

Неповторимый композитор и художник, философ, романтик и фантаст, все в нем — гармония, и если ты впервые в Каунасе и увидел «Прелюд ангела», «Гимн», «Тишину», «Спокойствие», услышал «Море» и «Лес», то в памяти Литва, не та курортная, похожая на многое другое, но настоящая Литва, останется окутанной, пронизанной глубоким, чистым светом творчества Чюрлениса.

Так же, как у каждого русского есть свой Чайковский, у армянина свой Комитас, у каждого литовца свой Чюрленис. И я благодарен лесоведу академику Леонардасу Антановичу Кайрюкшису за то, что он познакомил меня со своим Чюрленисом. Не только в галерее, где мы провели почти целый день, но и на лыжне в заиненном лесу, — зима в Литве выдалась морозной, очень снежной — в сауне, где терпко пахнет пивом и сосновым жаром; дома, в окружении охотничьих трофеев... Потому что, думаю, мало кто так чувствует и понимает Чюрлениса, как человек, который всю жизнь искренне служит природе, лесу, дышит им, слушает и понимает его. С тех пор, как пятилетним возил с братьями на тележке саженьцы из ельника, чтобы посадить их на своем хуторе. С тех пор, как отец, бедный крестьянин, объяснял Леонардасу, почему на все праздники люди приглашают лесничего как самого почетного гостя, за что уважают...

Мы сняли лыжи и присели передохнуть на поваленную лиственницу. Солнце яркое и резкое не по-литовски. Здесь, на полуострове Каунасского моря, и находится Научно-исследовательский институт лесного хозяйства, которым много лет руководит Леонардас Антанович.

— Мне везло в жизни, — говорил Кайрюкшис. — Во время войны на телеге, в стог сена провозил через фашистские посты партизан и не попался. В гимназии приняли, хотя старший брат состоял в комсомоле, был связан с партизанами. Сразу сдал экзамены за три класса. После гимназии поступил на факультет лесных наук Вильнюсского университета, занимался в группе замечательного ученого практика Леонардаса Шарнаса. Совсем маленькая была группа, три человека, но учил нас Шарнас так честно и добросовестно, как мог бы учить разве что своих детей отец.

Главное, что вынес Кайрюкшис из тех уроков, — осмысленное отношение к лесу, как к живому, сложному и могучему организму. Это основа. Позже, в аспирантуре при Институте леса в Москве, под руководством одного из крупнейших наших лесоводов, профессора Владимира Петровича Тимофеева, на той основе зрело изучение внутренних законов жизни леса — его возникновения и формирования, — упорная работа и открытия.

Первый, очень важный вопрос, который он поставил в науке и который самостоятельно решил: как научить леса брать у солнца максимум животворной энергии, не разбрасывая ее? Земля в западных и центральных областях у нас довольно плодородна, но продуктивность елово-лиственного леса невелика. Более ценные породы обычно растут в нижних ярусах, им очень не хватает солнечного света. Так называемые рубки ухода, несплошные рубки главного пользования регулируют густоту, но проблемы не решают; иногда, чтобы увеличить прирост нижнего яруса, полностью удаляют верхний ярус. Большие потери — до восьми кубометров на гектар в год.

Юрас Пожела, вице-президент Академии наук Литовской ССР, возглавляет Институт физики полупроводников, который находится на улице, носящей имя его отца * В Вильнюс пришла весна.

Лесоведение — трудная наука. Эксперименты длятся многие годы, требуют огромных площадей, самых разных условий и вариантов. Требуют терпения. Прежде всего нужно было точно узнать, какое освещение необходимо деревьям той или иной породы, какой простор в лесу. Затем — как увеличить доступ солнечной энергии в нижние ярусы? На основе многочисленных опытов Кайрюкшиса был разработан метод прореживания и системы несплошных рубок лиственно-еловых лесов, это позволило значительно повысить продуктивность ценных пород, чуть ли не вдвое снизить альбедо — число, показывающее, какую часть лучистой энергии отражает, то есть теряет, лес.

...С тем же наслаждением, что шел на лыжах, Леонардас Антанович парился в сауне и нырял с облещенной деревянной ступеньки в черную прорубь. Есть люди, которые умеют все делать с наслаждением, с благодарностью жизни. И общаться с такими людьми — наслаждение. Чувствуешь, что и сам становишься крупнее, дышишь свободней, шире.

— К следующему веку человечеству понадобится древесины в два раза больше, чем сейчас, — говорил он, когда мы вылетели из проруби и растянулись на верхней полке сауны, где самый жар, и до волос на своей голове дотронуться нельзя, и странно, что они не вспыхивают, как сухие листья. — Но лес не только и не столько древесина, лес — это огромные участки земной поверхности, покрытые сплошным слоем живых организмов толщиной в тридцать метров. В лесу собирается основная доля энергии фотосинтеза. Лес стабилизирует, выравнивает природные процессы, регулирует сток воды, снеготаяние, смягчает температурные колебания, очищает воду, воздух, снижает скорость ветра, уменьшает шум... Да что там! — Кайрюкшис так увлекся, что почти кричал, и голос его не находил выхода из маленькой комнатки. — Иногда мне кажется, что дерево есть нечто гораздо более сложное, чем мы думаем...

...На XII Международном ботаническом конгрессе в Ленинграде Кайрюкшис и его ученик и многолетний сотрудник Антанас Ионович Юодвалкис сделали доклад об открытом ими новом природном феномене, возможно, общеприродном законе. Суть его такова: задолго до того, как кроны молодых деревьев соприкасаются (расстояние это назвали границей критического сближения кроны), они как бы чувствуют друг друга, прекращают внутривидовую конкуренцию, и рост их замедляется; но потом, когда растения вступают в содружество сородичей, в так называемый ценоз, кроны и корни их переплетаются, они снова быстро развиваются и растут. Время пребывания растений в стрессе и интенсивность их развития после него зависят от того, какими подошли растения к критической границе — достаточно сильными или еще не окрепшими, не подготовленными к жизни в лесном обществе, по его суровым, но мудрым законам.

Почти четверть века понадобилось, чтобы сделать это открытие. Сейчас оно точно и многократно подтверждено практикой, составлены удобные таблицы для лесничих, по которым сразу можно определить оптимальную густоту первоначального леса: две с половиной — три тысячи деревьев на гектар. А принятые в нашем лесном хозяйстве бесхозяйственные рекомендации — от шести до десяти тысяч елей на гектар!

— ...Недавно я был в гостях у профессора Гневашева в его обсерватории около Кисловодска, — продолжал Кайрюкшис. — Я слушал там музыку Солнца.

— Что-то? — не понял я. — В каком смысле?

— В прямом!.. Спрессованные в двадцать минут, записанные на магнитофон волны, которые шли на Землю в течение года. Звучат они, как арфа в руках безумца, да и самому можно рехнуться, если подольше вслушиваться и воображать все бури, ураганы, снегопады на земле за этот год... Отсутствие гармонии, непредсказуемость — и какая-то гармония своя. И у меня родилась идея, тоже совершенно безумная: сравнить эту музыку с музыкой леса.

— ?

— Да, да! Вы знаете, что такое дендрохронология? Дендроклиматология? По срезу живых и погибших древесных растений, по сочетанию годичных колец, сигнатур, по какому-нибудь пню, найденному в болоте, с точностью до года и меньше можно рассказать о бывших астрофизических явлениях, о климате, который

был много сотен лет назад. По сморгонским дубам создается шкала, отражающая колебания климата в южной Прибалтике за шесть тысяч лет! При современной аналитической технике, расшифровке сложения древесного кольца ЭВМ вы представляете, какие возможности у дендрохронологии! Если известно, что влияло на рост деревьев в прошлом и как, какими ритмами, то можно предсказывать, и очень точно, климат, изменение биосферы на год и на сто и больше лет вперед. Не надо объяснять, насколько это важно лесоводам, сельскому хозяйству. Мы еще очень плохо используем дендрохронологическую информацию. За границей — в Англии, Франции, США, в скандинавских странах — она активно помогает историкам, археологам, этнографам, геологам, палеоботаникам, энтомологам, криминалистам... Одну из главных, если не главную роль, я убежден, этой науке суждено сыграть в охране природы. Как? Например, к началу двадцать первого века на Европейском Севере и в Прибалтике ожидается понижение продукционной способности экосистем и повышение уязвимости главного компонента экосистемы — растительности. Значит, человеку необходимо увеличить массы и устойчивость всех полезных фитоценозов... Ну, а как в музыке выразить, допустим, год жизни дерева, я не знаю. — Кайрюкшис улыбается, в синих его глазах много мальчишеского. — Но уверен, что тоже можно. И сравнить с той солнечной симфонией, а?

...Директор института, председатель комиссии по дендроклиматическим исследованиям Академии наук СССР, председатель республиканского комитета по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера», председатель секции лесного хозяйства западного отделения ВАСХНИЛ, председатель ректорского совета народных университетов защиты природы... Боюсь, что если перечислять все его обязанности, не хватит страницы. А рано утром по понедельникам Кайрюкшис едет из Каунаса в Вильнюс — как академик-секретарь Литовской Академии наук он руководит там четырьмя институтами.

Но это в понедельник. Воскресенье, вечер. Леонардас Антанович, уютный, домашний, сидит в кресле, держа в руках широкую ленту, рассказывает, как торжественно ему вручали этот знак почетного члена охотничьего общества. На стене — карта мира; дочь отметила фломастером города, в которых побывал отец — Лондон, Вена, Буэнос-Айрес, Париж, Мадрид — на международных конгрессах лесоводов. (Кстати, о том, что в Мадриде предстоит делать доклад, Кайрюкшис узнал примерно за год и сам выучил английский язык, а немецким он давно прекрасно владеет.) Духоволка, патронташ, шкуры, небольшие, крепкие рога лося, маленькие, словно кружевные, — козлиные, громадные ажурные рога благородных оленей...

— Не жаль?

— Тем, что слишком много их сейчас в Литве, особенно лосей, оправдываться не хочу. Я охотник, всегда был им и, надеюсь, еще буду. Охотником, но не браконьером. Отведайте-ка зайца, которого я ухлопал.

В другой комнате зазвучала симфония «Лес» — жена Леонардаса Ирэна поставила пластинку.

— ...И не столько сама охота для меня важна, — говорил Кайрюкшис, когда растаяли последние аккорды, — сколько общение с лесом. Ведь с комитетами, со всеми обществами, советами, с другими возможностями не выпадает часто. Я много говорил о лесе. Но ведь главное не кубометры, не энергия фотосинтеза... Ромен Роллан назвал творчество Чюрлениса новым духовным континентом, а самого художника — его Христофором Колумбом. Этот континент, я думаю, есть гений, душа, напитанная солнцем, светом, шумом сосен и чистым, широким дыханием леса.

Кирилл выбрал для них самый просторный и светлый дом. Кроме деда Феоктиста и Глаши, никто в нем не жил. Окна большой комнаты выходили на озеро. Прямо в стекла упираются корявые ветви низкой, с искривленным стволом березы. Из окна виден берег и дедов карбас со стационарным стареньким мотором, у которого вместо румпеля длинная изогнутая железка. Кирилл думал, что только у деда такой румпель, но потом увидел и на других карбасах даже с более мощными моторами подобные железки. Ему объяснили, что самодельным румпелем, согнутым из толстого железного прута, гораздо удобнее управлять посудиною. Прут можно сделать какой угодно длины и управлять лодкой с любого места. Почему-то самодельный румпель напомнил Евгению руль современного мотоцикла. Ребята делают высокие рули и ездят на мотоциклах, будто на скакунах, небрежно держа поводья... Даже восьмилетняя Глаша могла править карбасом. Это она их впервые повезла знакомиться с прилегающим к деревне озером Олень. Удивительно было видеть эту худенькую остроглазую девчонку на скамье, держащуюся тоненькой рукой за изогнутый железный прут. Она умело направляла довольно тяжелый и вместительный челн с высокими бортами и узким задраным носом против волны. И вид у Глаши был такой, будто управлять карбасом — обычное для нее дело. Щуря от солнца васильковые глаза и изгибая тоненькую, чуть заметную белую бровь, она сосредоточенно смотрела вперед. Иногда делала незаметное движение рукой, и карбас послушно изменял движение. Уже потом Кирилл понял, что таким образом она уклонялась от встречающихся на пути топляков, но их вообще не замечал. Иной коварный топляк и не выглядывает из воды, прячется в ней, и только опытный взгляд может заметить его.

Кирилл думал, что они вместе будут жить у деда, но Евгения рассудила по-другому: она поселилась в избе Завьяловых, что через три дома от деда Феоктиста. Молодая женщина сказала, что им жить в одном доме совсем ни к чему: кто они — муж и жена? Или близкие родственники? И что скажут люди? На это Кирилл возразил, что людям все равно, где и как они будут жить. Людям не надо предъявлять паспорта, здесь не гостиница... Эти его слова совсем не понравились Евгении. Она молча взяла свой щегольской чемодан и отправилась к Завьяловым, там жили муж, жена и их младший одиннадцатилетний сын Санька, которого Глаша облюбовала себе в мужья. Старшие дети, их еще было двое, разъехались по стране. Дочь вышла замуж и уехала в Челябинск, у нее уже ребенок, так что Санька стал дядей, а средний сын поступил в строительный техникум и учится в Кировске, вот ждут домой на каникулы...

Евгении выделили свободную комнату, поменьше, чем у Кирилла, но тоже с видом на озеро. Под окном на зеленой лужайке барном развалился гигантский камень-валун, который восхищенная Евгения сразу же зарисовала в альбом. Камень, действительно, был необычный: одним гладким боком он вздымался, как сугроб, второй скрывался под землей. Северная сторона была чистой, а южная, обращенная к озеру, заросла ошметками зеленого мха. Цвет у камня — пепельно-серый с красными и синими прожилками. Можно

было подумать, что из космоса прилетел метеорит в глухую деревушку.

— Какой ты молодец, Кирилл, что вытащил меня из Ленинграда, — проговорила Евгения, не переставая наносить мази на холст. — Ты знаешь, я даже не скучаю по Ольке. Это, наверное, нехорошо? Каждое утро, просыпаясь и видя, что за окном хорошая погода, я радуюсь, как когда-то в детстве, зная, что нынче праздник и мне преподнесут подарок...

— Мне бы кто-нибудь преподнес подарок... — пробурчал Кирилл. Ему было приятно, что Евгения счастлива, но в ее воле было сделать, чтобы и он был счастливым...

— Не порти мне настроения. Скажи лучше, когда мы поплывем на остров Важенка?

— Хоть сейчас, — ответил Кирилл.

— Давай завтра? — предложила она. — Рыбаки говорили, что всю неделю будет хорошая погода.

— Завтра так завтра, — согласился Кирилл. Кирилл устал стоять у нее за спиной и присел на поваленную березу. Здесь, на севере, ветры и штормы бывают столь свирепые, что вырывают деревья с корнями из земли. Плынешь по Оленю, и все берега ошметинились корягами и черными сучьями. Иногда их так много навалено, что и пристать невозможно.

— Мне Глаша сегодня призналась, что если бы у нее не было Саньки, то она в тебя бы влюбилась, — бросив на него веселый взгляд, сказала Евгения.

— Мне Глаша тоже многое чего наговорила...

— Потешная девчонка!

— Например, она заявила, что никак не может взять в толк, приехали, мол, вместе, а живем порознь, — продолжал Кирилл.

— Иногда она высказывает такие мысли, что только диву даешься, — сказала Евгения. — Даже странно слышать подобное от ребенка.

— Глаша — молодчина, — усмехнулся Кирилл.

— И еще она спрашивала, почему я всех в деревне рисую, а тебя нет.

— И что же ты ей ответила?

— Почему-то мне пока не хочется писать твой портрет, — пожала она плечами. — Я тебя еще совсем не знаю...

— А тех, кого пишешь, хорошо знаешь?

— Когда пишу, я их узнаю, — ответила она.

— Мне нравится Глашин портрет, — сказал Кирилл.

Она благодарно взглянула на него.

— Кто мы с тобой, Евгения? — спросил Кирилл, и в голосе его прозвучали тоскливые нотки. Он на самом деле не знал, как себя вести с этой женщиной. С каждым днем он чувствовал к ней все большее влечение, казалось, что они знакомы вечно, но он совсем не знает ее. Не знает, что у нее на уме, что она может сделать в любую минуту? Затоскует по своей Ольке, бросит все и уедет, как уехала из Ленинграда. Уж если она смогла убежать от матери и дочери, то уж от него-то и подавно... Несколько раз, просыпаясь утром, он вдруг отчетливо осознавал, что Евгения уехала и он остался один. Вскрикивал, не умыываясь, мчался к ее дому, заглядывал в окно и с облегчением обнаруживал на тумбочке ее вещи. Завтракали они вместе на веранде, и эти утренние минуты Кирилл бывал счастлив. Он смотрел на нее, иногда ловил взгляд, добрый и внимательный.

Ели они блины, макая их в сметану домашнего приготовления, пили крепкий чай с твердыми, как камень, пряниками, которые Глаша привозила из магазина. Когда кому-нибудь из них никак было не раскусить пряник, они смеялись, им даже нравилось, что пряники такие крепкие.

— Мы с тобой, Кирилл, хорошие знакомые, — не сразу ответила она. — Разве это так уж мало? Я не очень-то легко схожусь с людьми, а с тобой мне легко.

— Мне тоже, — сказал он. — Но так ведь вечно не может продолжаться? Я иногда ловлю себя на мысли, что однажды проснусь, а тебя нет...

— Куда же я денусь, Кирилл? — улыбнулась она.

— Испаришься, как этот туман над озером, — невесело ответил он.

— От своего счастья люди не убегают.

— Счастье — это... — Кирилл обвел взглядом окрестности. — Озеро Олень, небо, твоя работа... Или еще что-нибудь другое?

Он, будто мальчик, признавался в своей любви и путался, стеснялся. Почему-то никак не мог назвать вещи своими именами. От этого ему становилось досадно, неловко и перед ней и перед самим собой. Но, судя по всему, его смущение ей нравилось. Глаза ее еще ярче заблистали, когда она повернулась к нему, забыв про мольберт. На кисти алая крошечная капелька.

— Все вместе, Кирилл, — сказала она.

— Я понимаю, тебя устраивает именно такое счастье, — заметил он.

— Неужели это так важно для тебя, Кирилл? — Она нахмурилась, подбирая слово, потом открыто взглянула ему в глаза. — Забраться в мою постель?

— Не в этом дело, — оторопев, пробормотал он.

— Вам, мужчинам, нужно это для того, чтобы утвердить себя в мысли, что женщина ваша... собственность! Так вот, дорогой друг, если даже это случится, я не стану твоей собственностью. И это ничего не изменит в наших отношениях... А может быть, и наоборот — они станут хуже.

— Отчего же? — вырвалось у него.

— Для меня с детства нет тайны в интимных отношениях мужчины и женщины. Я слишком хорошо изучила анатомию и физиологию.

— По-твоему, врачи не могут любить? Не могут ложиться с мужчиной или женщиной в постель, потому что им каждый день приходится видеть пораженные болезнями тела себе подобных?

— Просто я пока не чувствую, что ты мне необходим как мужчина, — улыбнулась она.

— Значит, ждать и надеяться?

— А что же еще остается тебе делать, Кирилл? — рассмеялась она. — Я ведь предупреждала, что со мной будет трудно.

— До встречи с тобой мне казалось, что я любил двух женщин... — начал было он, но она перебила:

— Фу, какие примитивные слова!

— «Я вас люблю» — это тоже примитивные слова, однако они прекрасны, если это правда. Но дело не в словах... Так вот послушай... Одна меня обманула, и мне показалось, что я навсегда разочаровался в женщинах. Встретил вторую, и снова я стал считать ваш пол самым прекрасным на свете...

— И вторая тебя бросила?

— И ты знаешь, что я понял? Не бывает женщин хороших или плохих. Есть просто женщины, которых мы любим или не любим. Если любим, мы и некрасивую превратим в божество, и наоборот...

— Так что же случилось с той, второй твоей любовью? — спросила она.

— Это была не любовь, — сказал он. — Добровольное заблуждение. Обман самого себя. Причем она даже не старалась помочь мне обманываться, скорее наоборот... Самые опасные женщины — это те, которые никого не любят, даже себя... Они приносят людям истинное несчастье.

— Видишь, после второй любви ты помудрел... — Она без улыбки смотрела на него. Капля на кисти съезжилась и помутнела.

— Я не сказал, что это была любовь. Мне так казалось.

— А сейчас?

— Сейчас мне не кажется, — просто ответил он. — Я люблю тебя, Евгения. И знаю, что без тебя мне будет очень плохо.

— Мне не хотелось бы сделать тебя несчастливой, — вздохнула она. — А одному человеку я уже принесла несчастье. Мы прожили ровно год и шесть месяцев. Он даже ни разу не видел Ольку.

Кирилл ждал, что она расскажет дальше, но Евгения умолкла. Перевела взгляд на холст, ткнула кисть в палитру, но больше не сделала ни одного мазка.

— Кажется, стало теплее, — сказала она и невесело улыбнулась.

Кирилл помог ей сложить мольберт.

Тропинка к деревне была узкой и заросшей травой и чертополохом. Нежаркое северное солнце не высушило росу, и она брызгала на ноги.

— Я ушла от него, — после долгой паузы продолжила свой рассказ Евгения. — Он был болезненно ревнивым и один раз ударил меня. И это было все.

— Он в Ленинграде? — помолчав, спросил Кирилл.

— Я посоветовала ему уехать в другой город, — сказала она. — Как ни странно, он послушался... Я ему сказала, что у меня будет ребенок, но он к нему не имеет никакого отношения...

— Он тоже художник?

— Скульптор. И очень способный. Если не будет пить, то из него выйдет толк. По крайней мере профессора предрекали ему большое будущее.

— Какая ты... — вздохнул Кирилл.

— Какая? — взглянула она на него. — Нетерпимая, да? Тут уж я ничего с собой не могу поделать: не переносу ложь, насилие над собой, хамство. — В ее голосе прозвучал вызов. — И никогда к этому не привыкну.

— Ты так говоришь, будто я думаю иначе, — обиделся он. — Я тоже все это ненавижу.

— В каждом человеке есть и ложь и насилие... — продолжала она. — Только одни умеют от этого избавиться, следить за собой, а другие дают волю низменным инстинктам и считают, что так оно и должно быть.

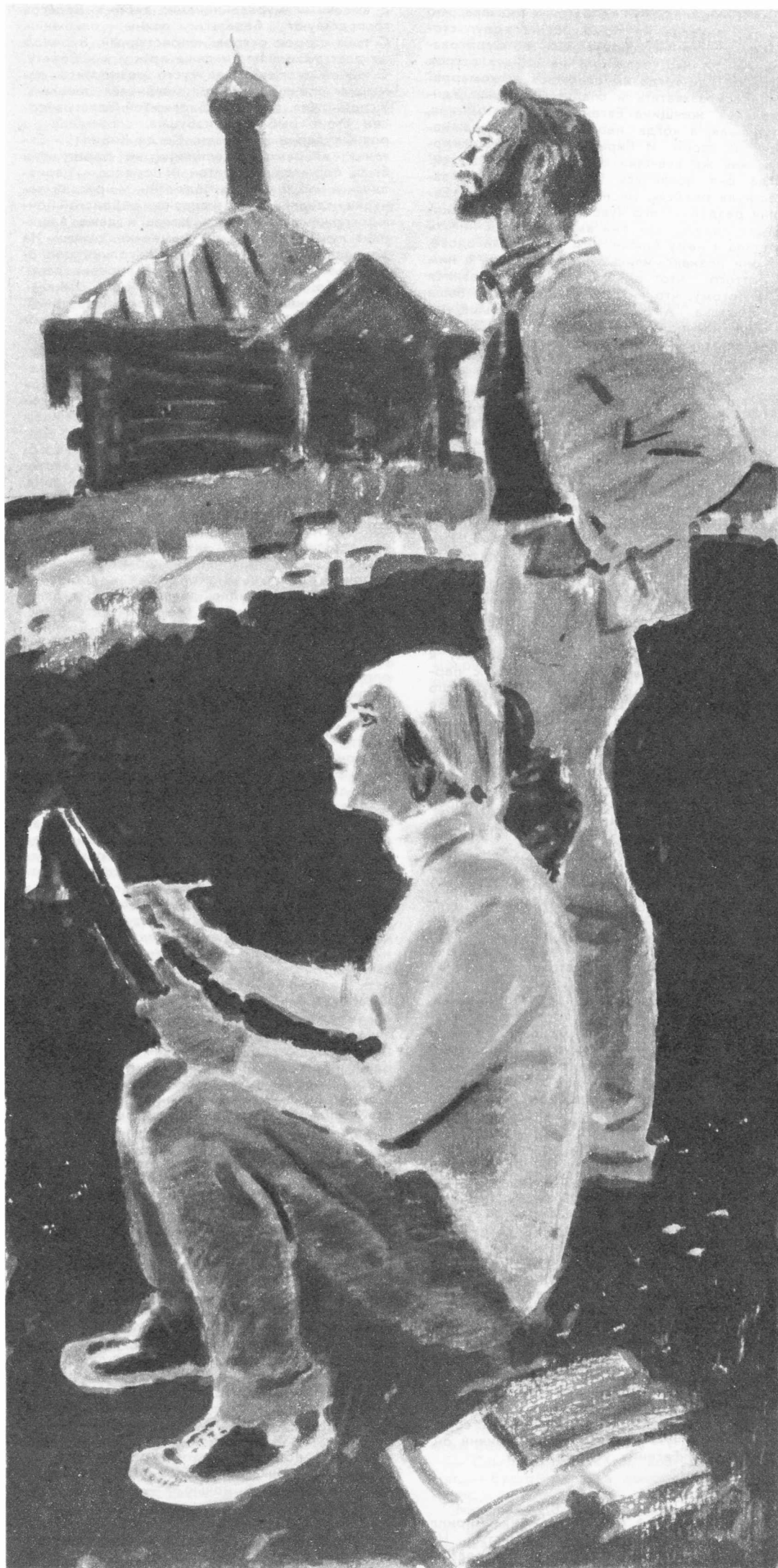
5

Давно скрылась за кормой деревушка. Все дальше отодвигается лесистый берег с Пуповой горой, впереди сплошное синее раздолье. Евгения пристроилась с альбомом на носу карбаса, толстый угольный карандаш летает в ее руке. Волосы собраны в тугий узел, в солнечном свете голова ее кажется глянцевой.

Кирилл сидит на корме и держит в руке изогнутый румпель. Карбас идет ходко, мотор тарахтит без надрыва. Он такой же старый, как дед Феоктист, и такой же неторопливый. На днище карбаса рюкзак с хлебом, консервами, палатка, транзисторный приемник. Магнитофон Кирилл тоже взял с собой, там, на острове Важенка, он поработает с ним. Фотоаппарат болтается на шее.

Хотя Кирилл и поручил Евгении следить за водой, он не очень-то надеется на нее и сам не спускает взгляд с пространства перед карбасом. Но пока еще не встретился ни один топляк. Несколько черных мельтешащих в воде шапочек остались по правому борту в стороне. Дед Феоктист говорил, что плыть нужно так, чтобы солнце все время было справа, тогда и топляков почти не встретишь. Этой озерной дорогой ходят на катере рыбаки.

Кирилл, глядя прямо перед собой, погрузился в раздумья. Когда они собирались в дорогу, а дед Феоктист что-то подкручивал в моторе, заливал горючую смесь в канистру, Кирилл не покидало ощущение, что эта дальняя поездка на остров Важенка что-то круто изменит в их отношениях. Они будут вдвоем на необитаемом острове. Дед сказал, что там еще крепкая сторожка, построенная из плавника лет десять назад рыбаками. Кирилл не

ным хвостом, но было поздно: торжествующий Кирилл уже перевалил ее в лодку.

И тут он вдруг почувствовал, что руки Евгении обвили его шею, а ее губы прижались к его губам. Поцелуй был очень коротким, она тут же отпрянула.

— Первая щука в моей жизни! — торжествующе заявила она. В глазах ее заискрились точки, она улыбалась, гладила скользкий бок замершей в оцепенении щуки.

— И первый поцелуй... — сказал ошарашенный Кирилл.

— Кирилл, отпусти мою щуку? — сказала она, глядя на него сияющими глазами.

Он потянул за жилку, щука будто только этого и ждала: раскрыла пасть и выплюнула небольшого окунишку с ободранной ее зубами зеленой кожей.

— Давай, — сказал он. — Только не сунь ей палец в пасть!

Евгения высвободила щуку из подсачка, совсем близко поднесла ее заостренный нос к своему лицу, будто хотела поцеловать, и потом, низко перегнувшись через борт, осторожно двумя руками опустила щуку в воду.

— Она весила пять килограммов, — уверенно заявила Евгения и взглянула на него.

— Ну да... — улыбнулся Кирилл, хотя был уверен, что щука и двух не потянет, пятикилограммовую на такую жилку вовек не вытащишь.

— Я приеду в Ленинград и всем буду рассказывать, что поймала пятикилограммовую щуку! Если мне не будут верить, я призову тебя в свидетели, ладно? Я ведь знаю, рыбакам и охотникам веры нет...

Когда они снова забросили удочки, Кирилл с улыбкой заметил:

— Молю бога, чтобы он опять послал тебе щуку... Восьмикилограммовую!

Но она вдруг погрузилась и после длительной паузы проговорила:

— Щука распугала всю рыбу...

— Я на нее не в обиде, — заметил Кирилл.

— Ты же знаешь, что она не потянет пять килограммов.

— Разве дело в весе? — пристально посмотрел на нее Кирилл.

— Два-то она килограмма будет? — отвернулась Евгения.

— Два будет, — сказал Кирилл. — Это не так уж мало.

— Теперь я понимаю, почему рыбаки увеличивают.

Клевать перестало, но Кириллу не хотелось трогаться с места. Легкий прохладный ветер мешал комарам подобраться к ним, а там, на острове, их тучи. Пока пристанешь к берегу, потом рыбу почишь, житья не дадут. Лишь костер, который они иногда разжигают на берегу, отпугнет их, и то надо туда побольше сырых веток с листьями набросать, чтобы густой дым клубился.

На холме стоял полуразвалившийся монашеский скит. От деревянной часовенки остался лишь сруб. Скит был маленький, тут жили монахи-отшельники, умерщвлявшие свою плоть. Некоторые жили в землянках, от них остались заросшие бурьяном и чертополохом щели. Сразу за скитом виднеются несколько полусгнивших крестов — могилы монахов. С архитектурной точки зрения скит не представлял никакой ценности. Обычное деревянное строение без всяких украшений и выдумки. Кирилл на всякий случай сделал несколько снимков. А Евгении скит понравился, она несколько раз уходила туда одна и писала этюды. Кирилл посоветовал ей написать картину: обнаженный монах со скорбным лицом стоит на столбе, а вокруг него вьется рой комаров и всякого гнуса. Были в старину такие монахи, их называли столпниками.

— Я согласна, если ты мне будешь позировать, — рассмеялась Евгения.

— Разве я похож на монаха? — отшутился Кирилл. — Правда, пожив здесь с тобой на острове, немудрено и превратиться в схимника...

Когда разговор принимал опасный оборот, Евгения умолкала и делала вид, что увлечена делом, будь то приготовление обеда или зарисовка в альбоме. Вот и сейчас она принялась сматывать жилку на удочку.

— Как там моя Оля? — вздохнула она. — Можно здесь откуда-нибудь позвонить в Ленинград?

— С острова? — пошутил Кирилл.

Евгения укоризненно взглянула на него.

— Сразу видно, что у тебя не было детей...

— Еще будут, — оптимистически заметил он.

— Один ребенок — это мало, — задумчиво произнесла она.

— Конечно, — поддакнул Кирилл. — Нам с тобой нужно еще двоих завести, не меньше!

— Нам?

— И не надо откладывать в долгий ящик, — убежденно продолжал Кирилл.

— Ты циник, Кирилл, — произнесла она с отвращением. — Зачем ты все ополщаешь?

— Да я забыл; детей ведь аисты приносят или они в цветной капусте находят? — усмехнулся он.

— Вроде погода портится? — взглянув на горизонт, сказала она. — А если начнется шторм? Как мы отсюда выберемся? — В ее голосе зазвучали беспокойные нотки.

Карбас закачал на небольшой волне. Небо в том месте, где только что было солнце, потемнело, за клубились синими барашками облака. Большая птица куда-то исчезла. Бескрайняя водная гладь, казалось, дала трещину, и из этой темно-свинцовой трещины во все стороны побежали торопливые, беспокойные волны.

Они сложили удочки, Кирилл размотал веревку, привязанную к толстому серому суку, и сел на весла. Карбас был тяжел и неповоротлив, но стоило ли заводить мотор, если до берега рукой подать.

Когда они причалили напротив избушки, озеро уже разгулялось, волны с нарастающим шумом накатывались на берег, ветер положил на воду невысокий камыш, свистел в деревьях, громко хлопал дверью сторожки. Тягуче застонали на острове старые деревья, затрещал бурелом, прибрежные кусты захлестали ветвями по воде. В лицо ударяли тяжелые капли. И не поймешь, дождь это или ветер срывает шапки с волн и швыряет их на остров? Где-то далеко гроыхнуло, но пока молний не видно. Небо все ниже опускается на озеро.

Удивительно, как быстро накатился шторм. Уже все небо за клубилось рваными облаками с дымчатой подпалиной по краям, трудно определить, в какой стороне солнце, волны с пушечным гулом ударяли в содрогающуюся корму карбаса, выталкивая его еще дальше на берег. Золотистым дождем осыпались береговые сосны и ели, а лиственные деревья подернулись матовой изнанкой, умолкли птицы, между низкими ошестинившимся небом и вздымающейся темной с клочками белоснежной пены водой промелькнула растянущаяся стая чаек и исчезла, возвестив печальным криком начало шторма.

7

Шторм, как на хорошем море, бушевал двое суток. Все это время они не выходили на озеро, лишь когда кончилась рыба, Кирилл с берега побросал спиннинг, но щука не брала, тогда на удочку с трудом он поймал несколько плотвичек и у самого берега поставил несколько жерлиц. На две к вечеру село по щуке. Уха из щуки после окуневой-то показалась им не очень вкусной, зато поджаренную съели с удовольствием. Евгения храбро выбиралась из сторожки и уходила к скиту, но скоро возвращалась, промокшая и окоченевшая. Кисть не держалась в пальцах. Шторм принес с Белого моря холод. Они подумывали о том, что хорошо бы сейчас очутиться в Клевниках, где можно с книжкой растянуться на кровати и слушать в теплой комнате вой ветра и грохот волн. Шума и грохота и здесь хватало, но вот удобств никаких не было. Ветер пронизывал остров насквозь, холодные брызги кололи лицо, бедный карбас стонал от ударов накатывающихся волн, но крепкая пенковая веревка не давала ему спуститься на воду. Печку они топили по два раза в сутки, однако ветер быстро выдувал тепло, и в сумрачной сторожке становилось неуютно. Единственным украшением на стене был невесть какими путями попавший сюда плакат Аэрофлота: прекрасная, как и весь воздушный флот, стюардесса призывает улыбаться, а надписи внизу гласила: «Летайте самолетами Аэрофлота...» Там еще было что-то написано, как раз этот кусок кто-то оторвал, наверное, на растопку печки.

На третьи сутки шторм стал затихать, не-

сколько раз во второй половине дня на минутку проглянуло солнце и снова спряталось за облаками, да и сами облака стали другими: пышными, рельефными, с яркой окаемкой, на них можно было подолгу смотреть — и не надоедало. Облака проплывали над Важенкой, как большие гордые корабли, плывущие по воле шторма без руля и без ветрил. Как на смену шторму пришла спокойная и умиротворенная погода, так и на смену грусти и тоске, охватившим их обоим, пришли счастье и радость...

После обеда, когда высокое синее небо наполовину расчистилось, а волны уже не так свирепо налетали на берег, Евгения попросила его растопить железную печку и принести воды. Кирилл решил, что перед отъездом отсюда она решила вымыть сторожку. Но когда вода в ведре закипела, Евгения выпроводила его наружу и, занавесив окошко своей сорочкой, устроила баню.

Кирилл бесцельно слонялся вокруг сторожки, удивляясь, что за блажь ей в голову пришла: через несколько часов будут в Клевниках, а там в любое время можно русскую баню истопить. Он слышал, как лилась вода, шипела печка, когда на нее попадали брызги, как шлепали по мокрому деревянному полу ее босые ноги.

Потом она приоткрыла дверь, выставила порожнее ведро и крикнула:

— Ты можешь тоже помыться, только принеси с озера еще воды!

Кирилл готов был рассмеяться, но в ее голосе прозвучало нечто такое, что заставило его встрепенуться и, забыв сматое с одного бока цинковое ведро, почти бегом броситься к озеру и зачерпнуть воды...

Она была в той самой кружевной сорочке, которой занавесила окно, щеки разругались, мокрые волосы черными змейками вились по округлой спине, в широко раскрытых глазах кружились по своим орбитам знакомые звездочки и планеты.

— Ты раздевайся, Кирилл, не стесняйся меня, я ведь художница... Насмотрелась в академии на голых мужчин.

— Я ведь не натурщик...

Кроме сорочки, на ней ничего не было. Мокрая сорочка просвечивала, и он видел ее всю. Ему было душно, не хватало воздуха. В пору сейчас не мыться горячей водой, а броситься с берега вниз головой в ледяное озеро...

Она, как ребенку, намылила ему душистым зеленоватым мылом голову, долго лила из кружки тоненькой струйкой горячую воду, а он, млея от блаженства, обеими руками скреб свои мягкие темно-русые волосы, залепившие глаза. Какое-то далекое-далекое воспоминание промелькнуло в голове... Корыто, горячая вода и мягкие руки, касающиеся его тела... Воспоминание далекого, как мечта, детства. Эту мысль надо гнать прочь, руки матери и руки Евгении — это не одно и то же. От материнских рук хотелось увернуться — кто из малышек любит купание в корыте с мочалкой и мылом? — а к мокрым рукам Евгении он прижимался губами, целовал ее пахнущие мылом пальцы... Смешно, а до чего же приятно было ему сидеть у раскаленной печки на полу в луже мыльной воды и отдаваться во власть ее нежных медлительных рук... Сорочка промокла и облепила бедра, ее волосы пахли сосновой хвоей и лилиями. Он носом уткнулся ей в грудь и вдруг и впрямь на какое-то мгновение почувствовал себя беспомощным младенцем, который голоден и с нетерпением ждет, когда его накормят.

— Евгения... — бормотал он, моргая: в глаз попало мыло. — Что ты со мной делаешь?!

— Молчи, — шептала она, проводя ладонью по его широкой смуглой груди, плечам. — Ничего говорить не надо... Какая у тебя кожа гладкая! Тебе, наверное, говорили об этом женщины?

— Какие женщины? — глупо смеялся он. — Есть только ты, Евгения, одна ты! Одна на всем белом свете!..

— Слышишь, как ветер воет? И сосны шумят... — будто издали доносился ее нежный голос.

Это была их ночь. За окном еще ветер трепал деревья, волны набегали на берег, погромыхивал гром, зеленым колдовским светом озаряли далекие молнии маленькую комнату. Кирилл подумал, что сам бог послал ему жен-

щину, к которой он бессознательно всегда стремился, но еще не знал, что это такое. Это та самая половина, которую человек ищет всю свою жизнь и чаще всего не находит.

— Евгения, я с ужасом думаю, а если бы тогда мы с Вадимом не поехали в Парголово? Если бы я не полетел кувырком с горы... Неужели мы никогда бы не встретились?

— Я сначала хотела пройти мимо,— сказала она.— Думала: ты притворяешься...

— Все-таки есть бог на небесах... Это он нас свел на белой горе.

— Ты иногда становишься мальчишкой,— улыбнулась она.— Мне это нравится.

— Я просто поглупел от счастья...

В окошко крадучись заполз голубоватый лунный луч, он высветил пожелтевшую доску обеденного стола, соскользнул на грубую табуретку, на которой заблестел жестяной ковшик. Будто вытканная на ковре тень от сосновой ветки зашевелилась на бревенчатой стене. Тоненько совсем рядом пропел комар. В берег все еще тяжело бухали волны. Низко над избушкой пролетели утки, Кирилл узнал их свистящий, торопливый мах крыльев. Утки и ночью чего-то боялись, потому так и летали суматошно и быстро, будто в любую минуту ожидая выстрела.

Печка еще не остыла — Кирилл несколько раз вставал и подбрасывал поленьев, — и они лежали навзничь на застланных простыней спальных мешках. Глаза ее были устремлены на темный потолок, жаркое тело расслабилось. Сейчас незаметны были искорки в ее мягко и влажно блестящих глазах. Полные губы приоткрылись, дыхание стало чаще.

— Я очень боялась еще раз влюбиться, Кирилл,— сказала она.— Я не современная женщина, у меня средневековые понятия о любви. Он должен быть рыцарем, а она преданной до гробовой доски.

— Мне это подходит,— улыбнулся он.

— В наш век рыцарей не осталось да и преданность уже не достоинство. В мужчинах много духовной глухоты, даже у интеллигентных. Правда, они ловко умеют его прятать за внешним вниманием: пропустить женщину вперед, подать руку, прийти на свидание с цветами... Это еще далеко не рыцарство, скорее элементарная вежливость. А рыцарство — это совсем другое.

— Драться на турнирах за любимую женщину, платонически любить ее, храня на груди перчатку или носовой платок, и в гордом одиночестве странствовать по белу свету, совершая подвиги, как Дон-Кихот, во славу любимой дамы?..

— Я от тебя не потребую так много,— рассмеялась она.— Уважай женщину...

— Женщину?

— Именно женщину, причем не только ту, которую любишь, вообще женщину! Уважай, считайся с ней, чувствуй в женщине человека, такого же мыслящего и свободлюбивого, как и ты сам...

— Я люблю только одну женщину,— прижимая губами к ее плечу, прошептал Кирилл. Он слышал, как заколотилось ее сердце, видел, как во тьме замерцали глаза...

— Я хотела, чтобы эта дивная ночь никогда не кончалась,— проговорила она. Губы ее приоткрылись, блеснула влажная полоска зубов. И снова напомнила она ему дикого зверька. Красивого нежного зверька...

8

Утром выглянуло солнце. Обессиленное после шторма озеро лениво колыбалось от горизонта до горизонта. Сугробы белоснежных облаков громоздились на ослепительно синем небе. Кирилл, столкнув карбас в воду, погрузил на него рюкзаки, потом схватил в охапку Евгению и, шлепая по мелкой воде, посадил ее на нос.

Когда он запустил движок и они отплыли от острова, давшего им не только приют и настоящее счастье, Кирилл заметил, что Евгения, раскрыв альбом и быстро взглядывая на него, наносит туда размашистые штрихи.

— Меня рисуешь?— сложив руки рупором, прокричал он.

Она засмеялась и закивала головой. В ярких глазах так и пляшут искры.

— А что же раньше?

— Я только теперь тебя узнала-а, Кирилл!— так же, сложив руки рупором, прокричала она.

Когда народный артист СССР Петр Петрович Глебов приехал на очередное заседание клуба, он захватил с собою вышедший четверть века назад, в 1957 году, номер «Огонька», где сообщалось о съемках шолоховского фильма «Тихий Дон»...

В искусстве кинематографии созданная С. А. Герасимовым картина стала явлением немеркнущим, событийным. Именно с тех пор зрители полюбили и запомнили многих исполнителей ролей, выразивших впервые так крупно и значительно идеи романа М. А. Шолохова.

Центральную в картине роль Григория Мелехова режиссер с первого же взгляда доверил приехавшему на пробу Глебову. Доверил — и не ошибся. Глебов подтвердил незаурядные возможности, угаданные режиссером. И, помогая артисту в сложнейшем процессе творческого оживления в другую человеческую жизнь, в другую судьбу, С. А. Герасимов сделал Петра Глебова не только Мелеховым; он решительно поддержал актера в главном — в том глубинном направлении работы над образом, которое Глебов получил в юности (и даже еще раньше) от самого К. С. Станиславского.

— Пожалуйста, расскажите об этом подробнее, Петр Петрович.

— Если рассказывать подробно, то начинать, наверное, придется с самых первых встреч с великим Станиславским. А встречи эти случились в ту давнюю пору, когда я и другие мальчишки, мои братья и друзья-сверстники были горячо увлечены самостоятельным театром... Конечно, со стороны это могло казаться всего лишь забавой, способом интересно провести досуг. Но для меня это было нечто большее, — душа горячо откликалась...

Обитали мы тогда в Подмоскowie, в деревне Дарьино. Отец мой, агроном, человек работящий, всеми вокруг уважаемый, жил скромно и просто. Поэтому все деревенские дела я знал хорошо. Многие умел, что потом, кстати говоря, очень мне пригодилось. И как раз для искусства. Многим героям моим пригодилось — не одному лишь Григорию Мелехову... Любил я ходить в ночное, на покос, купал с другими ребятами коней, хорошо ездил верхом, умел пахать землю. А свободное время отдавал ре-

ВСТРЕЧА

петициям и спектаклям, которые летом устраивались на чистом воздухе. И вот однажды, когда мы репетировали, к нам подошел высокий красивый человек... Он нами заинтересовался, мы им тоже. Но, разумеется, мы тогда ничего еще о нем не знали! А Константин Сергеевич стал приходить к нам: он жил поблизости на даче; стал помогать нашему кружку, советовал. Все мы его полюбили, да его и нельзя было не полюбить!.. Понятно, я увлекся театром еще больше. Но когда пришла моя пора всерьез выбирать будущую профессию, я отнесся к себе строго, решил последовать советам отца да и почтить его память.

Я поступил в мелиоративный техникум и даже окончил. Однако встречи со Станиславским все же взяли верх; самое общение с ним душа бережно хранила. И тогда я — в должности мелиоратора! — отправился в один прекрасный день в Москву, чтобы держать экзамен в театр-студию Станиславского.

— Он вас узнал?

— Не знаю... Константин Сергеевич сам принимал экзамены, и мы все — абитуриенты, — как говорится, света божьего перед собою не видели. Знаю я только одно — что был прият... Стал учиться. Окончил школу-студию.

В 1941 году пришел в Театр имени Станиславского. Пришел «служить», — так еще говорили в ту пору старики актеры. Самого Учителя уже не было в живых. И тут — сразу — война!.. Воевал я до самого конца; воевал в артиллерии. Отвоевав, в 1945 году вернулся в театр. Играл много. Но, пожалуй, артистом настоящим, во всем значении весомого слова «артист», стал гораздо позднее. И стал потому, что мне еще раз посчастливилось с наставником... Ведь режиссер, если только он по-настоящему режиссер, — это именно ведущий тебя Наставник, творец актерской судьбы.

Когда меня заметил С. А. Герасимов, — хотя я ведь и не на Григория Мелехова «пробовался», а на эпизодическую роль, — он сразу же принял властно, как скульптор, лепить из меня шолоховский образ. Он сотворял и пересотворял меня заново, шаг за шагом вводя в сложный мир души героя... Но и я не просто слушался режиссера. Я, поддаваясь его воле, уже сам шел навстречу своему будущему Григорию, в самом себе обнаруживал нечто нужное и важное для этой роли, чувствовал себя другим человеком...

— И все соратники, все сотоварищи ваши по фильму «Тихий Дон» испытывали такое же

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГАЙДНА

ВДОХНОВЕНИЕ И ЭНЕРГИЯ

С ПЕТРОМ ГЛЕБОВЫМ

семья; Наталья, Акси́ня, Дарья... Любовь и нелюбовь, встречи и разлуки, схватки белых с красными — все трагические повороты судеб человеческих, поиски каждой души. Все утраты, и все находки...

— Шолохов тогда очень тепло отнесся к картине. А как он оценил вашу работу — образ Григория?

— Сказал, что Мелехов получился! При его требовательности — а она всем известна — это было высокой оценкой... А потом к ней присоединились уже и пресса и зрители. Письма от зрителей я тогда стал получать буквально сотнями. И до сих пор храню их бережно: они мне очень дороги.

— А потом вы сыграли Половцева в шолоховской «Поднятой целине». И сыграли с таким же успехом. Но ведь эта роль — совсем иная, из тех, что принято называть «отрицательными»... Как вы себя в ней чувствовали?

— Играл опять же воодушевленно, если можно о себе так выразиться... Дело в том, что для меня не существует ролей положительных или отрицательных. Мне принципиально важен сам по себе человек, его сущность, его скрытые, внутренние побуждения, которые ведь и рождают поступок, событие...

Настрой человека, его побуждения, а значит, избранные им дороги — все то, что называл Станиславский жизнью человеческого духа, — вот что требуется искусству. Требуется на сцене и на экране. Нельзя сыграть человека. Надо им стать! Надо войти в его образ. Найти в самом себе истинную правду всех его переживаний, волнений... Такими всегда были главные принципы, законы самого высшего нашего искусства. И очень жаль, что сегодня они живут далеко не в полную силу...

Но вернемся к Половцеву. Он противопоставляет героям-гигантам: Давыдову и Нагульнову, коммунистам, поднимающим село к новой, советской жизни. А это значит, что и сам Половцев — фигура серьезная, а вовсе не мелкое и ничтожное существо. Поэтому он был мне очень интересен... Да вот недавно я исполнил в фильме А. Салтыкова «Емельян Пугачев», где заглавного героя, как вы помните, очень сильно показал Евгений Матвеев, роль атамана Федулова. Это один из тех, кто отступил от Емельяна, предал его... Не выдержал мой станичник тех небывалых волнений, испытаний жестоких, которые оказались по плечу лишь Пугачеву...

Матвеев раскрыл тут трагическое одиночество героя как трагедию самого времени, еще не созревшего для крутых перемен... Но ведь и мне следовало показать в Федулове

время, выразить его убедительно, не «плакатно»; короче — понять его как самого себя... И опять скажу: это и только это есть главная задача искусства. Иначе ничего настоящего не получится, только приблизительная схожесть. Хотя, как ни странно, иногда ведь и «схожесть» от иных актеров почему-то не требуется. Наоборот даже случается...

— Расскажите, пожалуйста, Петр Петрович, о своей недавней работе в фильме «Мужики!»

— Кажется, можно понять, почему зрители встретили так сочувственно эту вроде бы не замысловатую картину. Зрители истосковались по доброте и сердечности, по хорошим людям. А в фильме «Мужики!» все события вроде бы очень уж «просты», но сама простота эта содержательна: глубинная, стержневая... Фильм показывает душу человеческую сперва в смятении, в поиске, а потом в радостном, счастливом свершении добра... Речь идет об усыновлении детей-сирот. Мой герой, нынешний колхозник, отец совсем взрослого уже парня, у которого поломалась семья, определяет гуманную, благородную атмосферу всей этой картины, всех ее событий. Отец не просто занимает такую «позицию», не просто «заставляет» сына поступить по-человечески — усыновить «чужих» детей: он сердечно влияет на сына — его отлично играет артист Михайлов. Влияет всем душевным своим состоянием, всем отношением к происходящему... В фильме, по-моему, все вообще роли пронизаны этим светом души, и я думаю, что хорошую картину создала Искра Бабич. Нам очень радостно, светло было жить здесь жизнью героев. Жить очень чистой жизнью, очень русской, народной. И очень советской, сегодняшней.

— Не кажется ли вам, что есть тут — в вашей роли отца — какая-то тончайшая, но нами, зрителями, безошибочно узнаваемая переписка с шолоховским Григорием?.. Особенно вспоминаешь тот момент, когда ваш герой Мелехов в конце концов возвращается домой...

— Думаю, есть!... «Мишатка, сынок!» — слово сама душа произносит эту короткую, последнюю фразу. Ну, а в «Мужиках!» душевная интонация уже ничем не скрыта. Она уже вначале заявлена как прекрасный образец, — как норма жизни, что и делает этот вроде бы совсем скромный фильм таким ясным, одушевленным; помогает людям увидеть себя, самую жизнь в ее истинном свете.

Поэтому-то очень хочется, скажу по правде, больше и чаще участвовать в создании хороших кинолент. Они ведь и нам, актерам, не меньше нужны, чем зрителям.

чувство подъема, такую же силу переживания?

— Безусловно! Мы были не то что увлечены. Мы работали одержимо, часто ощущая потрясение самое настоящее. Поэтому и отдавали себя целиком. Жили в ролях, словно в жизни, — так, что даже окружающие нас люди, донские казаки, радостно нам удивлялись. Но и у них мы учились многому! Учились их особому говору, манерам, поведенью... Окружающая жизнь по-своему дополнительно укрупняла, обогащала и нашу жизнь в фильме, а это было важно: ведь Сергей Аполлинариевич не допускал никакой отсебятины, никаких отступлений от «предлагаемых обстоятельств»; все в картине должно было предстать по-шолоховски настоящим...

Вот так и возникли на экране Григорий, его

Н. ВОСТОКОВА

Весной 1982 года исполняется 250 лет со дня рождения великого композитора Франца Йозефа Гайдна.

Детские его годы прошли в бедной семье каретного мастера. Он рос среди сельской природы, в маленьком домике, среди тружеников австрийско-хорватской деревушки Рорау (Трсени), умеющих между делом повеселиться и помузыцировать, — отец любил петь, аккомпанируя себе на арфе. А потом начались годы нищеты и скитаний; Гайдн, как многих с возрастом теряющих голос юношей, изгнали из капеллы венского собора св. Стефана. Но он не унывал. «Когда я садился, — рассказывал он в старости, — за мой дряхлый клавинорд, то не завидовал королю!»

Достигнув мирового признания, композитор до конца дней сохра-

нил народные черты характера: душевное здоровье, спокойную мудрость, простоту, юмор и доброту. С присущей ему скромностью Гайдн шутил: «Молодые люди могут видеть на моем примере, что из ничего может возникнуть нечто».

В те времена музыкант в доме богача был слугой наравне с поваром, кучером, лакеем. Гайдн в течение тридцати лет служил капельмейстером у влиятельных венгерских князей Эстергази. Распорядок дня целиком зависел от прихоти и настроения вельможи, но композитор имел постоянный кров и, что еще важнее, возможность работать с оркестром, создавать музыку. Он хотел стать — и стал — композитором самобытным, оригинальным.

Последнее двадцатилетие жизни Гайдна ознаменовано признанием его произведений в Европе. В Англии 59-летний музыкант дает концерты, получившие успех триумфальный. Оксфордский университет присудил композитору по-

четное звание доктора музыки; творческая его фантазия получила новый прилив вдохновения и энергии: Гайдн создает двенадцать знаменитых лондонских симфоний, сонаты, квартеты, песни... Королевский двор предложил музыканту навсегда остаться в Англии, но он не захотел расстаться с родной и с 1796 года жил одиноко на окраине Вены в небольшом домике. Здесь, «на покое», старый композитор создал гениальные оратории «Сотворение мира» и «Времена года». Он умер, когда французы, вторично осадив Вену, взяли город; Наполеон, отдавая должное гению, приказал поставить у дома, где жил Гайдн, почетный наград.

Велико и разнообразно творческое наследие Гайдна. Его по праву считают отцом симфонии, квартета, основателем инструментальной классики. Созданное Моцартом и Бетховеном неотрывно от достижений Гайдна. Несмотря на разницу в возрасте (Моцарт был моложе Гайдна на 24 года), их связывала

дружба и единство идеалов. Моцарт считал себя учеником Гайдна, а Гайдн восторгался гением Моцарта.

В России Гайдн известен давно. В «Карманной книге для любителей музыки на 1795 год» сообщалось, что «Гайдн можно полагать в числе самых великих мужей нашего времени. Велик в малом; всегда нов; всегда богат мыслями и бесподобен; всегда величествен, трогателен и забавен». И сам композитор знал, что в России его музыка популярна.

В хранилищах нашей страны имеются автографы, письма, портреты композитора. Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки обладает интересными изображениями музыканта: среди них есть такие, что ждут своего исследователя... Особенно трогательно выглядят строки, написанные дрожащей рукой старого мастера: это фотокопия письма Гайдна драматургу и поэту Августу Коцебу, посланного в феврале 1802 года.

В начале статьи известного советского литературоведа профессора Н. Н. Скатова, напечатанной в предыдущем номере журнала, рассматривалась проблема изучения литературы в школе, причем акцентировалось внимание на общих принципах преподавания словесности и конкретных примерах недостатков в первоначальном освоении русской и советской классики, упущениях современных школьных программ и пособий по литературе, особенно в младших классах. «Вообще только первоначальное освоение классики, русской и советской, способно подготовить малыша, а затем и подростка к освоению классики уже на этапе освоения истории литературы. Но нужно ли вообще преподавать в старших классах историю литературы и если нужно, то как?» — этим вопросом заканчивал автор первую часть статьи.

Н. Н. СКАТОВ,
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой русской литературы
Ленинградского государственного
педагогического института
имени А. И. Герцена.

В процессе проводившихся в последнее время дискуссий раздавались голоса за отмену историко-литературного принципа преподавания в пользу того, что можно было бы называть литературным чтением уже на всех уровнях. Не историко-литературное изучение («скудное», «затрудненное», «раскладывающееся по полочкам» и т. п.), а акт эстетического переживания — таким представлялся в идеале школьный урок ревнителя отмены исторического изучения литературы.

Но нельзя забывать о том, что литература — это учебный предмет. «Уроки литературы», — говорил на первом Всесоюзном съезде учителей А. Т. Твардовский, — это не часы развлечений и отдыха. Поскольку литература становится предметом изучения в школе, она становится предметом науки, а наука, как известно, требует и необходимого усилия, и известного принуждения, и, главное, — известного плана и системы.

Думается, что само противопоставление историко-литературного изучения эстетическому освоению ложно в принципе. Почему исто-

час — три! В этом смысле литература тоже нуждается в спасении. А проблема перегрузки не снимается, может быть, даже обостряется; хотя, возможно, она обостряется и за счет сокращения школьных учебных часов тоже. И, может быть, обеднение программ и учебников уже не улучшает, а ухудшает положение. Ведь все недоработанное, не разъясненное в классе ложится тяжким дополнительным домашним грузом. И вряд ли выход может быть найден на путях дальнейшего сокращения материала. По литературе XVIII века сокращение произошло уже не на какие-то проценты, а в несколько раз. Если следовать подобной логике, то дальше уже нужно приниматься за Пушкина, за Горького, за Шолохова. Неужели нужно?

Правда, школьники все-таки довольно много и разнообразно читают. Хотя, как свидетельствуют учителя, тип книголюб-подростка, у которого преподаватель во время урока извлекает из-под парты отнюдь не предусмотренную уроком книгу (еще не так давно одно из характерных нарушений школьной дисциплины), почти пропал. Но, по результатам обследований и итоговой статистике, учащиеся все-таки остаются самой читающей категорией людей в нашей очень читающей стране. И больших жалоб на перегрузку здесь не следует, и время находится. Не находят его только на проходимый в школе материал, потому что неприятие, или равнодушие, или пусть даже интерес, но сравнительно ослабленный, к тому, что изучают в школе из Пушкина или Горького, явно рождает ослабление интереса вообще к Пушкину или Горькому, которое сохраняется на долгие годы и у многих так до конца и не преодолевается.

казусы и потрясения) не имеет. Книга, прочитанная человеком в 14 лет, и она же, прочитанная в 16, — две разные книги, и по сути, прочитанные двумя разными людьми. Возможно — но дело это, конечно, нуждается в тщательной экспериментальной проверке, — нужно не понизить возрастной ценз систематического изучения истории литературы, а повысить, то есть начинать с девятого класса и соответствующих ему курсов специальных средних учебных заведений. Нужно, кстати, учесть и еще одно обстоятельство. При всеобщем среднем образовании и разнообразии его форм (особенно имея в виду возрастающую роль профессионально-технических училищ) восьмой класс все более предстает как некая самостоятельная цельная единица, завершающая определенный цикл. Это и внешне выступает для молодого человека как новая ступень: во многих случаях смена учебного заведения — соответственно новый преподаватель, вообще какой-то иной, более взрослый этап, уже чаще всего на началах своего собственного выбора и самоопределения.

Естественно и при изучении литературы и языка придавать ему определенную законченность. Другое дело, что во всех предшествующих классах должны нарастать элементы историко-литературного изучения, появляться своеобразные историко-литературные блоки, что, впрочем, намечено достаточно отчетливо начиная с 4-го класса уже и сейчас.

Общее изучение литературы обычно предполагает не только историко-литературное, но и теоретическое осмысление. По сути, одно без другого невозможно. Можно ли представить себе физику, остающуюся на уровне эмпирического описания явлений и проведения лабораторных опытов? Что это будет за химия, не раскрывающая общих законов строения вещества? Литературное изучение в школе сейчас в большой мере, по существу, обходится без осмысления таких общих законов. Понятия о тех или иных общих свойствах литературы, будь то определение стиха, или характеристика литературного направления, или представление о литературных родах, разбросаны по разным годам, то есть классам, разнесены по разным историко-литературным темам: по-

УРОКИ СЛОВЕСНОСТИ

рическое изучение «Онегина» противоположно эстетическому? Кто, не сумевший дать интересного урока по истории литературы, вдруг превратит литературный урок в художественную радость? История литературы, по сути, не только не противостоит эстетическому наслаждению ее богатствами, но есть одна из главных предпосылок такого наслаждения. Только после освоения Пушкина может раскрыться художественный мир Гоголя. Только Гоголь дает возможность многое понять в Некрасове, Некрасов — в Твардовском и т. п. Отмена изучения нашей литературы в историческом ее развитии нанесла бы такой ущерб всему нашему культурному движению, последствия которого даже трудно предвидеть.

Но вот как изучается наша история литературы в школе? Об этом, очевидно, и следует прежде всего подумать. Как сказано, систематически история литературы начинается изучаться в 8-м классе. Это, с одной стороны, — «Слово о полку Игореве», Ломоносов, Радищев... С другой стороны — 15—14-ти и даже 14—13-летние восьмиклассники. Трудно и не так уж интересно. К тому же количество часов на русскую литературу до XVIII века включительно в школе предельно и уже даже сверхпредельно сокращено. Если еще в 1947 году таких уроков в 8-м классе было шесть, то сей-

Но вернусь к нашим историкам литературы 8-го класса. Здесь к лету едва успевают покончить с Гоголем, а впереди, в 9-м классе, все еще большая, вернее большая, часть девятнадцатого века с Тургеневым, Достоевским, Толстым и Чеховым. В 10-м — весь двадцатый век (Горький, Блок), советская литература. А в 9-м на уроки литературы отведено уже только четыре часа (вместо пяти в том же 1947-м), а в 10-м и всего три (вместо пяти). Что делать?

Предпринимается попытка найти выход в понижении, так сказать, возрастного ценза. Есть проект, по которому этот порог начала систематического изучения истории литературы ставится в 7-м классе. Опять-таки, с одной стороны, «Слово...», Ломоносов, с другой — уже не 15—14 лет, а 13, даже 12... И здесь же «Онегин», «Мертвые души». Похоже на то, что при общем внешнем увеличении часов на изучение собственно истории литературы, которое в этом случае произойдет, все недостатки, имеющие место в нынешнем положении, выступают еще сильнее.

Дело в том, что некоторые возрастные особенности (психологические и физиологические), может быть, ни на каком этапе не заявляют себя с такой силой, как на этом этапе. Прочитает ли человек ту или иную книгу в 40 лет или в 41 год, принципиального значения (я исключаю индивидуальные

нятие о народности — к Некрасову, о двусложных размерах — к Лермонтову, о трагедии — к Шекспиру. Все это без намека на какую бы то ни было систему, соотносительность их между собой и приложимость к литературному процессу в целом. Невольно получается, что народность имеет отношение только к Некрасову, двусложные размеры — к Лермонтову и т. д. Декларируемая необходимость возвращения ко всем этим теоретическим понятиям, по сути, так и остается декларацией, ибо все эти понятия нигде, никогда, никак не собираются вместе, не фокусируются, то есть не освещают изучаемой литературы и не подкрепляют этого изучения. Соответственно у нас давно уже нет никакого школьного пособия по теории литературы. А ведь раньше и дореволюционная школа и советская имели такие пособия, где суммировались общие представления о том, что такое литература, какие есть литературные роды, что такое литературное направление, какие есть типы русского стиха и т. д.

Такой учебник необходим, и, может быть, в восьмом-то классе, как завершающем, и следовало бы выделить некоторое, пусть ограниченное, количество часов, которое позволило бы учителю с опорой на пособие по теории литературы (естественно, элементарное, но, главное, учитывающее весь литературный опыт школьника) собрать воедино и предста-

Окончание. См. «Огонек» № 14.

В. Ерофеев. ЛЕТО. 1981.

В. Боровик, СТИХИ ОБ ОСЕНИ. 1981.

вить последовательно теоретические сведения о литературе. Сам литературный материал, освоенный учащимися, приобрел бы определенную стройность и систематичность. Он был бы увенчан восьмилетнего чтения и некоторой базой для того, чтобы вести курс уже собственно систематического изучения истории русской и советской литературы в 9—10-х классах.

Сразу возникает вопрос: как? То, что учащиеся не успевают пройти за три года, они должны успеть пройти за два? Да! Нужно учесть, что, во-первых, мы будем иметь дело совсем с другим возрастом. Известно, сколь велика разница между восьмиклассниками и девятиклассниками, и уж, во всяком случае, она больше, чем между девятиклассниками и десятиклассниками. Довольно резкое повзросление начинается именно с девятого класса. И с соответствующих ему курсов средних учебных заведений, где оно, естественно, еще и дополнительно стимулируется.

Во-вторых, любые усилия по восстановлению роли литературы в школе будут тщетны без восстановления некоторого количества часов на ее преподавание. Может быть, ни один предмет в школе не потерпел такого катастрофического ущерба. Сокращение времени на ее изучение хотя бы в том же восьмом классе в два раза (!) привело к тому, что изумительная по богатству русская литература, созданная за семьсот лет существования (XI—XVII века), включая «Слово о полку Игореве», осваивается за три урока. Представим себе отечественную семисотлетнюю историю, поставленную в такие же условия для изучения... Так что невольно начинаешь думать о стараниях некоторых западных идеологов выставить древнюю Россию бессловесной страной только топора и иконы. А с другой стороны, тоже уже почти в два раза сокращенное изучение в 10-м классе литературы современной, советской. Общие потери от незнания литературы, от непроникновения в нее, от неощущения ее, может быть, не столь непосредственно наглядны, не так немедленно выявляемы, как в случае с математикой или физикой, но, кажется, еще более страшны, а главное, долговременны. Когда на последнем съезде писателей Федор Абрамов ссылался на читательские письма о литературе в школе, то это уже выглядело не как беспокойство, а как крик: «Помогите спасти (!) литературу». И за этим ясно стоит уже не просто забота об одном из школьных предметов. За этим и неприятие того прагматизма, которому так пре дается часть, и не такая уж малая, молодежи. За этим и ощущение того «дефицита человечности», о котором сейчас так много и взволнованно говорят на страницах нашей прессы. Я далека от утверждения, что лишние два-три недельных «литературных» часа решат эти проблемы. Связь литературы, и школьной тоже, с жизнью неоднозначна. Но она есть. Ф. Моргун, первый секретарь Полтавского обкома КП Украины, однажды написал: «В свое время произошла какая-то недооценка сельского жителя. Только общими усилиями мы сможем восстановить в глазах молодежи престиж сельской жизни, престиж сельского труда, престиж сельского труженика...» Я далека от утверждения, что чтение кольцовского «Урожая», «Косаря» и «Песни пахаря» решит проблему. Но связь здесь, и опять-таки довольно прямая, есть. Да, кстати, и не только непосредственно социальная. Наука указывает, что уходящее от природоведения времен Линнея человечество должно в полной мере ощутить и осознать глобальный характер своих отношений с природой. И потому самой современной стороной обращивается «старая» поэзия того же Кольцова, на которой воспитывались целые поколения русских людей и которую ныне в школе так решительно и так тотально списали.

Итак, повторю: для того, чтобы иметь возможность хорошо преподавать литературу, сначала нужно получить возможность хотя бы просто ее преподавать.

В-третьих, наконец, необходима некоторая перестройка самого школьного историко-литературного курса. Мы не выберем из заколдованного круга до тех пор, пока будем ограничивать наши усилия по оживлению школьного литературного образования «реформами», сводящимися к тому, чтобы где-то

добавить или, наоборот, убавить лишний час, ввести или убрать тему «Герцен»,— в данном случае — убрать... В связи с Герценом, кстати сказать, еще в 1920 году А. В. Луначарский говорил: «...Герцен спал, как великое забытое озеро, посещаемое от времени до времени туристами. А теперь вокруг него закипит жизнь, он будет втянут в эту жизнь, как органическая ее часть. Наши дети с 10—12 лет уже будут читать избранные страницы Герцена. Душа каждого из нас будет некоторыми гранями шлифоваться об алмазно-многогранную душу Александра Ивановича Герцена». Ныне, однако, не будут наши дети читать Герцена, во всяком случае, в школе, ни с 10—12, ни с 15—16 лет. По новым программам Герцен из школы убран уже полностью.

В целом же, если присмотреться к тому, как изучается история литературы сейчас, то прежде всего выяснится, что, по сути, изучается не история литературы, а сравнительно небольшая группа произведений, конечно, в определенной хронологической последовательности, именно несколько произведений, а даже не творчество писателя. Речь идет о так называемом текстуальном изучении. Я отнюдь не против, конечно, необходимости такого изучения произведений, но на него и только на него ориентирована, например, вся программа девятого класса, которая, ну хотя бы применительно к Льву Толстому, выглядит так: «Л. Н. Толстой. «Война и мир» (22 часа). Вот это вынесение произведения в определенные темы и означает акцент на его отдельное текстуальное изучение, собственно, предписание такого изучения. Конечно, в программе намечен весь путь Толстого-писателя, но в реальной практике школы и не только применительно к Толстому все поставлено с ног на голову. Не «Война и мир» в рамках темы «Л. Н. Толстой», а Толстой в рамках темы «Война и мир». Иной раз чуть не 20 из 22 часов посвящается изучению этого произведения. Вот и начинается то самое разжевывание, раскладывание по полочкам, с которым почти неизменно связывается представление о школьном преподавании литературы. Прямо скажем, для углубленного специального изучения грандиозной «Войны и мира» и двадцати часов мало, так же, как и сорока, так же, как и шестидесяти. (Кстати, на специальных филологических (!) факультетах педагогических (!) институтов этой теме от силы уделяется четыре часа.) Но зато от учеников в большой мере уходит общее представление о том, что же такое Лев Толстой, что он писал, что делал, как жил, чем маялся. И в результате значение самих ленинских работ о Толстом, изучение которых предусмотрено программой, а именно статей «Лев Толстой как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», существенно ослабляется, ибо они как раз рассматривают Толстого в целом, как эпохальное явление.

Почти полмесяца читают и разбирают «Отцов и детей» в 9-м классе. Почти три недели читают и разбирают «Капитанскую дочку», чтобы уже больше ни слова не сказать о Пушкине, в 7-м классе; ощущение перегрузки не возникает ли здесь же от самой недогрузки?..

Почти весь Гоголь в 8-м классе чаще всего сводится к «Мертвым душам» — 12 часов. В результате никакого мало-мальски цельного представления о Гоголе школьники не получают. «Мертвые души» выступают здесь не только вне контекста русской литературы, но и вне контекста творчества самого писателя. Вообще для них пропадают личности писателей, которые, особенно для русской литературы, чрезвычайно значимы, ибо для русского писателя литература почти никогда не выступала как только литература — искусство, но почти всегда как литература — общественное служение. Вместо этого перед учениками в лучшем случае предстают скупые, на уровне анкетных, биографические данные — снижается столь важный для молодежи образ писательской судьбы, социальной и творческой, идея пути, дороги.

А в конечном счете в результате вроде бы дотошного изучения отдельного произведения не только не вызывается интерес к творчеству писателя в целом, но душит интерес и к каждому такому отдельному произведению.

Следует сказать, что общие процессы развития литературы, ее движение в целом, тем более в связи с общим движением истории, в соотносении с развитием других видов искусства, по сути, не рассматриваются. Если в программах и учебниках не столь уж давних лет им уделялось достаточно место, то сейчас они выпали почти вовсе. Нельзя же считать, что хоть какую-то возможность изучения и даже простого общего осведомления открывают в девятом классе 4 часа «Введения» (это из общих 136 «литературных» часов), предусмотренного программой. Да и здесь названы Михайлов, Минаев, Курочкин (в связи с «Искрой»), но не названы ни Глеб Успенский, ни Лесков. Хорошо, что в программе по русской литературе есть указание на А. Церетели и К. Хетагурова — это так отвечает принципам интернационализма и братству народов как основным началам нашей жизни. Но трудно понять, почему в программе по русской литературе уже даже не упомянут Гончаров.

Собственно, программа так и формулирует распределение часов в том же 9-м классе: «на изучение произведений — 107 часов». Конечно, вроде бы странно противопоставлять «произведение» истории литературы. Из чего же она и складывается? Но тем не менее история литературы к произведениям, да еще к очень малому их числу, не сводится. Это сложный комплекс явлений (произведений, судеб, эволюций) в их обусловленности общественной жизнью. Не забудем и о том, что школьная литература должна как можно более открывать и наводить, имея в виду будущие читательские судьбы своих питомцев. Если обращение к той же химии для будущих нехимиков (то же для нефизиков, небюрократов и т. п.) совершается в рамках политехнической школы и в ней же завершается, то все — и химии, и физики, и биологи — на всю жизнь должны остаться читателями Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Маяковского, Шолохова или стать такими читателями. Наметьте перспективы путей будущих чтений, и новых и связанных с возвращением к старому, — одна из первых задач школы.

Возможно, и интерес-то учащихся к истории литературы ослаблен потому, что они имеют дело не с историей литературы, а с тем, что такой историей только называется, но, по существу, не является. Добавим к этому и отсутствие какой бы то ни было соотносительности в изучении истории литературы и собственно истории. Но, может быть, действительно боязнь перегрузок вызывает к предельной сдержанности?

В годовой программе 9-го класса по русской литературе названы вместе с обзорной темой только 14 наших литераторов (это включая Курочкина, Михайлова, Минаева, Шевченко, К. Хетагурова, А. Церетели, хотя исключая, как я уже отметил, Гончарова, Тютчева, Гл. Успенского, Писарева, Короленко и т. д.). Правда, учебник в известной мере делает попытку преодолеть эту односторонность. Проходит несколько месяцев. Наступает десятый класс. И вдруг та же программа и вслед за нею учебник обрушивают на головы учеников и учителей подлинный каскад из десятков и десятков имен и наименований, даже перечислить которые, не говоря об усвоении, просто нет никакой возможности. В среднем по этой линии происходит увеличение приблизительно в десять раз. Таким образом, проблема ликвидации перегрузок совсем не сводится к механическому сокращению часов. А в данном случае перегрузки возникают просто космические. Впрочем, возникают ли? Не на бумаге ли? Если в первом случае интерес, возможно, подавлялся за счет существенного обеднения, то во втором — за счет чрезмерной пестроты и перенаселенности, во многом чисто списочной. Жаль, что многократно осужденный и дискредитированный принцип газетно-журнальных так называемых «обойм» перекочевал в школьные программы. Впрочем, при всей пестроте картины о полноте ее говорить трудно. Среди более чем полтора десятка имен мы не найдем, например, Андрея Платонова. А уже даже только со стороны отнюдь не декларативной идеи совсем не стерильного труда этот писатель давно должен был бы

привлечь внимание школы: столь труд у Платонова органичен, в такой плоти живет у него самая высота этой идеи.

Таким образом, школьной истории русской и советской литературы как раз и не хватает именно историзма в обширном смысле этого слова. В реальной же практике, к тому же подчиненной достаточно узкому набору тем выпускных и, так сказать, впускных (в вуз) сочинений, она тем более предстает как собрание фрагментов — произведений, изучение которых, в свою очередь, часто выступает как дробный пересказ-анализ, достаточно упрощенный. Вообще если, как о том можно судить по материалам журнала «Коммунист», посвященным преподаванию математики в школе, — преподаванию математики грозит усложненность, терминологическая отягощенность и т. п., то преподавание литературы отмечено как раз известной примитивизацией, эмпиричностью, облегченностью. И дело здесь уже, конечно, не просто в недостатках программы, что было бы сравнительно легко исправить, а, как я сказал, в сумме достаточно многообразных причин.

С другой стороны, если изучению истории литературы не хватает историзма, то в то же время, а отчасти и потому же ему не хватает современности. Классика потому и классика, что она сохраняет вечное живое значение. Уметь найти и выявить это значение, показать проступающий сквозь преходящие исторические формы непреходящий смысл классических образов — одна из важнейших задач школьного изучения классики. Мы давно знаем и учим учеников, что в комедии Грибоедова обличена Москва — «старая», «барская», «фамусовская». Но в этом ли только смысл грибоевской комедии? Луначарский в свое время говорил: «Грибоедов бьет сквозь чиновника николаевского (точнее, если иметь в виду время создания комедии, александровского. — Н. С.) в чиновника вообще». Нет ни малейшей необходимости прибегать к каким бы то ни было искусственным модернизациям и внешним оживлениям классики, до которых так охоча подчас современная сцена, но комедия Грибоедова должна стать полем современного боя за умы и сердца людей. А актуальный смысл комедии иногда выступает очень остро. Наверное, всегда были люди, втихомолку (по-молчалински) сочувствовавшие Молчалину. Но ученики, публично защищающие Молчалина, как об этом однажды рассказал на страницах «Учительской газеты» преподаватель литературы, — нечто новое в активности молчалинства: молчалинство уже отнюдь не молчащее.

Нужно ли говорить о том непосредственном социальном значении, которое приобретали «Мертвые души» в истории России? Несомненно. И все же сейчас для нас этот смысл более исторический. Тем не менее все школьное изучение проходит под знаком «критики» характеров поэмы как собственно социальных явлений. Во всякого рода учебных пособиях, методических разработках, просветительских комментариях и т. п. соответствующий раздел обычно так и назван — «Помещики». Таким образом, речь о них идет лишь как о социальных, исторических типах, живших полтора столетия назад. И отживших. Мы-де здесь ни при чем — вот пафос нашего осмысления «Мертвых душ». Гоголь не случайно избрал в качестве своих героев помещиков. «Чем знатнее, — по его собственным словам, — чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина!» Но поражающие его героев пороки отнюдь не помещичьи только. «Не все ли мы, — прекрасно понял эту сторону дела Герцен, — после юности, так или иначе, ведем одну из жизней гоголевских героев? Один остается при маниловской тупой мечтательности, другой буйствует à la Nodreff, третий Плюшкин и пр.». «Действительно, — писал Белинский, — каждый из нас, какой бы он ни был хороший человек, если вникнет в себя с тем беспристрастием, с каким вникает в других, — то непременно найдет в себе, в большей или меньшей степени, многие из элементов многих героев Гоголя... Многие ли из нас положили руку на сердце и могут сказать, что им не случилось быть Хлестаковыми, кому целые года своей жизни (особенно молодости), кому хоть один день, один вечер, одну минуту?»

Один из современных смыслов гоголевской поэмы в обращении к тем же школьникам должен быть и таким: вы станете маниловыми, ноздревыми, плюшкинами, во всяком случае, можете стать, если... И правда, опасности стать помещиками для них, естественно, нет, но опасность превратиться в собакевичей или коробочек вполне сохраняется. Гоголевское слово: «Все чего-то ищет, ищет уже не вне, а внутри себя» — получает особый и новый смысл. Только тогда становится понятным и получает насущное оправдание призыв: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымите потом!»

А какая наша литература великая опора в современной борьбе с буржуазностью, особенно та, что знала Запад не со стороны: Герцен, Тютчев, Достоевский. Тот же Гоголь. Пошлость его знаменитого героя, его ординарность, его полностью вытеснившая человеческое благородство бесчеловечная благонамеренность, культ денег и даже не для того, чтобы возвыситься над всеми, а скорее для того, чтобы быть не хуже всех, как все, — это действительно буржуазное отношение к миру, хотя и характерное не только для буржуа. Потому и влечет чичиковых к буржуазному Западу, или, точнее, к буржуазности Запада: «Вот бы куда перебраться: и граница близко, и просвещенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!»

Наконец, в классической литературе, может быть, следует привлекать именно тот материал, который особенно необходим сегодня. Бесспорно, как показывает просветительская статистика, ослабление интереса к поэзии Некрасова в молодежной, особенно школьной аудитории, думается, связано не только с тем, как она изучается, но и с тем, что в ней изучается. Ведь обличение помещика, чиновника, вельможи сейчас при всей важности имеет значение скорее историческое. Но в соответствии с ним строятся программы, и ему, по сути, подчиняется весь ход изучения. А острота граждански нравственной личной (а не отвлеченных «поэта и гражданина» прошлого века) ответственности — где она? Действительно ли современность диктует необходимость поурочно рассматривать «Кому на Руси жить хорошо», но оставлять в стороне некрасовский образ матери и, шире, идею матери, решусь даже сказать, ее культ? Почему-то с давних пор самое трагическое, сложное и великое создание Некрасова «Мороз, Красный нос» изучается опять-таки фрагментом в младших классах и невольно становится чем-то вроде сказки о Морозке.

Указывая на сложное положение, в котором находится ныне дело преподавания литературы в школе, я, конечно, прекрасно представляю и его многие и бесспорные достоинства. Собственно, само выявление недостатков обретает подлинный смысл лишь при возможности опереться на позитивный опыт. И такой опыт есть. Прежде всего это опыт лучшей части нашего учительства. Но здесь нужно поспешить, ибо не секрет, что главный носитель этого опыта вследствие общих не слишком благоприятных условий, в которые поставлена литература в школе, постепенно исчезает, — уже сейчас такой тип словесника старших классов становится очень дефицитен.

С другой стороны, это опыт нашей литературоведческой науки, как в ее теоретической оснащенности, так и в исторических изучениях находящейся на достаточно высоком уровне. Не случайно наиболее удачны как раз те методические работы, которые к нему обращаются.

Наконец, для решения проблемы здесь нельзя просто найти, как то часто бывает, звено, за которое можно вытащить всю цепь: необходимо учесть по возможности весь комплекс причин и следствий.

Нужны научные обоснования, нужны эксперименты, которые бы проработали ряд вариантов. И, вероятно, не создатели этих вариантов должны быть руководителями и исполнителями таких экспериментов. Очевидно, не следует проявлять торопливости. Но к делу, как было сказано на XXVI съезде партии, нужно приступить немедленно.

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА III

ВОСПОМИНАНИЯ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

2

Этого он мог бы и не спрашивать, мы даже обиделись. Он заметил, поправился:

— Ладно, замнем. Беру команду на себя. А вы отвечаете за подготовку.

И тут Эсбэ пришла замечательная мысль.

— Нам нужно иметь особый знак, — сказал он таинственно.

— Какой еще знак? — не понял Брысь.

— В Испании мы же не можем под своими настоящими фамилиями воевать. Мы же будем в разведке.

— Ну и что? Тебя зовут Эсбэ, его — Серьга, меня — Брысь.

— А если кого из нас тяжело ранят или убьют, как наши товарищи узнают, что это мы? Мы же потеряем сознание...

Брысь подумал и согласился:

— Ты прав. Что предлагаешь?

— Надо сделать наколки на руках. Вот у тебя же есть.

Брысь поглядел на свою голую руку, где была выколота черепаха.

— Можно. Только учтите, это больно.

Эсбэ презрительно фыркнул.

— Кто едет в Испанию, тот не боится никакой боли.

— Достаньте черной туши, пузырек, — сказал Брысь. — И четыре иглы.

— Какие иглы? — спросил Эсбэ. Мы не знали, как это делается.

— Обыкновенные, какими нянька шьет. И еще нужно немного ниток.

На следующее утро мы собрались в сарай у Эсбэ. Все было принесено: пузырек туши, четыре иглы и нитки. Эсбэ захватил бинт. Показав на бинт, Брысь удивился:

— А это еще зачем?

— После завяжем, а то дома увидят — упадет.

Приступили к делу.

Брысь сложил иглы так, что получился четырехугольник, и крепко замотал их ниткой в несколько слоев. Из ниток торчало четыре острия примерно миллиметра три длиной. Нитки служили ограничителем.

Начали с Эсбэ. Брысь макал в пузырек зачищенную спилку и рисовал на руке черепаху, а Эсбэ даже не дышал. Мы оба сильно волновались — это был важный момент, о котором мы давно мечтали.

В крышечку от гуталина Брысь налил туши, обмакнул в нее иглы, так что между ними тушь набралась, как в гнезде.

— Ну держись, — сказал он, захватил руку Эсбэ пальцами снизу, туго натянул кожу и вонзил иглы до упора, до ниток.

Эсбэ поблел от боли, но смолчал, даже не дернулся. На руке кровь смешалась с тушью — было похоже, как раздавишь ягоду черники.

Брысь прошел по контуру, а потом стал колоть сплошные квадратики — как это больно, я узнал, когда наступила моя очередь.

Наконец все было закончено. Руки у нас вздулись, будто под кожу и правда настоящая черепашка забралась. И горело, саднило так, что хотелось в голос выть. Нь нельзя.

Мы с Эсбэ покуривали, и он завязал бинтом руку мне, а я ему.

Отцу с матерью я сказал, когда спросили, что, мол, ободрались о гвоздь, который торчал

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—14.

Три черепахи

из забора. Но дня через три у меня ночью повязка съехала, мать утром увидела руку, сказала отцу. Он тогда в первый раз кричал на меня. А мать плакала и неделю со мной не разговаривала. Но они понимали, что ничего назад не повернешь, и в конце концов смирились.

Через месяц опухоль постепенно сошла и наколка приобрела почти такой вид, как у Брыся, чего мы с нетерпением ждали. Только все еще чуть краснели некоторые точки от игл.

Нам с Эсбэ предстояло сделать три клюшки, а три уже были готовы. Мы освободили для этого целый день и принялись за работу. По плану до отъезда оставалась неделя.

Эсбэ распиливал половинку дуги вдоль на три части ножовкой, а я точил ножи о брусок. Вдруг он как заорет.

— Ты чего? — говорю.

Он левой рукой машет, из указательного пальца кровь прямо ручьем.

— Кажется, палец отпил.

Оказывается, половинка дуги из упора выскользнула, а он ее левой рукой поддерживал, ну и чиркнул пилой по пальцу до кости.

Мы побежали в городскую поликлинику, до нее метров двести. Бежим, а Эсбэ говорит:

— Вот не хватало перед самой дорогой.

От боли он не так страдал — обидно было по-дурацки получить рану за неделю до отправки в Испанию.

Ну, сделали Эсбэ в поликлинике все, что надо, но клюшки пришлось доделывать мне, и получились они, понятно, не такие классные, как у Эсбэ. С одной рукой он мог только руководить мной, а сам смотрел и злился, что у меня все идет сикось-накось. Но, худо-бедно, три клюшки я смастерил. Правда, за них дали на десятку меньше, чем за клюшки марки Эсбэ.

Приближался наш отъезд. Накануне Брысь отправился в Москву и на Курском вокзале узнал расписание дальних поездов и с каких платформ они отправляются. Он привез вагонный ключ — добыл в Москве, а как, не сказал. Это была для нас необходимейшая вещь...

4 июля 1937 года мы покинули Электроград, выехав на пригородном поезде. Билеты до Москвы купили, чтобы не нарваться на контролера и не сорвать весь план в самом начале из-за пустяков.

Никакого багажа у нас не было, только три сумки для противогазов. Они висели у нас через плечо, в них были все припасы. Эсбэ положил в сумку маленький мешочек с горстью родной земли. Он сказал: мы будем целовать ее в минуту тяжелых испытаний и смертельной опасности, и это поднимет наш дух. Брысь хотел до икоты, потом сказал: придется землю целовать в натуре, а не через материю, потому что мешочек краденый — Эсбэ стащил его у няни Матрены, она хранила в нем принадлежности для штюпки чулок и носков.

Поджиги и ножи лежали на дне сумок. Все наши деньги — около трехсот рублей — были у Брыся, как у командира и старшего, а у нас с Эсбэ на всякий пожарный случай имелось по десятке.

Эсбэ очень хотел взять почтового голубя для пересылки боевых сообщений на родину. И наш атаман Богдан обязательно дал бы ему своего самого любимого почтаря, он один у него такой был, белый как снег. Но для этого надо было сообщить Богдану, куда мы

едем, иначе бы он не дал. Эсбэ подумал и отказался, хотя и эта идея была первый класс.

Палец у Эсбэ вроде бы прошел. Мы до этого бинт перебинтовывали каждый день — переворачивали той стороной, что почище, но бинт был все время один.

Через два часа мы приехали в Москву. Наш поезд, скорый до Батуми, отправлялся в десять вечера. Времени оставалось еще много, болтаться на вокзале на виду у милиционеров было ни к чему, и я предложил поехать в парк имени Горького. Там мы весело провели целых полдня, попробовали все аттракционы, ели мороженое и пили сидро. Правда, за все это пришлось платить, но мы не жалели, потому что хоть один раз в жизни человек должен как следует разгуляться, тем более нас ждали суровые испытания, и еще неизвестно, вернемся ли мы живыми...

В половине девятого приехали на Курский вокзал. Брысь повел нас через какие-то склады и вывел на железнодорожные пути по другую сторону вокзала. На путях стояли два состава, но оба скоро ушли. Мы присели за сложенные штабелем рельсы, и Брысь объяснил, что наш поезд должен отправляться с первого пути, самого ближнего к вокзалу. Наметили план действий и стали ждать.

Скоро на первый путь медленно втянулся длинный состав с большим паровозом. Уже смерклось, потому что небо было в тучах, и в этом нам повезло. Быстро перебежали через рельсы, Брысь спрыгнул на подножку вагона в середине состава, поглядел в тамбур, спокойно открыл ключом дверь и махнул нам рукой. Это был тамбур, где находилась печь. Брысь отпер штопором перочинного ножа висевший замок на двери отопительного отсека, и мы с Эсбэ сели на корточки по бокам от печи, а он нас запер и исчез. По плану, Брысь должен нас навестить, а часто или редко — это смотря по обстановке.

Сердчишко у меня билось, как овечий хвост, и у Эсбэ, наверно, тоже. Но мы успокоились, как только поезд тронулся. Летом печку топить не будут, так что потренировать никто не должен. А если и застучают, Брысь сумеет или выручить нас, или вместе с нами отдаться во власть кондукторов, а от них убежать — плевое дело...

Стучали колеса, скрипела холодная печка, звякала в ведре лопата, а паровоз иногда гудел то сердито, то радостно. Мы ехали в Испанию.

Шептаться — ничего не услышишь, говорить громко нельзя. Не помню, долго ли смотрели мы на пролетающие за темным окном красные искры, но проснулся я, когда окно уже было светлым. Эсбэ, как и я, лежал на оцинкованном грязном полу тесного закутка, свернувшись калачиком, и щека у него была то ли в саже, то ли в угольной пыли. Хотелось пить, но воды мы не взяли, и я снова уснул. Растолкал меня Эсбэ. Поезд стоял на какой-то большой станции.

— Серьга, Серьга! — шептал Эсбэ, и глаза у него были больше медного пятака.

— Я уже не сплю, — откликаюсь. — Что случилось?

— Весь народ из поезда вышел. Мы уже давно стоим.

— Сколько?

— Может, полчаса. А Брысь не идет.

За стенами вагона слышался громкий говор,

смех, крики носильщиков. И светло было, как в солнечный день.

Мы не знали, что предпринять, но тут заскрежетал замок на двери, дверь раскрылась на две половинки, и мы увидели Брыся.

— Живо за мной! — командовал он.

Через минуту мы курили за пакуаузом на солнышке и обсуждали положение. Было девять утра.

— Почему сошли? — спросил Эсбэ недовольно. — До Батума ехать еще двое суток.

— По кочану! — мрачно сказал Брысь, но злился он не на нас, а, похоже, на себя. — Или расписание изменили, или путь. Не в тот поезд мы сели, чижики. Это город Горький.

Эсбэ сразу стал спокойный и деловой. Спрашивает у Брыся:

— Что будем делать, командир?

— Надо подумать, штурман.

Забыл сказать, Эсбэ в нашей боевой группе значился штурманом, а я вторым пилотом — вроде как в экипаже самолета АНТ-25, на котором летали Чкалов, Байдуков и Беляков. Это придумал Эсбэ. Он говорил, так будет удобно для конспирации, когда начнем действовать в Испании, это сойдет с толку кровавых ищек генерала Франко. Ищейками назывались, конечно, не собаки, а люди — приспешники каудильо, они же клевреты.

Эсбэ озабоченно нахмурил брови и начал излагать:

— Мы приехали на Волгу... Волга впадает в Каспийское море... В Москву возвращаться нельзя, нас ищут... На Каспийском море стоит город Баку... От Баку до Батума не так далеко...

— Во дает! Без всякой карты! — Брысь понарошку дал Эсбэ шалабан. — Ты, наверно, по географии отличник?

Но за географию Эсбэ не обиделся, да и момент не тот, чтобы обижаться. Он выдвинул предложение:

— Надо пробраться к Волге, реквизируют лодку и плыть в Баку.

В те годы от Горького до Баку доплыть на лодке было, наверно, легче, чем сейчас, если иметь в виду только то обстоятельство, что гидростанций и водохранилищ тогда еще не существовало. Мы смело приняли новый план Эсбэ.

— Но сначала надо пожевать и водички попить, — сказал Брысь, и мы с этим охотно согласились.

Вышли, минуя вокзал, на какую-то улицу, Брысь разузнал у прохожего, как добраться до берега реки, и по дороге мы купили хлеба и воблы и напились воды из колонки.

Шли мы пешком, и путь был долгий. А когда увидели с высокого берега реку, оказалось, что это не Волга, а Ока — так объяснил сидевший на откосе старик.

Эсбэ достал из сумки свои карты и компас, что-то высчитал и успокоил нас с Брысем — мол, тут все равно, что Ока, что Волга. Мы находимся при впадении одной реки в другую.

Принялись за воблу. Она была замечательная, я такой никогда не пробовал. Постучишь о каблук, погнешь ее туда-сюда, шкуру сдеришь, против солнышка на нее посмотришь — насквозь светится, как янтарный камень.

Свои запасы не трогали — они еще пригодятся в черный день. Наелись и так.

Потом закурили, и Эсбэ вдруг говорит:

— Что-то палец ноет.

— А ну разверни, — приказал Брысь.

Размотал Эсбэ грязный бинт, видим — ранка

вся почти затянулась, но у ногтя маленькая трещинка, и как будто надрывает. И весь палец черный.

— Дело швах,— сказал Брысь.

Но Эсбэ лизнул палец, и кончик языка стал у него черный, а палец побелел.

— Это уголь,— объяснил Эсбэ.— Из поезда.

— Сильно болит? — спросил я.

— Ноет,— сказал Эсбэ.— Придется отрубить.

— Ты что, больной? — Брысь даже плюнул.

— Чтобы не было гангрены,— спокойно растолковал Эсбэ.— Так всегда делают, если нет другого выхода.

— Знаешь что, чижик, не лепи чего не надо,— разозлился Брысь.— Схожу в город, принесу бинт и йоду. Ждите меня здесь.

— Тогда принеси и воды,— сказал Эсбэ.— Надо купить какой-нибудь жбан, мы должны иметь в лодке пресную воду.

— А в реке соленая, что ли? — усмехнулся Брысь.— Ладно, сделаем.

Он ушел. И больше мы его не видели.

Что Брысь не придет, стало понятно утром. А всю ночь мы ждали его, засыпая на час и просыпаясь. На рассвете мы проснулись от холода. Река курилась под взошедшим солнцем. Наши рубахи и штаны сверкали алмазами — нас, как траву вокруг, покрывала роса. Я стучал зубами и глядел на Эсбэ, а он на меня.

Мы не могли поверить, что Брысь нарочно покинул нас, бросил, как котят, в чужом городе. Это на него непохоже.

— Может, ногу сломал,— сказал Эсбэ.

— А может, подрался с кем...

Эсбэ дрогнул лишь на минутку и тут же овладел собой.

— Ты готов продолжать путь? — сурово спросил он.

— Готов.

— Тогда подкрепимся — и вперед.

После воблы мучила жажда, а есть не хотелось. Но тут нам крупно повезло.

Мы увидели паца, примерно нам ровесника, в черных коротких штанах на одной лямке и серой заплатанной рубахе. В одной руке он нес бамбуковую удочку, в другой — узелок и консервную банку на веревочной дужке, как ведечко.

Подойдя ближе, он остановился и оглядел нас хитроватыми глазами.

— Привет,— сказал Эсбэ.

— Здорóво,— ответил паца, и такие у него были круглые «о», что я вспомнил, как Брысь пускает изо рта, когда курит, три кольца, одно за другим.

— Ты дешный?

— А ты?

— Мы плывем в Казань,— соврал Эсбэ, но это оказалось потом чистой правдой.— У тебя лодка есть?

— Ну, есть.

Короче говоря, мы столкнулись с этим бывалым рыбачком, что он на своей лодке доставит нас до первого удобного места на берегу Волги, откуда мы и двинем на низ, в Казань. За это мы отдали ему поджигу Брыся — его сумка осталась у нас, Брысь ушел в город без нее. Эсбэ показал, как надо стрелять и заряжать, а рыбачок в благодарности дал нам два крючка, свинцовое грузило и отмотал с удилица метра три лески. И на том мы с ним расстались.

До Волги мы видели лишь Москву-реку и Клязьму. Можно понять, как мы были ошарашены? Белые пароходы, баржи на поводу у буксиров, плоты с домами, печами и даже гусями плыли по реке, и она казалась само-движущейся дорогой.

Мы сняли ботинки, привязали шнурками к сумкам и зашлепали по песочку, на который набегала шептавшая волна. Берег был высокий и отвесный.

Не знаю, сколько отошли от Горького, но едва ли не к полудню увидели мы первое подходящее для привала место. Тут в Волгу впадал ручей, и в его устье образовалась ровная площадка. Пожалуй, это даже была маленькая речка, а ручьем она выглядела по сравнению с Волгой. Вода в ней оказалась чистая, прозрачная, холодная. Мы с Эсбэ лежали на спине, пока живот не стал, как барабан. Потом поели вчерашней воблы и сала из запасов и решили обследовать ручей. И правильно сделали.

Метрах в пятидесяти он делал поворот вправо, скрываясь за выступом высокого бело-

го откоса. За поворотом мы увидели лежащую на берегу ручья черную лодку.

Глаза Эсбэ загорелись неукротимым огнем, для меня он был похож в этот момент на Стеньку Разина, который только что бросил за борт персидскую княжну. Ясно, что лодка могла стать нашей добычей.

Она оказалась очень тяжелой, но мы, попутев, все же столкнули ее в ручей. На дне ее лежали весла с узкими лопастями, тоже не легкие. Уключины — два деревянных колышка с петлями из смоленого каната. На носу железная цепь, продетая в кольцо.

На цепи мы подвели лодку к стоянке, погрузили свое добро, вывели ее в Волгу, уселись и... Хотел сказать — поплыли, но это было бы сильным преувеличением.

Во-первых, ни я, ни Эсбэ грести не умели, да к тому же палец у Эсбэ нарывал, правда, с утра стало немного лучше. Во-вторых, с такой верткой лодкой управляться такими пудовыми веслами даже опытный подмосковный гребец научился бы не скоро. В-третьих, мы с Эсбэ открывали свою первую навигацию не где-нибудь, а на Волге. Не шутка...

Мы трезво оценили свои возможности, и Эсбэ сказал:

— Надо бы потренироваться, но здесь нельзя, мы должны уплыть подальше. Давай питаться.

У самого берега течения не было заметно — почти как на пруду. Опыт плавания на маленьких плотах по весенним прудам с помощью шеста у нас имелся. Первым на корму с веслом в руках встал я, а Эсбэ для баланса сел на носу. Я оттолкнулся веслом от дна, и мы начали водную часть своего пути в Испанию.

Перевернуться и утонуть мы не боялись, потому что плавали, как утки. А то, что на проплывавших мимо баржах волгари ржали при виде такого необычного способа передвижения по реке на лодке, нас не задевало. Была забота посерьезнее — ударить как можно дальше от места реквизиции. Причем должен признать, что совесть нас тоже не мучила. Ведь мы отправлялись воевать за свободу Испании, мы считали себя представителями великой страны. Что значит какая-то лодка, принадлежащая частному лицу, по сравнению с грандиозной интернациональной задачей, которую мы решали? Ну, побегает хозяин, поматерится малость, но в конце-то концов наше государство в целом не пострадает — ведь мы оставим лодку в Баку...

Худо-бедно, но к вечеру мы уплыли, наверно, километров на пять, выбрали местечко на низком берегу, вытащили лодку и уснули, даже не пожевав.

Эта стоянка была долгой — мы учились грести. А потом дело пошло гораздо лучше, хотя на четвертый день опять пришлось остановиться надолго. Куковали двое суток, пока не подсохли мозоли на ладонях.

Мы сходили в прибрежную деревню в сельпо, купили хлеба и спичек и потом по очереди ударили рыбу. Наживкой была шкурка от сала. По сей день удивляюсь: никогда до тех пор я не рыбачил, понятия не имел, как клюет, как подсекать, а ловились лещи просто до безобразия легко. Часа за два у нас на песочке образовалась целая гора рыбы, не меньше ведра. И все одна к одной, как лапти. И тут только мы сообразили, что ни жарить, ни варить ее не в чем.

Пришлось еще раз идти в деревню и реквизировать чугунок, сушившийся на заборе возле сельпо.

Если бы мы с самого начала готовились к путешествию по воде и имели в виду рыбную ловлю, у нас бы, конечно, имелись в запасе и перец, и лук, и лавровый лист, но, честное слово, и уха из одних лещей с солью, сваренная на костре, вкуснее ресторанной ухи.

Мы спали и купались, рыбачили и готовили еду, ели и опять спали. Нос у Эсбэ начал лупиться от солнца, а у меня плечи так обгорели, что больно было надевать рубашку. По вечерам, на сон грядущий, мы пели, чаще всего «Легко на сердце от песни веселой», из кинофильма «Веселые ребята». Вернее, пел Эсбэ, у него здорово получалось, а я подпевал.

Как стемнеет, ляжешь на сено — мы его из скирд и копен брали — и глядишь на небо. Если долго на одну звезду глядеть, она как

будто дышит, то пригаснет чуть, то разгорится, словно кто на нее подул. А на другие звезды глянешь — они мигают друг другу, а потом кажется, что это они на тебя показывают — мол, смотрите, какой храбрый и самостоятельный парень лежит там, на берегу реки Волги. Шевельнется жалостная мысль: как-то теперь чувствуют себя родители, но вспомнишь, ради какой цели кинул отчий дом, и поймешь, что ничего уж с этим не поделаешь. И вдруг просыпаешься, как будто и не засыпал, и солнце зажгло оранжевым огнем всю реку, сколько видно вправо и влево...

Понемногу мы начинали считать себя старыми речными волками. Но рыба надоедала, припасы в сумках таяли, и мы были вынуждены заниматься реквизициями, а это требовало больших усилий и подвергало опасности. Покупать мы уже ничего не могли, потому что от двадцати первоначальных рублей осталась всего трешка.

Беда наша была в том, что мы попали в межсезонье: в садах вишня уже отошла, а яблоки только-только наливались. Картошка на огородах ботвой удалась, а конопешь — там еще сплошной горох. Волей-неволей пришлось обратить внимание на домашнюю птицу. Так случилось, что поголовье кур в некоторых прибрежных деревнях и селах сократилось, но ненамного. Больше одной курицы в день съесть мы не могли, тем более что иногда удавалось приносить из курятника тепленькие яйца.

Хоть и говорится в народе про человека, у которого руки трясутся, что он будто кур воровал, но я с тех пор сильно сомневаюсь в точности этой поговорки. Во всяком случае, у нас с Эсбэ руки не тряслись.

Однако бог, как говорится, шельму метит, и жизнь нас скоро покарала.

Двадцать седьмого июля, после трехнедельного плавания, мы подошли к Казани и заночевали километрах в трех от города. Утром проснулись, искупались, поели. И только тут Эсбэ обратил внимание, что прямо против нас метров в ста от берега баржа на якоре стоит — видно, она ночью пришла, когда мы спали. Носом по течению развернута, за кормой лодка на коротком буксире.

— Глянь, на нас в бинокль смотрят,— сказал Эсбэ.

И правда, какой-то дяденька в белой майке-безрукавке стоит на корме баржи и держит перед глазами бинокль. Пока мы обменивались соображениями, этот дядя откладывает бинокль, подтягивает лодку, прыгает в нее, отяжеляется и плывет к нашему берегу.

— Давай! Быстро собираться! — говорит Эсбэ и кидает в нашу лодку сумки.

Но не успели мы ничего предпринять. Дядя в пять гребков уж тут как тут. Вдвинул лодку носом в песок, перемахнул на землю и прямо к нам.

— Издалече будете? — спрашивает и глазки щурит нехорошо.

— Из Казани,— врет Эсбэ.

— И лодочка из Казани будет? — издевается дядя.

— А откуда же еще...

— Так-так-так,— говорит дядя и берет в руку цепь, вдетую в кольцо на носу нашей лодки.— А случаем, не из-под Горького эта посудина?

Эсбэ отвернулся, будто не к нам речь, подобрал наши ботинки, сунул мне мои и дернул меня за рукав.

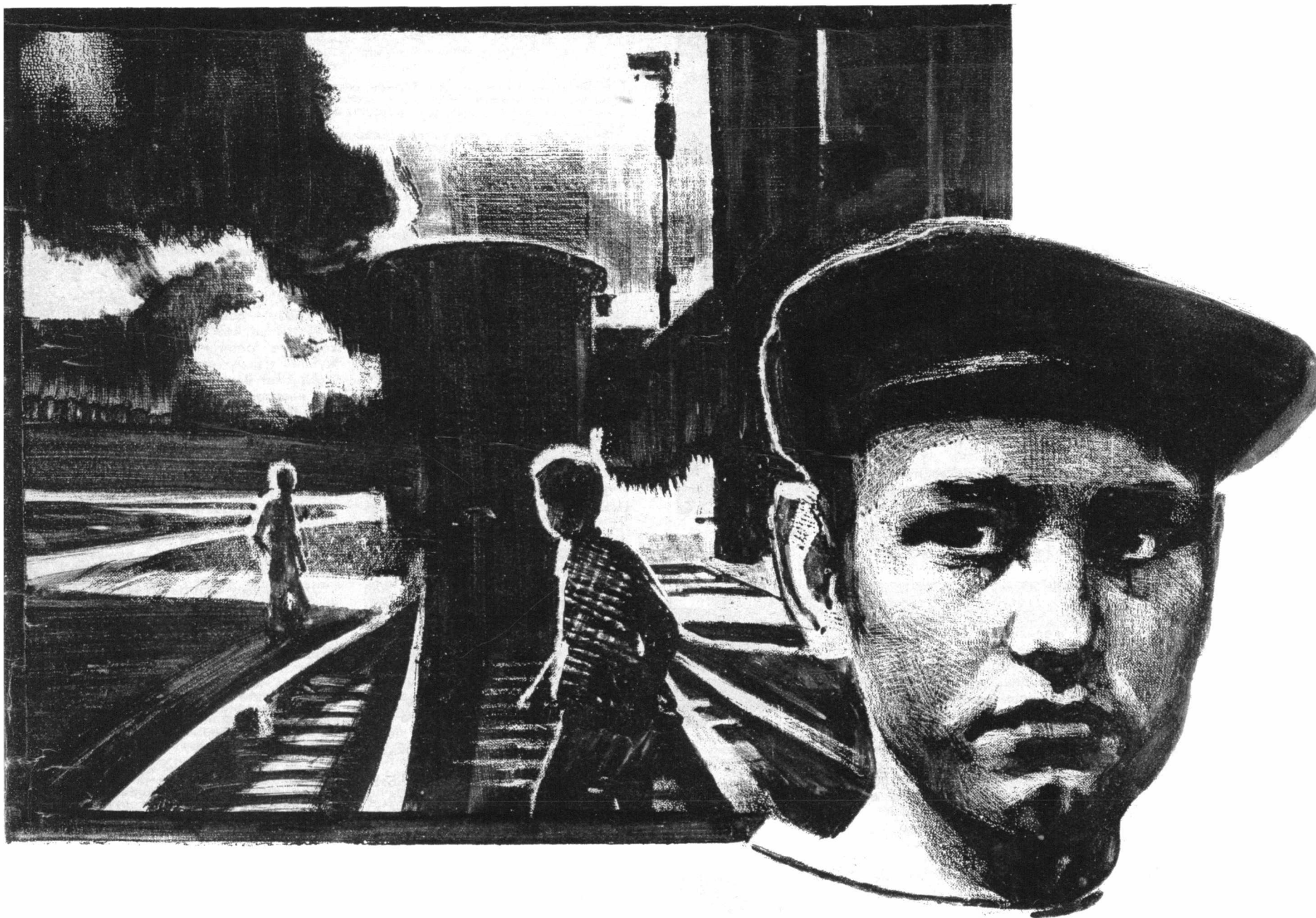
Мы дали такого стрекача — только ветер в ушах засвистел. А может, это дядя свистел, потому что я раз оглянулся и заметил, что он пальцы в рот сунул.

Сколько жить буду, никогда понять не смогу, как узнал этот дядя свою лодку. Это все равно что запомнить в лицо каждого из тыщи пойманных тобой лещей или судаков.

Но гадай не гадай, а мы потерпели катастрофу. Все осталось там, на берегу: поджиги и финка, карты и компас, соль, махорка и спички и даже мешочек с родной землей.

Дядя за нами не бежал, мы пошли шагом и обсудили положение. Судьба, до сих пор относившаяся к нам благосклонно, отвернулась от нас. Планы рушились. Удар был слишком жесток. Мы потеряли всякий боевой дух.

— Может, он взял нас на понт? — сказал Эсбэ, но я чувствовал, что он и сам не верит этому.

— Что же теперь? — спросил я.

Эсбэ вздохнул.

— Вернемся и начнем все снова. У нас теперь есть опыт.

У Эсбэ такая манера была: то говорит, как бродяга, то как по книжке, хлестче взрослого интеллигента.

Не стоит распространяться, как добирались мы до Москвы. Ехали и на товарных поездах и на пассажирских, на подножках, на крышах и на буферах. Это было нетрудно, если учесть нашу речную закалку. Ровно через сутки, утром двадцать восьмого июля, мы сошли с пригородного поезда на Рязанском вокзале в Москве. А на выходе с перрона нас остановил милиционер, пожилой дяденька с планшеткой на узком ремешке.

— Трохи подождите, хлопцы. — И отводит нас в сторонку.

Нам бояться нечего, домой едем. А он планшетку надвое разбросил, посмотрел, как в книгу, поглядел на наши рожи, застегнул планшетку и говорит:

— От оно як... Ты — Анатолий Серегин, а ты — Игорь Шальнев.

Взял нас за шиворот и повел. В милиции при вокзале он доложил дежурному: беглецы нашлись. И мы только тогда сообразили, что нас давно разыскивают по фотокарточкам.

До вечера сидели в комнате под замком.

Дали нам полбуханки черного, по куску рафинада и чаю в железных кружках.

Вечером приехала моя мать. Конечно, слезы, упреки. Но она быстро успокоилась и говорит Эсбэ:

— Тебя я тоже беру. — И жалостно так на него посмотрела.

Эсбэ спросил, почему не приехал его отец, а она говорит:

— Понимаешь, так получилось... В общем, после расскажу...

Мама расписалась в книге, что получила нас в целости и сохранности, и нас отпустили. Домой ехали на последнем поезде. В вагоне мама объяснила Эсбэ, что его отца забрали ночью две недели назад, но дома все в порядке, сестренка Оля и няня Матрена здоровы, а свою молодую маму Эсбэ не увидит, потому что она куда-то уехала.

Эсбэ спросил: что значит забрали? За что забрали? Мама сказала: никто ничего толком не знает, но будто бы за растрату. Ей, видно, не хотелось об этом разговаривать, и она перевела на другое.

— Хорош у вас дружок, — говорит. — Заманил и бросил?

Я даже про отца Эсбэ забыл от таких слов. Объяснять, что если кто кого заманил, так скорее мы Брысь, а не он нас, не стоило, все

равно бы она не поверила, но откуда ей известно, что Брысь в Горьком с нами расстался? Спрашиваю:

— А Брысь разве вернулся?

Она не поняла:

— Какой Брысь?

— Ну, Саша Балакин.

— Милиция вернула. С доставкой на дом.

Эсбэ молчал, а у меня в голове была полная карусель. Слишком много новостей для одного раза.

Теперь-то я понимаю, как сломалась тогда жизнь Эсбэ. Когда у него мама умерла, то была только трещина, а сейчас все полетело к черту. Ни отца, ни матери, сестренке два с половиной года. Кто кормить будет? Хорошо, хоть Матрена есть, но что она может?

На мне это тоже отразилось. Вероятно, я бессознательно начал догадываться, что все познается в сравнении. Когда бывало что-нибудь не так, не по мне, а хотелось сладенького, кто-то мне в ухо шептал: у тебя мама-папа есть, а у Эсбэ нету. Или так: у тебя ноги в валенках мерзнут, а Оля, сестренка Эсбэ, на улицу в мороз вообще не ходит — валенки купить не на что.

Но все это было, как тучи на небе, — придут, уйдут. Жизнь продолжалась. Как говорится, с учетом происшедшего.

Брысь оставался нашим героем. Мы были

правы, когда там, в Горьком, не поверили в его способность бросить товарищей. Все объяснялось проще. Брысь отправился в аптеку за бинтом и йодом для Эсбэ, но ради экономии денег хотел получить их бесплатно. Как на грех, в аптеке оказался вместе с ним милиционер в обычной гражданской одежде — тоже, наверное, пришел за медикаментами. Он заметил, что Брысь сильно озабочен насчет застекленного прилавка, забрал его, отвел в отделение, ну, а дальше все ясно.

Дядя Брысь поставил ультиматум: или бегись за ум, или возвращайся к родителям. Брысь с сентября пошел в школу, в восьмой класс. Мы с Эсбэ учились в седьмом.

Эсбэ по-прежнему делал ключики на продажу. Брысь иногда добывал то крупу, то сахар, а однажды принес четыре кило сливочного масла. Все это он отдавал Эсбэ. Но разве втроем так проживешь? Еще же и одеваться-обуваться надо.

После матери у Эсбэ остались кое-какие украшения — сережки, кольца. Матрена в Москву ехать боялась, да и неграмотная она, даже деньги считала кое-как. Ну, моя мама съездила, сдала в торгсин.

Уголь мы носили со станции, а с пилорамы — горбыль и щепу.

Иногда я звал Эсбэ к нам пообедать или поужинать, но он сначала соглашался, а потом сказал: «Я наемся, а Оля с Матреной?» И не стал ходить.

Понемногу все как будто налаживалось, Эсбэ начал веселее глядеть, но один раз произошла неприятность.

Там у нас на Красной, в доме номер четыре, жили недавно поселившиеся две семьи, которые дружили только между собой, а с другими знаться не желали. На две семьи — пятеро братцев, мордастые такие ребята, пухлые. Они с нами тоже не водились.

И вот раз в выходной день идем мы мимо этого дома, и самый старший из братцев, повыше нас ростом, кричит Эсбэ от своего крыльца:

— Эй ты, арестантов сын! Щепок-тряпок не надо?

Эсбэ кинулся на него, а они все пятеро там были. Я — на подмогу. Завязалась драка, и нам пришлось плохо. Но тут появился Брысь.

Он их даже не бил, просто расшвырял. И говорит, когда Эсбэ объяснил ему, в чем дело:

— Вы, толстомордые! В следующий раз ноги оторву и галоши есть заставлю.

Больше они Эсбэ не трогали, но он после этого как-то сник, вроде съезжился. Такие дела.

А в сороковом году произошло новое несчастье. Брысь попался на месте преступления — его взяли вечером в промтоварном магазине. Был суд, и его судили как взрослого, он уж совершеннолетия достиг. Дали три года. Он исчез из нашей жизни. Но, выражаясь красиво, не из души.

В сорок первом году, в июне, когда мы выпускные экзамены сдавали, Эсбэ приняли на работу в городскую газету, корректором. Редактор раньше дружил с дядей Андреем. И к тому же Эсбэ был грамотный, сочинения писал без единой ошибки.

А я уехал из Электрограда в октябре, когда цех отца эвакуировали. Оля, между прочим, уже в первый класс пошла.

Рассвело. Полковник Серегин встал из-за столика, открыл окно. На улице было прохладно и тихо. Свежий воздух выдавал из номера сигаретный дым.

— И больше вы его не видели? — спросил Басков.

— Эсбэ? То есть Шальнева? Нет, не видал. — Серегин как будто смутился и снова обернулся к окну. — Не ценим мы в молодые годы того, что не вернешь... Я ведь на юрфаке в Москве учился. До Электрограда два часа езды. И не выбрался... Хотелось, очень хотелось, да все некогда... Одно оправдание — уже на втором курсе женат был. А счастливому не до прошлого...

Они договорились, что в десять часов утра отправятся в Электроград. Басков домой не поехал. Серегин дал ему одну из двух подушек, снял с одеяла пододеяльник, и Басков устроился на диване.

Продолжение следует.

Виктор АНТОНОВ

В подмосковном городе Видное состоялся суд над тремя молодыми людьми (Федоровым, Жигаевым и Фомичевым), которые поймали чужую собаку породы сенбернар, оглушили ее и содрали шкуру, чтобы сделать из нее шапки.

Уголовное дело дважды прекращали «за отсутствием состава преступления». И только под давлением общественности дело было рассмотрено и передано в суд, который и вынес обвинение по статье 144 УК РСФСР, то есть за кражу личного имущества, поскольку статьи, осуждающей животодержство как таковое, в Уголовном кодексе Российской Федерации нет.

Жестокость у детей и подростков — не открытие новейшего времени. Кое-кто утверждает, что они жестоки по своей природе. Срабатывает-де аттавизм, еще не заглушенный воспитанием и системой запретов. Их жестокость происходит из любопытства и является его логическим продолжением.

Представьте, дети ловят голубей, заматывают клювы проволокой и отпускают — посмотреть, что получится. Или, подвешивая за хвост живого кота, обливают его бензином и поджигают...

Фантазия? Игра большого воображения? Увы — реальные случаи из нашего сегодня, пусть не типичные, но довольно-таки частые. А может быть, меньше стало грустных светлых сказок? Не станет же ребенок, плакавший над историей Серой Шейки, закручивать голубиный клюв...

Столкнувшись впервые с проявлением жестокости, став невольным свидетелем ее, всякий ребенок стоит перед выбором: вступить за жертву или стать сообщником палача? Третьего не дано. От выбора в детстве часто зависит и вся дальнейшая жизнь человека.

Об этом выборе, рано или поздно неизбежном для каждого, и говорил детский писатель Юрий Яковлев, выступая как общественный обвинитель на суде в Видном. Свой вопрос: на чьей стороне вы — на стороне мучителя или жертвы? — обращал он к взрослым людям, собравшимся в зале. Ответ оказался совсем не простым и не однозначным.

Речь общественного обвинителя прозвучала убедительно, особенно для людей, пришедших на суд с готовым мнением о виновности подсудимых и требующих примерного наказания.

Но нашлись и такие, кто не увидел в действиях этих троих че-

го-то уголовно наказуемого (вот над чем задумаемся!).

— Надо же, из-за какой-то собаки...

— Ну, присудили бы штраф. А то сразу — два года!

— Ни за что парней... Жалко, хорошие ребята, спокойные. Не жулики какие — рабочие парни...

Адвокат Варганова так поясняет эти настроения:

— Почему волнуется население города? Мой подзащитный — хороший производственник, о чем свидетельствует характеристика с предприятия. Примерный семьянин. А почетная грамота из армии — ее непросто заслужить, и я ее приравниваю к награде — свидетельствует, что он еще и отличный воин, достойный защитник Родины!

Это адвокат говорит о Жигаеве, в квартире которого происходил первый акт драмы, о том самом, что вручил нож Федорову и сам держал собаку, чтоб не вырвалась.

«Из-за какой-то собаки...» — слышишь не только от друзей-приятелей подсудимых, но порой и от «жутко интеллигентных людей» (правда, сторонящихся собак): в мире ведь есть несправедливости много больше...

А не потому ли они и есть, что всякое злодеяние мы сравниваем с еще худшим и разводим руками, вместо того чтобы пресечь малое, навалившись всем миром? Ведь малое — лишь первый шаг. Жалость и жестокость несовместимы. Либо то, либо другое. Где гарантии, что животодержы, оставшись безнаказанными, не сделают следующий шаг?

На вопрос, как они сами расценивают случившееся в тот вечер, все трое подсудимых говорят, что совершили глупость. Я слышал, как мать одного из них (того, что сдирал шкуру с оглушенного сенбернара) причитала, качая головой: «Какую глупость сделали!..»

Но, кажется, дело тут вовсе не в слове. И все, так или иначе причастные к содеянному, считают глупостью именно тот факт, что

Таким был Цезарь...

ребята связались с «чейной» собакой. А это уже статьи 144 УК РСФСР (кража) или 149 (уничтожение личного имущества). И тем не менее мало кто мог подумать, что общественность добьется судебного разбирательства. И так ведь уже разбирали: лишили 13-й зарплаты, исключили из комсомола, возбуждали и прекращали дело, теперь снова. И все «из-за какой-то собаки» по кличке Цезарь.

В перерывах герои дня держались спокойно, улыбались снисходительно, уверенные в благоприятном исходе. А вокруг приятели и подруги — такие же, двадцати с небольшим, — все сочувствуют, ободряют, сетуют: «Когда же кончится эта тяготища?» Не знаю, может быть, эти парни из Видного что-то поняли и даже осознали и их самоуверенность (до приговора) — лишь бравада?

Среди присутствующих в зале родителей подсудимых один (тоже, возможно, хороший производственник) проходит по делу как свидетель. Вот его слова:

— Как раз шла программа «Время», заходит сын, спрашивает, можно ли собаку раненую помыть? Я сказал: давайте в ванную, — и сам пошел смотреть телевизор... Что они там делали, не видел... Нет, следов крови тоже не видел, шума из ванной не слышал...

Уточним, что через несколько минут пришли соседи снизу, не выдержавшие «грохота и шума борьбы», и потребовали прекратить безобразие и увести собаку. Требование соседей было исполнено: собаку увели добывать к реке. Поэтому суд счел возможным отвести обвинение по статье 206 (хулиганство) как недостаточно обоснованное. Оказывается, с животным можете делать все, что вздумается, и совершенно безнаказанно, если это не потревожит ничьего покоя. Короче, если без свидетелей — то пожалуйста.

Хотя вот такой пример. В Казани у сестер-пенсионерок жили две собаки, беспородные, но зарегистрированные, с уплатой взносов в клубе служебного собаководства. Однажды, когда одна из сестер ушла за водой, а другая лежала больная, группа собаководов по указанию представителей ЖЭУ взломала входную дверь, чтобы «изъять свору собак». Выдворив больную на улицу, собаководы учинили в квартире форменный погром. На глазах соседей, сбегавшихся на крики, они забросили трупы собак в машину и уехали. Сестры застали забрызганное кровью жилище. Органы правосудия, куда поступило заявление потерпевших, пытались увещевать старушек, советовали забрать заявление. Представители ЖЭУ, виновники погрома, поначалу, испугавшись, обещали пенсионеркам достать других собак, хоть овчарок, и вдобавок снабдить дровами, а потом, успокоившись, пригрозили выселением.

И дело тут вовсе не в попустительстве следственных органов, а в том, что юридически нет состава преступления — подумаешь, какие-то дворняжки...

Не странно ли: преступление налицо, и в письме, адресованном в редакцию, подписались более сорока свидетелей (и сколько таких писем!), а «состава» нет. Нет?

А вот нашли же его работники одного московского предприятия, когда узнали (не было свидетелей, не осталось следов, но узнали), что один из рабочих, Варварычев, повесил и ошкурив в раздевалке маленькую дворняжку, пригретую и прикормленную всем коллективом (об этом случае писала «Советская Россия»). И ведь осудили по статье 206 УК РСФСР. На 3 го-

да. Своего осудили, такого же, как все! Нет, наверное, посчитали — не такого же...

А в Видном защита на суде упорно доказывала: «Подсудимые юридически не виновны, а морально они уже достаточно наказаны и осознали...» Адвокат Милованова напомнила постановление Моссовета и Мособлсовета о защите дикорастущих растений. «Нужно издать подобный нормативный акт об административной или уголовной ответственности в отношении животных в населенных пунктах» — вот тогда, мол, судить и будем. А пока его нет, как же судить?

Многие читатели давно просят принять конкретные меры по защите четвероногих наших друзей. Следовательно, нужен, и незамедлительно, закон об охране домашних животных, а не только правила содержания и отлова...

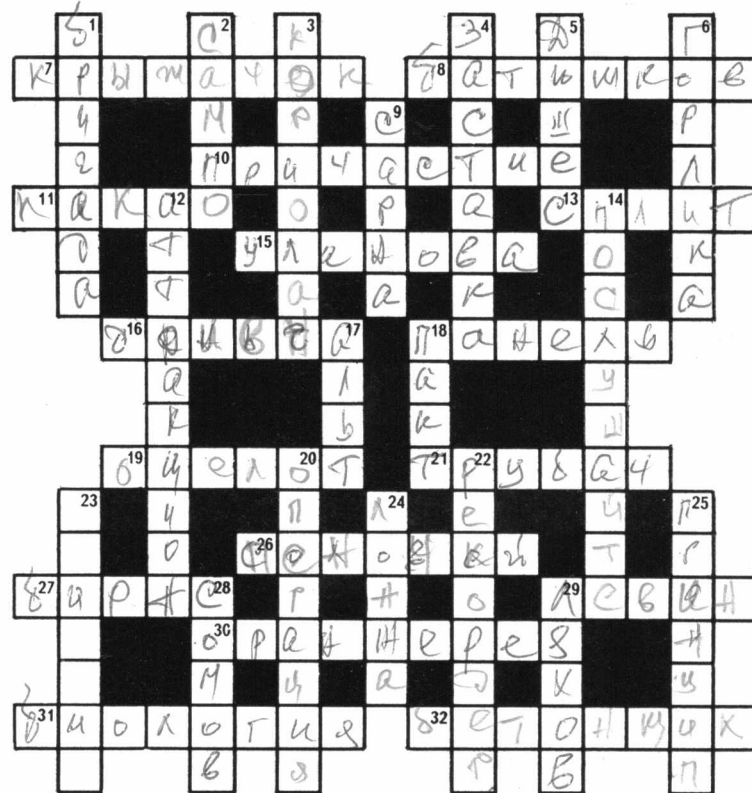
Кстати, о правилах. В выступлениях всех трех адвокатов прозвучала мысль, что ответственность за совершенное (само слово «преступление» обходили или заменяли более осторожными: «противоправственный, аморальный поступок») должны наравне с подсудимыми нести и хозяева сенбернара. Действительно, последнее часто выпускали Цезаря гулять одного и без ошейника, чем нарушали правила содержания и автоматически переводили своего подопечного в категорию «безнадзорных, подлежащих отлову». И прокурор Савина справедливо требовала частного определения в адрес владельцев погибшей собаки. Здесь есть своя жестокая логика. Во-первых, угроза аварийной ситуации на проезжей части. Во-вторых, есть люди — с этим ничего не поделаешь, — панически боящиеся собак. И, наконец, разве не ведали потерпевшие, что всегда могут найти «сильные духом», у коих не дрогнет рука и кого не смутит немой укор в глазах бессловесного существа? Не знали, что у собаки, даже очень заслуженной и очень породистой, нет защиты от человека?

И знали и ведали, сама потерпевшая рассказывала на суде, что в овраге на окраине есть свалка собачьих трупов и дети зимой катаются с горки на тех заледевших тушах...

Хотелось бы раз и навсегда подвести черту под этим делом, но, к сожалению, даже приговор достаточно снисходительный не ставит еще точки, не решает проблемы в целом. Раз нет в кодексе статьи в защиту «братьев наших меньших» от их старшего брата, не будет покончено с практикой истребления безвинных и бессловесных, с жестокостью, страшной еще и своими будущими проявлениями.

Бесспорно, одно судебное разбирательство с осуждением в итоге (два года лишения свободы условно, с обязательным привлечением к труду в местах, указанных органами МВД) действенной сотни писем в высокие инстанции. Это реальный шаг на пути к закону, которого все ждут. Да, его ждут, о чем свидетельствуют многочисленные тревожные сигналы из разных мест. Хочется верить, что органы юстиции отреагируют на них соответствующим нормативным актом.

А до той поры, извините, придется подлость называть глупостью, а садизм — недостатком, пробелом в воспитании.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Народная песня и танец в Белоруссии и Польше. 8. Русский поэт XIX века. 10. Глагольная форма. 11. Шоколадное дерево. 13. Город в Югославии. 15. Балерина, лауреат Ленинской премии. 16. Денежная единица в Древней Руси. 18. Крупноразмерная строительная конструкция. 19. Пушной зверь, обитающий в лесах Америки. 21. Музыкант, сигнализатор. 26. Небольшая певчая птица. 27. Шотландский поэт XVIII века. 29. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». 30. Застекленное помещение для выращивания южных растений. 31. Наука о строении организма. 32. Рабочий-строитель.

По вертикали: 1. Небольшой рабочий коллектив. 2. Первый карельский балет. 3. Трагедия Шекспира. 4. Эмблема телевизионной передачи. 5. Сорт груши. 6. Птица семейства голубей. 9. Антилопа, обитающая в саваннах Африки. 12. Устройство для развлечения в местах общественных гуляний. 14. Стихотворение В. В. Маяковского. 17. Низкий детский голос. 18. Международный договор. 20. Выполнение вычислительной машины действия над исходными величинами. 22. Электромеханическое устройство в аппаратах звукозаписи. 23. Молдавская певица, народная артистка СССР. 24. Приспособление, страхующее циркового артиста. 25. Основное исходное положение теории, учения, мировоззрения. 28. Океанолог, полярный исследователь, Герой Социалистического Труда. 29. Советский летчик-космонавт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 1. Пандус. 4. Танкер. 7. Пирогов. 9. Скорина. 10. Кулиса. 11. Фланец. 14. Кордильеры. 15. Кипарис. 17. Штурман. 18. Модерато. 19. Сеченов. 20. «Альберт». 22. Гидрология. 25. Каркас. 27. Кодо. 29. Капитан. 30. Анапест. 31. Чавыча. 32. Апатит.

По вертикали: 1. Пыжик. 2. Напильник. 3. Скопа. 4. Тариф. 5. Краснотон. 6. Ранец. 8. Взвод. 9. «Степь». 12. «Современник». 13. Треугольник. 16. Седов. 17. Шпага. 19. Сумароков. 21. Термостат. 23. Роцин. 24. Опока. 25. Калач. 26. Спица. 27. Копна. 28. Иркут.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Студенты Литовского педагогического института в Вильнюсе: Рита Лукошявичене, Аста Курмите и Вида Тарутайте. (См. в номере материал «Цвет проталин».) Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ЖУРНАЛА: Вид на Красноярский вулкан. Заповедное место гнездования чаек. Фото В. Кардашевского

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 22.03.82. Подписано к печати 06.04.82. А 00347. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1053. Заказ № 2128.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Старший лейтенант Сергей Аринин.

На перехват!

ОРЛИНОЕ

**Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные
корреспонденты «Огонька»**

Врач был строг. Так строг, что при одном виде старомодного пенсне, клочковатых бровей и жестяно накрахмаленного халата у молодых, спортивных ребят подскакивало давление, лихорадочно бился пульс, мелко дрожали пальцы.

И когда мечтающий о небе паренек панически обмирал, доктор говорил: «Вас, так и быть, в небо пушу». Правда, говорил он так далеко не всем. Юре Кравченко повезло: на его документах доктор поставил свою замысловатую подпись, а его младшему брату (хоть и младше он всего на пятнадцать минут, но все же младше) строго сказал: «Лечиться надо, молодой человек! Сердце ни к черту. Да и давление, как у гипертоника».

Это у него-то, боксера-разрядника, сердце ни к черту?! Сергей чуть не плакал. Как возвращаться домой? Как показаться на глаза родителям и одноклассникам? Вся школа провожала неразлучных братьев-близнецов в авиационное училище, теперь же Юрка наденет

голубые курсантские погоны, а он... Что делать? Куда податься? Все решилось неожиданно просто. Пришел Юрий с двумя объемистыми пакетами и сказал:

— Я забрал и свои и твои документы. Поклялись быть вместе, значит, надо быть вместе. Поедем в другой город, там тоже есть училище. Не все же доктора такие... драконы.

Драконы не драконы, но в том училище ситуация изменилась: Сережа медицинскую комиссию прошел, а у Юры нашли какие-то шумы в сердце. Теперь за документами пошел младший брат. Но Юрий его остановил:

— Не дури! Здесь есть штурманский факультет. Туда берут и с шумами. Так что я подам заявление на штурманский, а ты оставайся на летном.

Так братья поступили в одно училище, а потом их направили в одну часть. До сих пор они служат, если не каждый день видясь, то обязательно слыша друг друга. Старший лейтенант Сергей Кравченко летает на истребители-перехватчики, а старший лейтенант Юрий Кравченко — офицер боевого управления, то есть наводит брата на цель.

Полк, в котором служат братья, один из самых известных в войсках ПВО. Сформирован он в ноябре сорок первого и тогда же

принял боевое крещение. Бои в небе Северного Кавказа, Кубани и Украины были такие яростные, что, израсходовав боезапас, летчики-истребители, не задумываясь, шли на таран. Одни при этом погибали, другие, чудом уцелев, снова садились в кабины боевых машин.

День, когда мы приехали на аэродром, был очень напряженным: у летчиков шли совместные учения с ракетчиками. То они изображали цель и старались перехитрить ракетчиков, пытаясь прорваться в заданный район, то устремлялись на перехват самолета, поднятого с соседнего аэродрома. По несколько раз в день поднималась в воздух эскадрилья, которой командует кавалер ордена «За службу Родине» третьей степени подполковник А. М. Погребной. Надо было видеть, как четко, азартно и, я бы сказал, лихо работали летчики и операторы. Ни один самолет «противника» не смог прорваться в район, который охраняла эскадрилья. А ведь в кабинах тех самолетов сидели тоже не новички.

Во время короткого перерыва между полетами нам удалось немного поговорить с командиром эскадрильи и его заместителем по политической части майором И. Ф. Фуфаевым.

— Наша эскадрилья носит зва-

ние отличной. Отдавать его без боя не собираемся. Вот и летаем на любых высотах, в обстановке, максимально приближенной к боевой.

— Летаем так, чтобы наше мирное небо было, как говорится, на замке, — добавил И. Ф. Фуфаев, надевая защитный шлем. — Вызывают наше звено.

— И часто вы поднимаетесь в воздух? — спросил я.

— Стараюсь чуть чаще других, — улыбнулся майор. — Я убежден, что лучшая форма политработы — показать, как надо работать в небе. Выпустить «Боевой листок» или провести собрание — дело хотя и важное, но не такое сложное. А вот быть образцом в бою — посложнее. Но мы, молодые политработники, всегда берем пример с комиссаров-фронтовиков. Уж они-то, когда надо, могли и цепь на пулеметы поднять и сбить вражеский самолет, а в безвыходном положении шли и на таран.

Через несколько минут от полосу оторвалась одна пара перехватчиков, а за ней и вторая... Опустились сумерки, потом совсем стемнело, а самолеты все летали. Шла напряженная боевая учеба. Учеба во имя того, чтобы, как правильно сказал замполит, мирное советское небо было на замке.

П Л Е М Я

11 АПРЕЛЯ —
ДЕНЬ ВОЙСК
ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ
ОБОРОНЫ СТРАНЫ

Старшие лейтенанты Сергей и Юрий Кравченко.

Перед полетами.

Командира звена капитана О. Пилюгина после полетов встречают его дети — близнецы Юля и Саша.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

